

УРАЛЬСКИЙ
снегоступ
www uralstalker.com

ISSN 0134 – 241X

03 (657) март, 2012

АНОМАЛИИ Конжаковского кольца

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА
ИЗ ХЛЫНОВА

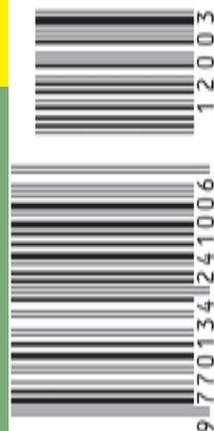
ЕМАНЖЕЛИНСКОЕ
КАЗАЧЕСТВО

ВИШНЕВОГОРСКИЙ
УНИКУМ

ОБРАЗЕЦ НЕФЕЛИНА
предоставлен Уральским Центром камня

9 770134 241006 12003

март 2012

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки М. Фирсова

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христорожский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №3 подписан к печати 7.03.2012 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в типографии «Артес», г. Екатеринбург, ул. Ухтомская, 45 тел.: (343) 287-03-52.

Заказ №

Встречный ветер

Экспедиции

А. ПУДОВКИН

Властелин кольца

(заметки

о Конжаковском Камне) 3

Особенности ориентирования

в Кытлымском районе 8

Геологическая характеристика

окрестностей поселка Кытлым .. 11

Камни Урала

С. КОЛИСНИЧЕНКО

Путешествие

за цирконом и нефелином

по Ильинским

и Вишневым горам 12

Река времени

Клуб собирателей

Р. МАЙЗИНГЕР

Легенды

на банкнотах22

Версия

А. РАШКОВСКИЙ

Город Хлынов

и спасская башня

Кремля26

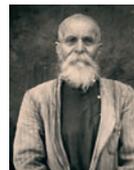
Тропой поиска

А. КОПЫРИН

Не зарастет

травой

забвения30

Павленковский ресурс

Ю. ДЕМЧЕНКО

Мирские и двоеданы

казачьей

станции34

В мире прекрасного

Я. КУНТУР

Смеющийся монах

(Фрагменты

очерка)38

Легенды и были

Ю. ГОРБУНОВ

Белая Каменка

(Легенда)44

Журнал в журнале

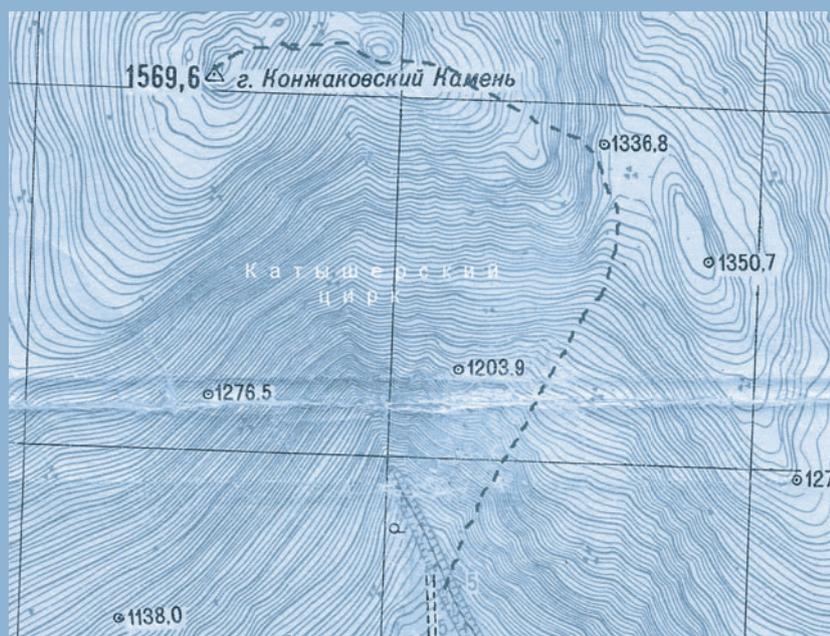
ВЛАСТЕЛИН КОЛЬЦА (заметки о Конжаковском Камне)

Иллюстрации предоставлены автором

Кольцо гор вокруг уральского поселка Кытлым издавна привлекает исследователей природы и любителей путешествий. Сотни туристических групп ежегодно посещают этот район с целью покорения Конжаковского Камня и прилегающих к нему вершин.

Александр Пудовкин

Преподаватель «Исовского геологоразведочного техникума».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Краткие географо-экономические сведения о районе

Кытлымский горный район расположен в осевой (водораздельной) части Северного Урала на территории, административно подчиненной городу Карпинску. Тип рельефа среднегорный, максимальная высотная отметка 1569,7 м — гора Конжаковский Камень, высшая точка Свердловской области и Северного Урала. Главные вершины района характеризуются островершинным грядово-увалистым рельефом с концентрически полосчатым рисунком фотоизображения, с хорошо выработанными ледниковыми цирками. Обвальнo-осыпные склоны гор имеют крутизну 10–20°, иногда до 35°. Относительные превышения составляют 200–1000 метров. Долины в верховьях рек прямолинейны, имеют корытообразный поперечный профиль и созданы выпахивающей деятельностью ледника. В долинах рек абсолютные отметки 300–500 метров. Главный Уральский водораздел проходит через вершины Конжаковского, Тылайского, Косьвинского камней, с которых на запад в бассейн реки Камы стекают реки Тылай, Косьва, а на восток — река Лобва и ее притоки: реки Иов, Серебрянка, Катышер, Конжаковка. Основная часть территории покрыта таежным лесом. Граница леса располагается на высоте 800–900 метров над уровнем моря.

Климат района континентальный, с коротким летом и продолжитель-

▲ Река Северный Катышер в своем верхнем течении

ной зимой. Среднегодовая температура составляет $-0,2^{\circ}\text{C}$, среднегодовая температура июля $+17,7^{\circ}\text{C}$ (максимальная $+35^{\circ}\text{C}$), января $-14,7^{\circ}\text{C}$ (минимальная -45°C). Среднегодовое количество осадков — 560 мм, из них 55% приходится на май-август. Снежный покров устанавливается в октябре и удерживается до середины мая (пятна снежников в горах исчезают в июне-июле).

Поселок Кытлым, находящийся в кольце гор, связан с городом Карпинском грунтовой дорогой протяженностью 55 км. Население поселка занято лесоразработками, добычей платины. В поселке располагается воинская часть, имеются магазины, медицинский пункт, столовая, школа, мобильная и телефонная проводная связь.

▼ Река Северный Катышер в своем верхнем течении

Туристические маршруты на Конжаковский Камень

Большинство туристических групп свои маршруты на Конжак прокладывают по долинам рек, берущих начало со склонов горы. По долинам можно максимально приблизиться к вершине, не выходя за границу леса, что важно в плохую погоду, особенно зимой.

Наиболее сложным является маршрут вверх по реке Полудневой на Иовское плато и далее на вершину. Основной «изюминкой» этого маршрута является штурм Иовского провала. Подъем и особенно спуск в Иовский провал зимой в плохую погоду является наиболее опасным участком маршрута — здесь нередко происходят драматические, а порой и трагические события, связанные с заблудившимися, слабо подготовленными или слишком самонадеянными группами.

Большинство туристов выбирают маршрут по реке Конжаковка. При движении вдоль р. Конжаковки исходной точкой для штурма Конжаковского Камня является «поляна художников» — открытое место в верховьях реки. Подход к «поляне художников» в последние годы осуществляется по так называемой «марфонке» — специально проложенной и промаркированной трассе.

В прошлом веке популярным был маршрут на Конжак по реке Катышер. Сейчас он используется туристами гораздо реже, но, на мой взгляд, является интересным. Для тех, кто не знаком с этим маршрутом, приводится его описание.

Река Катгышер берет начало с южных склонов горы Конжаковский Камень, образующих цирк ледникового происхождения. В своем верхнем течении река называется Северный Катгышер и протекает в троговой долине. В среднем течении река часто разветвляется на протоки, долина реки ассиметрична — правый борт крутой, левый пологий. В нижнем течении ширина реки 7 метров, глубина 0,6 метра, скорость течения 0,8 м/сек. Катгышер пересекает автомобильную дорогу Карпинск — Кытлым на 55-м километре и впадает в реку Лобва. Это место называется урочище Катгышер, здесь располагается туристическая база «Конжаковский Камень».

Маршрут вдоль долины реки Катгышер к вершине Конжаковского Камня имеет протяженность 16,7 км, и включает в себя четыре участка:

1. По лесной дороге от урочища Катгышер до урочища верхний Катгышер — 7,2 км
2. По лесной просеке от урочища Верхний Катгышер до реки Северный Катгышер — 4,2 км

▼ Урочище Верхний Катгышер, зарастающий лесом пустырь на месте бывшего поселка

3. По долине реки Северный Катгышер до границы леса на южном склоне Конжака — 2,3 км

4. По курумнику в обход «катышерского» цирка от границы леса до вершины Конжаковского Камня — 3 км.

Маршрут начинается на 55 километре автодороги Карпинск — Кытлым, где от трассы вправо на север уходит лесная дорога. Начало маршрута можно легко найти, пройдя 0,4 км по трассе в сторону п. Кытлым от туристической базы «Конжаковский Камень», расположенной на поляне урочища Катгышер.

Первый участок маршрута проходит по старой лесной дороге. Азимут движения 270–300 градусов. Через 4,5 км находится важная точка — развилка лесных дорог. Для продолжения маршрута нужно повернуть направо и двигаться 2,7 км по «плохой» дороге. Летом эта дорога доступна только для автомобилей повышенной проходимости, она ухабистая, каменистая, но топких мест и глубокой колеи опасаться не стоит. Есть участки, где автомобиль круто наклоняется на правый бок и может опрокинуться по неосторожности водителя. Людей из кузова лучше высадить и отправить пешком. Чтобы проехать по этой дороге, нужно иметь под ру-

кой бензопилу и топор для расчистки возможных завалов.

Урочище Верхний Катгышер представляет собой зарастающий молодым лесом пустырь на правом берегу ручья. Раньше здесь находился поселок Катгышер, ставший нежилым в середине прошлого века.

Перебраться через ручей несложно по валунам, а в паводок — в болотных сапогах. Зимой ручей вообще не приметен. На левом берегу признаки туристических стоянок: ободранные березы, костровища, колья от палок.

Вторым участком маршрута от урочища Верхний Катгышер до реки Северный Катгышер является лесная просека с магнитным азимутом 335 градусов. Протяженность участка 4,2 км. Первые 1,3 км, по просеке можно легко проехать на внедорожнике. Дорога заканчивается на краю старой вырубке. В 2010 году с целью обустройства маршрута мы построили здесь просторную избушку, но летом 2011 года она сгорела. Дальше, придерживаясь едва заметной просеки, идет извилистая тропа, обходящая поваленные деревья. Зимой можно проехать на снегоходе. Тропа в одном месте пересекает курумник и в нем теряется. Выйдя на курумник, надо его пересечь по азимуту 335 градусов, чтобы

▲ По водопаду на лыжах

не потерять тропу. В центре перехода через курумник у полусгнившего квартального столба вырыта яма, где летом почти всегда есть питьевая вода. После курумника через 1,8 км тропа-просека выходит на крутой левый берег реки Северный Катышер. В этом месте туристические группы обычно разбивают базовый лагерь, с которого налегке ходят в горы.

Третий участок маршрута длиной 2,3 км проходит по долине реки Северный Катышер. Чтобы не сбиться

с маршрута, двигаться лучше по руслу реки, придерживаясь левого берега, так как через 0,6 км река Северный Катышер разветвляется на два притока. Левый уходит по азимуту 0 градусов к вершине Конжаковского Камня, и его мы будем называть рекой Северный Катышер. Второй приток берет начало со склонов Острой Косывы и Тылайского Камня.

В долине реки Северный Катышер в 2,2 км от вершины Конжа-

ковского Камня имеется приметное место, где скалы, сложенные полосчатым тылаитом, вплотную подходят к руслу и горный поток образует небольшой водопад. Зимой водопад скрыт снегом и фирном, образующим короткий крутой склон, по которому трудно подняться на лыжах, а поднимаясь пешком, можно провалиться в воду. Выше водопада скалы на левом берегу в некоторых местах покрыты голубовато-зеленым натечным льдом. Ледовые натечки образуются подземными водами, выходящими на поверхность. Ледовые стенки имеют высоту 3–5 метров и могут быть тренажером для ледового лазания.

Продвигаясь от водопада 0,3–0,5 км вверх, группа решает, где оставить лыжи и продолжить движение пешком.

Заключительный участок маршрута — штурм вершины. Оставив лыжи в приметном месте, группа из долины уходит резко вправо по азимуту 5–15 градусов в обход крутых фирновых склонов «катышерского» цирка и по каменным осыпям поднимается на отрог Конжаковского Камня, являющийся водоразделом рек Конжаковка и Сев. Катышер. По водоразделу к вершине самый удобный путь. Преодолев несколько

▼ Натечный лед на прибрежных скалах Катышера

Встречный ветер

крутых и пологих подъемов и один небольшой спуск, максимум через 2 часа группа на вершине.

В плохую погоду при ограниченной видимости руководитель восхождения должен отчетливо понимать, что последние 1,5 км до вершины — это движение по дуге — азимут меняется с 340 до 240 градусов. На случай ограниченной видимости при внезапном ухудшении погоды необходимо уметь хорошо ориентироваться, чтобы вести группу «вслепую» по компасу или спутниковому навигатору.

Горная часть маршрута должна прокладываться безопасным путем. Крутые участки склона преодолеваются по курумнику, на пологих участках легче двигаться по фирну. Крутые фирновые поля следует обходить — слишком высок риск сорваться и, набрав скорость, упасть на камни. В плохую погоду при ограниченной видимости нельзя терять из вида друг друга.

Один из вариантов зимнего восхождения на Конжаковский Камень особенно интересен и красив. Это штурм вершины «в лоб» по крутому склону цирка, из которого берет начало Северный Катгышер. Маршрут начинается в каньоне реки у границы леса. До вершины 1,5 км склона со средней крутизной 26 градусов. Склон фирновый с редкими выходами скал и крупных глыб. Ближе к весне могут встречаться участки обледеневшего фирна. Маршрут нужно проходить в кошках и обязательно в связке со страховкой через ледоруб. При восхождении без кошек приобретается опыт рубить ступени. Страховка в этом случае также обязательна. Ведущий в связке должен уметь «зарубаться» ледорубом при соскальзывании вниз. Некоторые «любители» острых ощущений пытаются штурмовать крутые фирновые склоны без альпинистского снаряжения. Сорвавшись, они скользят с большой скоростью вниз и, падая на камни, в лучшем случае получают серьезные

Название точки маршрута	Географические координаты		Прямоугольные координаты в СК-42	
	северная широта (град.мин.сек)	восточная долгота (град.мин.сек)	X (км)	Y (км)
Начало маршрута (55-й км автодороги Карпинск-Кытым)	59 31 35	59 14 48	6603,560	10627,140
Развилка лесных дорог	59 32 42	59 11 07	6605,520	10623,590
Урочище Верхний Катгышер	59 33 35	59 09 12	6607,100	10621,730
Сгоревшая избушка	59 34 14	59 09 06	6608,310	10621,600
Старый квартальный столб на курумнике	59 34 47	59 09 02	6609,320	10621,500
Выход тропы на правый берег реки Северный Катгышер	59 35 52	59 08 52	6611,330	10621,280
Впадение в Северный Катгышер «Тылайского» притока	59 36 10	59 08 43	6611,900	10621,120
Водопад	59 36 44	59 09 03	6612,940	10621,400

травмы. В антологии несчастных случаев на Конжаке таких примеров достаточно много.

Имеется опыт спуска с вершины Конжаковского Камня в долину реки Сев. Катгышер по склону между Конжаком и Тылаем на обычных туристических лыжах с полужестким креплением на валенках. На этом склоне снег почти полностью скрывает каменные осыпи, но, превращаясь в фирн с крупными застругами, делает спуск на лыжах невозможным. Нужен подходящий момент, который наступает после снегопада в относительно безветренную погоду. Слой пушистого снега позволяет управлять лыжами, и лыжник скользит серпантинном в намеченную точку. Уместно напомнить, что после обильного снегопада при неблагоприятном стечении обстоятельств все может закончиться лавиной, которую «подрежут» лыж-

ники. Другая опасность — выскочить на крутой склон, на котором рыхлого снега может не оказаться. Падение и неуправляемое скольжение вниз в этом случае неизбежно. Более простой вариант катания по «диким» склонам — корытообразная долина в верховьях Северного Катгышера.

Лучшее время для зимних походов в район Конжаковского Камня — февраль-март, летом комфортнее всего путешествовать в августе. **✎**

▲ Крутые заснеженные склоны Катгышерского цирка

▲ Азимут на вершину
Конжаковского Камня

ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТИРОВАНИЯ в Кытлымском районе

Иллюстрации предоставлены автором

Распространено мнение, что из-за магнитной аномалии компас в Кытлымском районе «не работает». Руководители некоторых туристических групп предпочитают ориентироваться по интуиции, что часто является причиной возникновения аварийных ситуаций. С другой стороны, в отчетах о путешествиях приводятся многочисленные примеры успешного ориентирования по компасу. Мы специально выясняли возможности ориентирования по компасу в районах магнитных аномалий, в том числе и в Кытлымском районе.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

На Урале интенсивные магнитные аномалии сопровождаются интрузивными массивами горных пород ультраосновного и основного состава (дуниты, перидотиты, пироксениты, габбро). Массивы располагаются в виде меридиональных полос (поясов). Наиболее интересен в этом отношении Платиноносный пояс Урала, проходящий по главным вершинам Уральского хребта (г. Соловьева, г. Качканар, г. Конжаковский Камень, г. Денежкин Камень и др.). Наиболее сильно на работу компаса влияет магнитная аномалия горы Качканар — здесь ориентироваться по компасу может только опытный человек. В районе Конжаковского Камня и всего кытлымского кольца гор участки с аномальным магнитным полем, сильно влияющим на показания компаса, встречаются редко, их размер не превышает 50 метров. Наиболее вероятно оказаться в таком месте на склонах и вершине Конжака, на вершине Тылайского Камня, на предвершинных склонах Сухогорского (Казанского) Камня и по периметру Иовского плато, где имеются скальные выходы магнетитовых пироксенитов. Если стрелка компаса «пляшет», т. е. меняет свои показания при движении наблюдателя, нужно выйти из аномальной зоны, пройдя несколько десятков метров, и найти место, где компас работает стабильно. Убедиться в стабильной работе компаса просто. Нужно не отрываясь следить за стрелкой и двигаться строго по прямой линии 10–15 метров. Отклонение стрелки не должно превышать обычной ошибки при ориентировании «с руки» (5–10 градусов).

При стабильной работе компаса этому прибору при ориентировании нужно безоговорочно доверять. Уместно напомнить основные правила работы с компасом, соблюдать которые особенно важно в районах магнитных аномалий.

1. Проверьте исправность компаса:

- стрелка должна качаться на оси, не залипая в крайних положениях;
- успокоившаяся стрелка при легком постукивании по корпусу компаса должна вздрагивать и не менять свои показания;
- при приближении к стрелке стального предмета (гвоздь, нож) стрелка должна активно качнуться.

2. Во время измерений исключите влияние на стрелку компаса магнитных предметов:

- транспортные средства мешают работать с компасом, находясь ближе 5 метров;
- массивные стальные предметы (топор, пила, ледоруб), если они сильно намагничены, влияют на стрелку компаса, находясь ближе 1 метра;
- фотоаппарат, спутниковый навигатор, мобильный телефон должны находиться не ближе 0,4 метра от компаса;
- часы, фонарь, украшения, застежки одежды и другие предметы на руках, голове могут быть магнитными и должны быть удалены от стрелки компаса на расстояние более 0,2 метра;
- на хребте Серебрянский Камень и на Иовском плато проводились геологоразведочные работы и брошены массивные стальные предметы (бурильные трубы, оборудование) — не работайте с компасом вблизи от этих предметов.

3. Компас во время измерений должен находиться как можно выше от поверхности земли.

4. На расстоянии ближе 5 метров сбоку от компаса не должно быть каменной поверхности; не выполняйте измерения около скал, в скальных расщелинах и нишах, в канавах и ямах, рядом с крупными глыбами.

Если показания компаса не совпадают с вашим представлением

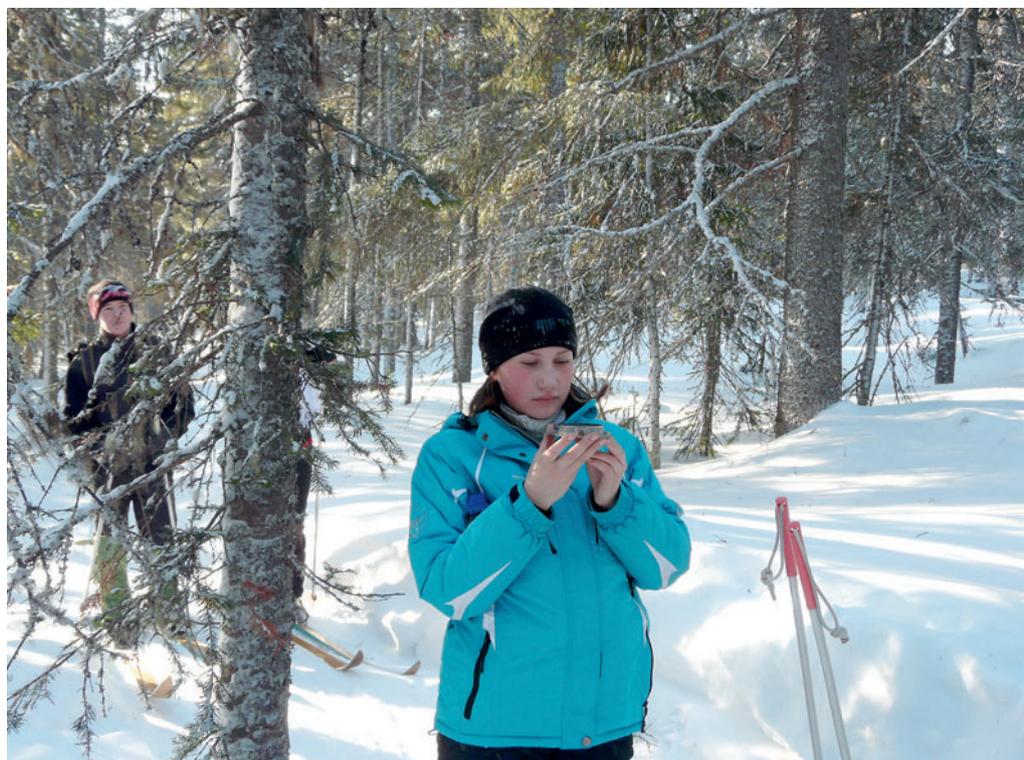
о местности, нужно признать, что вы потеряли ориентировку. Часто в сознании человека происходит «разворот» местности на 180 градусов — заставьте себя изменить представление о местности в соответствии с показаниями компаса.

Профессиональное решение задач ориентирования с помощью спутниковых навигационных приемников предусматривает использование топографических карт, имеющих координатную сетку. В настоящее время в открытом пользовании находятся «слегка» устаревшие топографические карты масштаба 1:200000 и масштаба 1:100000 в системе прямоугольных координат 1942 года (СК-42). На основе этих карт с сохранением координатной сетки созданы атласы регионов. Сетка в атласах не оцифрована, но это легко исправить, определив навигатором прямоугольные координаты в СК-42 приметного ориентира, имеющегося на карте и на местности.

Настройку GPS-приемника для определения местоположения в прямоугольной системе координат 1942 года рассмотрим на примере прибора GPS тар 60 Сх.

Настройка приемника может прерваться появлением на экране

▼ Проверяем работу компаса на подходах к Конжаковскому Камню

окна, предупреждающего о том, что приемник не может обнаружить спутники (например, вы работаете в помещении). Уберите окно нажатием кнопки PAGE.

Система координат СК-42 создана в проекции Гаусса-Крюгера на основе эллипсоида Красовского.

НАСТРОЙКА НА СЕТКУ ПРЯМОУГОЛЬНЫХ КООРДИНАТ СК-42 В ПРОЕКЦИИ ГАУССА-КРЮГЕРА.

Настройка осуществляется на странице «Сетка Пользователя».

После включения GPS-приемника нажать два раза кнопку «MENU» – появится страница «Главное меню». Выбрать «Настройки» и нажать ENTER, появится страница «Меню настроек». Курсором выделить поле «Единицы», нажать кнопку

ENTER – появится страница «Единицы измерения», на которой нужно выделить курсором поле «Формат координат» и нажать ENTER. Появится окно со списком наиболее распространенных в мире систем координат. Прокручивая курсором список, нужно найти и выделить строку с надписью User UTM Grid (формат координат пользователя) и нажать ENTER. Появляется страница «Сетка пользователя». На странице «Сетка пользователя» нужно заполнить четыре строки:

1. «Центральный меридиан» – это меридиан 6 градусной зоны, где выполняются измерения. Кытлымский район располагается в 10 зоне, центральный меридиан 10 зоны 57° восточной долготы. Курсором выделить строку «центральный меридиан», нажмите ENTER,

появилось окно с цифрами и символами. Используя курсор и кнопку ENTER, ввести центральный меридиан (для 10 зоны E 057°00,000') и нажать кнопку ОК. Символ E – восточная долгота – выбирать из списка, находящегося под кнопками с вертикальными стрелками.

2. «Масштаб» для СК-42 принимается как +01,0000000.
3. «Условное смещение на Восток» +500000,0m.
4. «Условное смещение на Север» 0000000,0m.

УСТАНОВКА ПАРАМЕТРОВ НАСТРОЙКИ В ЭЛЛИпсоИД КРАСОВСКОГО

Проверенные на практике численные значения параметров (по ESRJ):
 $Dx=+00028m$, $Dy=-00130m$,
 $Dz=-00095m$, $Da=-00108m$,
 $Df=+0,00480800$.

Параметры вводятся на странице «Новая система координат».

На странице «Единицы измерения», путь к которой указан выше, выделить «Датум карты», нажать ENTER, появится окно со списком систем координат. Необходимо найти в списке User – систему пользователя – это конец списка. Выделить User, нажать ENTER, откроется страница «Новая система координат».

Для введения численного значения параметра выделить соответствующую строку, нажать ENTER. Откроется окно с цифрами и символами, кнопками курсора и кнопкой ENTER – ввести значения параметра. Нажав кнопку «ОК», вернуться на страницу «Новая система координат». Аналогично ввести все параметры, после того выделить поле «Сохранить» и нажать ENTER.

После настройки местоположение всех определяемых и замаркированных в приборе точек будет выражено координатами в СК-42. В окне «Позиция» верхняя цифра – координата Y (у которой первые две цифры – номер зоны – обозначены цифрой 0), нижняя цифра – координата X. Координаты указаны в метрах.

Имея топографическую карту и GPS-приемник, определяющий местоположение в системе координат этой карты, вы легко сможете решать любые задачи ориентирования, обеспечивая для своей группы оптимальный и безопасный маршрут движения к намеченной цели. **УС**

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

окрестностей поселка Кытлым

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ Скальные выходы пироксенитов на Иовском плато и склонах Конжака

Интрузивные массивы Кытлымского района
Выкопировка с геологической карты О-40-VI, автор
Л. П. Ефимова

Иллюстрации предоставлены автором

Геологическое описание составлено по монографиям известных уральских геологов А. А. Ефимова и О. К. Иванова.

В геологическом отношении район поселка Кытлым представляет собой комплекс массивов, располагающихся среди древних вулканических пород. Считается, что массивы образовались примерно 550 млн лет тому назад в результате внедрения горячего твердо-пластичного вещества земных недр в вулканические породы Уральской складчатой системы. Разнообразные геологические процессы в недрах земной коры создали горные породы. Геологические процессы на земной поверхности сформировали живописный современный рельеф района в виде кольца горных вершин.

Кытлымский комплекс состоит из нескольких массивов, имеющих свои особенности в строении и вещественном составе. Интрузивные массивы сложены горными породами, которые в свою очередь состоят из минералов. Главные минералы кытлымских интрузий: оливин, пироксен, роговая обманка, плагиоклаз, титаномагнетит.

Оливин (Mg, Fe)₂ (SiO₄) — минерал светло-желтого цвета, иногда с зеленоватым оттенком. Образует, как правило, мелкозернистые агрегаты. Зерна округлой формы.

▲ Скальные выходы пироксенитов на Иовском плато и склонах Конжака

Оливин часто замещается скрытозернистым серпентином и приобретает зеленовато-черный цвет. На поверхности при выветривании оливин становится желтовато-бурым и в конечном итоге разлагается в охристо-глинистую массу.

Пироксен ($Mg, Fe)_2 (Si_2O_6)$ — минерал темно-серого цвета, часто с буроватым оттенком. Зерна пироксена в породах коротко призматические (слегка вытянутые), имеют спайность (дают зеркальный отблеск).

Роговая обманка ($NaCa_2 (Mg, Fe)_4 (Al, Fe) (OH, F)_2 Al_2Si_6O_{22}$) — минерал черного цвета. Образует длиннопризматические зерна с хорошо заметной спайностью.

Плаггиоклаз $Ca (Al_2Si_2O_8)$ — минерал белого цвета с различными оттенками: серыми, зеленоватыми, буроватыми. Спайность плохо заметна.

Титаномагнетит ($Fe, Ti)Fe_2O_4$ — имеет черный цвет и металлический блеск на свежем сколе. Образует в породах отдельные зерна и скопления зерен. На выветрелой поверхности валунов и скал титаномагнетит выступает в виде черных шлакообразных наростов. Титаномагнетит — магнитный минерал.

В горных породах кытлымских интрузий, кроме описанных выше минералов, встречаются серпентин, хромит, платина, кварц, биотит и др.

Наиболее распространенными горными породами кытлымских интрузивных массивов являются дуниты, пироксениты, тылаиты, габбро.

Дуниты состоят из зерен оливина размером около 1 мм. Перекристаллизованные дуниты (пердуниты) имеют гораздо больший размер зерен. Оливин частично (на 20–30%) замещен скрытозернистым серпентином, в результате окраска породы на свежем сколе темно-зеленая, зеленовато-черная. Не затронутые серпентинизацией дуниты Иовского тела имеют светлую желтовато-зеленоватую окраску. Выветрелые дуниты напоминают шероховатый желтовато-серый песчаник. При выветривании в дунитах проявляется плитчатая отдельность — следствие изначальных механических напряжений при формировании породы. В дунитах наблюдается редкая вкрапленность мелких (до 1 мм) зерен хромита (черный немагнитный минерал с металлическим блеском). Иногда зерна хромита концентрируются в небольшие скопления — прожилки и шпильки. На Урале с дунитами, содержащими хромит, связана платина. Содержание платины в дунитах велико — десятые, сотые доли грамма на тонну породы, редко в хромитовых скоплениях до 40 г/т. В результате выветривания больших объемов дунита образовались кытлымские платиновые россыпи, из которых добыто около 20 тонн платины.

Пироксениты состоят из пироксена. Это средне- или крупнозерни-

стые породы (размер зерен 1–10 мм) зеленовато-темно-серого цвета на свежем изломе. При наличии оливина порода называется оливиновый пироксенит. В магнетитовых пироксенитах (косьвитах) присутствует (до 10%) титаномагнетита. Такие породы на небольшом расстоянии притягивают стрелку компаса.

Тылаиты — горная порода пестрой черно-белой окраски, состоящая из пироксена 70% и плаггиоклаза 30%. Это полосчатые породы, в которых крупные (10–20 мм) зерна пироксена (реже плаггиоклаза и оливина) сцементированы мелкозернистым агрегатом этих же минералов.

Габбро состоят из переменных количеств пироксена, оливина, плаггиоклаза, титаномагнетита. Габбро «серебрянского» типа состоит из пироксена, роговой обманки и плаггиоклаза. Порода обычно крупнозернистая, полосчатая, хорошо различаются главные составные части: полупрозрачный сероватобелый плаггиоклаз, черная роговая обманка и темно-зеленый пироксен. Габбро «сухогорского типа» состоит из оливина, пироксена и плаггиоклаза (оливиновое габбро). На выветрелой поверхности отличается от других пород по ржавым пятнам оливина плаггиоклаз белый, пироксен темно-зеленый. В породах повсеместно распространена полосчатость. Размер зерен, слагающих породу, может ме-

няться от 1 мм до нескольких сантиметров.

Кроме указанных выше пород, существуют их разновидности, имеющие свои названия. Любители могут собрать коллекцию образцов оригинальных горных пород, названных по географическим названиям района: конжакит, тылаит, косьвит, кытлымит и др.

Комплекс интрузивных массивов в районе поселка Кытлым включает в себя Конжаковский, Косьвинский, Серебрянский и Сухогорский массивы.

Конжаковский интрузивный массив слагает горы Конжаковский Камень, Тылайский Камень, Острая Косьва и их отроги, имеет округло-треугольную форму и размер в плане до 11 км. Массив сложен пироксенитами, тылаитами, дунитами и габбро.

Большая часть массива сложена пироксенитами и тылаитами. Пироксениты между реками Катышер и Конжаковка, а также в окружении Иовского дунитового тела отличаются повышенным содержанием титаномагнетита. Здесь нужно быть особенно внимательным при ориентировании по компасу. Сильно магнитные пироксениты встречаются в виде мелких тел вокруг Конжаковского Камня, Тылайского Камня,

Острой Косьвы. Магнитная восприимчивость пироксенитов и тылаитов в среднем $3200 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, у рудных магнетитовых пироксенитов до $15000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ.

Дунитовые тела залегают среди пироксенитов на хребте к югу от Тылайского камня и вблизи вершины Конжаковского Камня. Наиболее крупное Иовское дунитовое тело расположено в 2 километрах на восток от вершины Конжака на перевале, разделяющем реки Конжаковка и Полудневая. Неустойчивые к выветриванию дуниты на поверхности разрушаются быстрее других пород, что привело к образованию Иовского провала и Иовского плато — живописной «лужайки» среди скал и каменных склонов. Дуниты Иовского тела светло-желтые, слабо серпентинизированные. Это прекрасное огнеупорное сырье, качество и количество которого определено геологически разведками. Начало разработки дунитов — вопрос времени.

Небольшие разрозненные габбровые тела полукольцом с запада окружают Конжаковский массив.

Косьвинский интрузивный массив слагает гору Косьвинский Камень и ее западный отрог — Сосновский увал. Массив сложен дунитами, пироксенитами, тылаитами. Основная часть массива — разнообразные

пироксениты: мономинеральные, оливинсодержащие, магнетитовые (косьвиты).

Магнетитовые пироксениты, содержащие до 10% титаномагнетита, являются сильно магнитными породами (магнитная восприимчивость $(10000-15000) \cdot 10^{-5}$ ед. СИ).

В состав Косьвинского массива входит два дунитовых тела: Сосновское (западная часть массива) и Юдинское, расположенное в 3,5 км к востоку от вершины Косьвинского Камня (Косьвинское Плечо). От Косьвинского Плеча отходят платиноносные лога: Поповский, Юдинский, Ободранный. Сосновское дунитовое тело также дает начало платиновым россыпям по рекам Тылай и Косьва.

К западу от вершины Косьвинского Камня находится полоса тылаитов, отделяющих Сосновское дунитовое тело от основного массива.

Серебрянский интрузивный массив располагается в районе хребта Серебрянский Камень и его отрогов. Массив сложен габбровыми

▼ Характерная поверхность выветривания дунитов в обнажениях Иовского провала

породами «серебрянского типа». В породах может присутствовать титаномагнетит, который редко образует богатую вкрапленность и жилы сплошной руды. Повсеместно развита медносulfидная минерализация (борнит Cu_5FeS_4 , халькопирит CuFeS_2) с налетами зеленого малахита и синего азурита. В Серебрянском массиве известен ряд проявлений медных руд, которые подвергались разработкам. Проявление Серебрянский Камень находится в 600 метров западнее главной вершины горы среди скал на крутом склоне в долину реки Серебрянки. Заброшенный карьер имеет длину 80 метров и глубину до 30 метров. Проявление Серебрянский рудник находится в 3 км к югу от главной вершины — это выработка размером 10x4x5 метров. Медные руды Серебрянского массива бедные и в настоящее время не имеют промышленного значения. Последними геологическими работами в этих рудах установлено повышенное содержание металлов платиновой группы (палладий, рутений).

Сухогорский интрузивный массив имеет овальную форму и протягивается от горы Колпак на северо-восток до устья реки Иов. Длина массива — 20 км, ширина до 12 км, в центральной части массива располагается хребет Сухогорского (Казанского) Камня. Массив сложен габбровыми породами «сухогорского типа». Характерной особенностью массива является присутствие небольших тел оливиновых пород с высокой концентрацией титаномагнетита. Некоторые из этих тел в 18 веке служили объектами добычи железных руд. Средняя магнитная восприимчивость горных пород Сухогорского массива

ва $6000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, у оливинитов с титаномагнетитом до $15000 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ.

Интрузивные массивы Кытлымского комплекса залегают в древних вулканических породах, сильно измененных со времени своего образования в ордовике и силуре. Породы представлены зелеными сланцами и массивными диабазами. Косвинский массив отделен от Конжаковского массива кытлымитами — вулканическими породами, превращенными в роговики под действием высокой температуры интрузивных масс. Кытлымитами сложен Катъшерский хребет.

Коренные интрузивные и вулканические породы района на дневную поверхность выходят в виде скал на вершинах и склонах гор, по берегам рек и ручьев, но в основном перекрыты сравнительно молодыми рыхлыми отложениями.

Делювиальные отложения широко развиты на склонах гор. Выше границы леса они представлены глыбово-щебнистыми осыпями (курумником), в лесной зоне — глыбово-щебнисто-глинистым материалом.

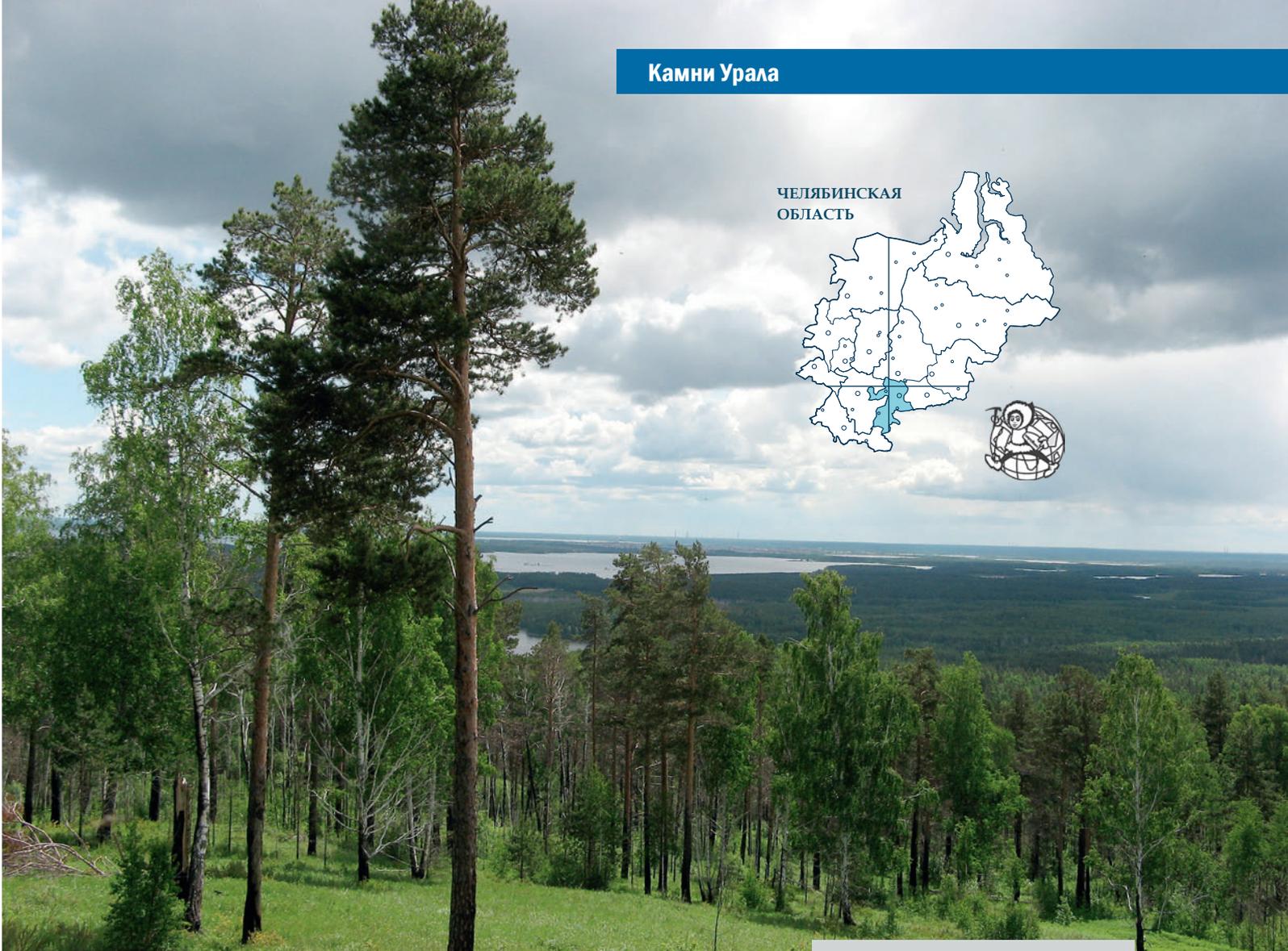
Ледниковые отложения (морены) образовались в результате горно-долинного оледенения и наблюдаются в верховьях всех рек, берущих начало с основных горных вершин района. Отложения представлены полуокатанными валунами и щебнем местных пород в желтоватобуром суглинке.

Аллювиальные отложения залегают в долинах всех рек района и представлены галечниками, галечниковыми песками с примесью глинистого материала. Мощность отложений 1,0–3,0 метра, редко до 20 метров. В отложениях концентрируется платина.

Интрузивные массивы Кытлымского комплекса сопровождаются сложным аномальным знакопеременным магнитным полем интенсивностью от -2000 до $+5000$ нТл с отдельными локальными аномалиями интенсивностью более $+10000$ нТл, что обусловлено неравномерным распределением титаномагнетита в горных породах. Скопления титаномагнетита в горных породах могут сильно отклонять стрелку компаса от направления на север. **УС**

▼ Плитчатая поверхность дунитов

Встречный ветер

▲ На горе Никольской

ПУТЕШЕСТВИЕ за цирконом и нефелином по Ильменским и Вишневым горам

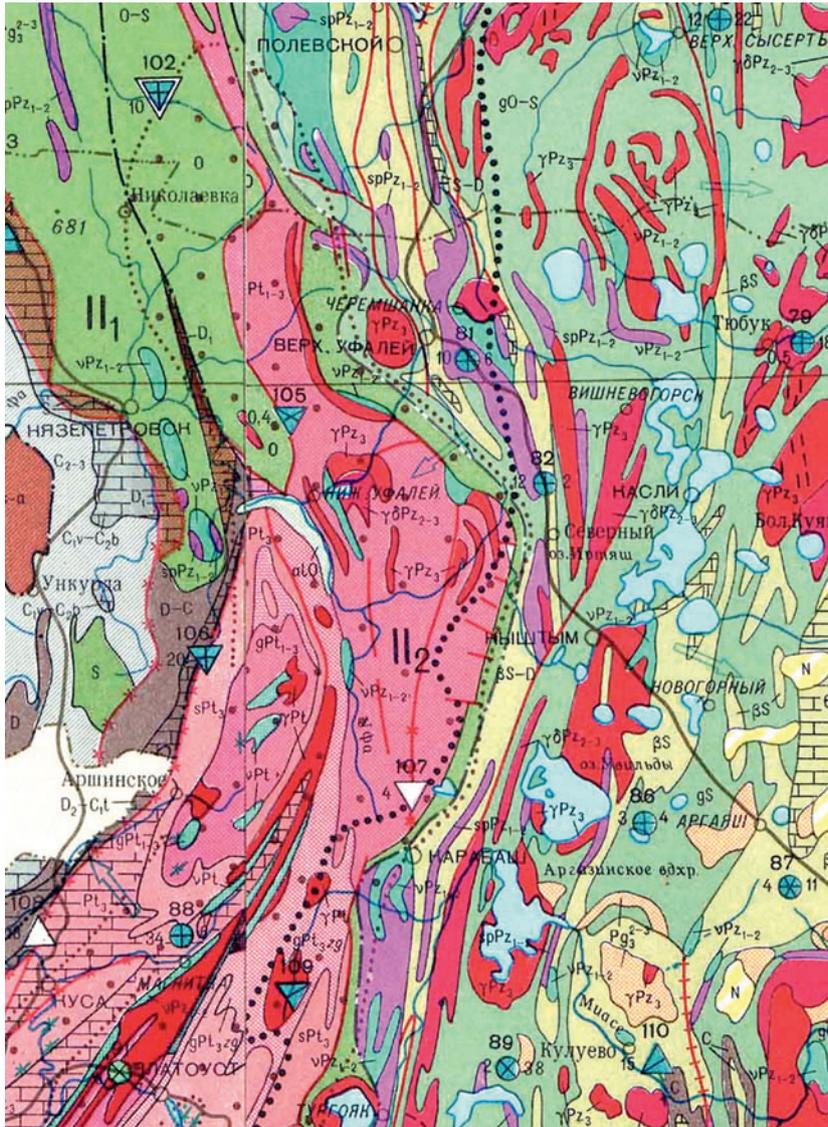
Иллюстрации предоставлены автором

«Найти циркон на Урале проще простого, если обладаешь навыком любознательного искателя и путешественника.

Стоит в любом уральском ручье собрать песочек, промыть его до серого шлиха в лотке или чашке. Шлих просмотреть с увеличением, и, вот они, циркончики!

Красивые гиацинтовые кристаллики перламутрово-жирно поблескивают на солнышке. Здравствуй, минерал!»

Сергей Колисниченко

Есть на Урале минералогический рай. В том раю каждый минералог стремится хотя бы побывать. А уж самому побродить по горам и овражкам да поискать скрытые жилы или заросшие старинные копи и совсем не каждому удастся. Это Ильменские и Вишневые горы.

Ильменские и Вишневые горы протянулись на 150 км с юга на север. От города Миасса до поселка Вишневогорска. На всем этом протяжении вы встретите одну и ту же горную породу под названием миасскит. Она названа еще в 19 веке миасским гранитом за необычный вид и состав. Тот же знакомый всем гранит, только вместо кварца — нефелин! Нефелиновый сиенит по-научному. Так вот эти горные породы и окружающая их гнейсовая толща включают в себя жилы необычного состава, а в них и минералы, которыми не каждый материк Земли может похвастаться. Всего Ильменские и Вишневые горы содержат около 400 минералов — разных и по виду, и по химическому составу. По необычному составу горных пород и минералов названа эта территория Ильмено-Вишневогорской провинцией. Самыми распространенными минералами этой провинции можно считать нефелин и циркон. Вот за этими минералами мы и отправимся в путешествие.

◀ Фрагмент геологической карты Урала

Старинная копь. Окраина п. Тайгинка ▼

Циркон — царь света! Любимый древними восточными повелителями после алмаза и шпинели камень.

Свою историю в России циркон начал с Ильменских гор на Южном Урале. В воспоминаниях П.П. Аносова за 1834 год появляются сведения: «В первый раз открыты здесь (имеется в виду в Ильменах) цирконы в 1826 году иностранцем Менге, путешествовавшим в то время по Уралу, но с тех пор добыча их чрезвычайно распространилась». Сам И. Менге пишет об ильменском минерале следующее: «... циркон почти всех свойственных ему цветов, образуя кристаллы разной величины: именно от булавочной головки до куриного яйца, так что некоторые из них бывают около 1/2 фунта весом. Никогда не находили цирконов такой величины, какие мною здесь открыты». Тогда был найден кристалл длиной до 17 сантиметров и весом более 3580 г! Известно также, что Менге нашел цирконы по указанию Малоземцева. И. Менге в 1851 году изучил в Ильменах урансодержащую разновидность цирконов — циртолит-малакон, которая встречается в виде зеленоватых кристаллов до 2 см размером.

Как-то академику А.Е. Ферсману был преподнесен ценный подарок. Местный ильменский горщик Китаев подарил ему, как несусветную редкость, циркон размером с кулак! При этом он уточнил, что такой кристалл один на все ильмены. Академик усмехнулся и произнес: «Знаю я вас, горщиков, если вы дарите такую редкость, значит, в записке таки есть еще два-три!».

В Ильменских горах циркон встречается как в самих миаскитах — в виде мельчайших кристалликов, так и в пегматитовых жилах разного состава. Особенно крупные цирконы

попадали в нефелиновых пегматитовых жилах! С нефелином!

Минерал нефелин из группы силикатных минералов. Минерал получил свое название при исследовании его химического состава. «Облачный» — вовсе не за свой цвет, который может быть и «облачным», а за «клубы» серого геля, образующиеся при растворении минерала в кислотах. Вот такая проза. Он слагает горные породы и жилы. Порой образует собственные кристаллы — там, где есть место для их роста — в небольших полостях жил. Цвет нефелина самый разнообразный, но более характерен для ильмен буроватых, розоватых и серых оттенков. В одном образце порой можно различить несколько оттенков и даже цветов. В жилах нефелин почти всегда образуется с другими минералами — с полевым шпатом, канкринитом, лепидомеланом и ильменитом (копь № 6, 3 и 9). Нефелиновые пегматитовые жилы богаты и очень редкими минералами. К таким можно отнести эшпинит. Он встречается в копи № 92 и 120. Уже благодаря нефелину образуется прекрасный насыщенно синий содалит и цеолиты.

Ильменские горы тянутся на север 40 км. Где-то посередине встречаются старинные копи и выработки корунда. В свое время корунд активно добывался здесь для нужд оружейных мастерских Златоуста. Полученный из корунда шлифовальный порошок шел на обработку металла. И сейчас в некоторых копиях (№ 298 и 299) есть сапфировидный корунд, алмазный шпат, самарскит, колумбит, монацит, в обмен на которые каждый минералогический музей выложил бы свои сокровища!

▲ Аквамарин. Ильменские горы

▲ Циркон Менге. Ильменские горы. Музей СПГГУ
Топаз. Прутовская копь. Ильменские горы ▼

Письменный гранит амazonитовый. Ильменские горы ▼

Пироксид на грани кристалла циркона ильмены ▼

▲ Блюмовская копь № 50 в Ильменах

Свое путешествие продолжим на север, вдоль западного склона Ильменских гор, до озера Теренкуль. Именно по берегам этого озера в 1926 году впервые был найден солнечный камень — полупрозрачный полевой шпат с включениями россыпи цветных блесков — кристалликов гематита. Здесь уже нет заповедника, и копи можно посещать свободно.

Ильменские горы на всем протяжении являются не просто минералогической кладовой, это еще и научная лаборатория под открытым небом и учебный полигон для студентов-минералогов, это прекрасная земля для путешественника. Здесь великолепные озера — Миассово, Аргазы, Теренкуль, которые являются зоной для отдыха и рыбалки. Ильменские горы заканчиваются в огромной излучине реки Миасс, ныряя под нее навсегда. А как же знакомая нам порода миаскит? Вот тут-то и крылась научная загадка 19 века. Никто не предполагал, что эти горные породы не замирают вместе с горами, ушедшими

▲ Корунд сапфировидный. г. Никольская. Потанинские горы

в глубь недр, а продолжатся далее, еще на более чем сто километров! И такое первое чудо — Юштинский и Обуховский увалы! Они выстроились цепочкой, продолжая Ильменский хребет. Неприметные совсем, горы-не горы, так себе, изолированные, поросшие лесом удлинённые возвышенности, но они поразили исследователей «ильменскими» минералами!

На Юштинском увале были обнаружены сплошные жилы ильменита. А некоторые пегматитовые жилы содержат черный нефелин, содалит, кристаллы апатита и огромные дисковидные кристаллы титанита, размером до 20 см! Поистине гигантские кристаллы!

Далее следует Обуховский увал. Здесь путешественнику открывается картина бурной деятельности геологов-исследователей. Многочисленные канавы и шурфы — красноязычные свидетели тому. В каждой канаве обнажается сиенит-пегматитовая жила то с цирконами, то с ильменитами, то со сфеном (титанитом). Видна хорошо мощность жил, условия залегания, их внутреннее строение, расположение минералов. При более тесном знакомстве с этими жилами можно найти множество других минералов, в том числе корунд боченковидными зеленовато-синими кристаллами, пироксолом, апатит и очень крупные выделения магнетита.

Наиболее интересная и самая богатая магнетитовая жила известна под названием Обуховского рудника. Академик А.П. Карпинский еще в 1883 году встретил здесь гигантозернистые вкрапления магнетита. Отдельные уникальные индивиды магнетита достигали в поперечнике 25 см! По легенде Обуховский рудник и название увала возникли по названию знаменитого Обуховского металлического завода в городе Санкт-Петербурге, куда отвозили эту руду для литья пушечных стволов.

Циркон. 5 см. Собачьи горы ▼

Апатит. Вишневые горы. г. Долгая ▼

Нефелин. Кристалл. Вишневые горы ▼

Карпинский же восторгается минералогией этих мест словами: «Особенно богаты сфеном сиенит-пегматиты Обуховского увала. Выдающиеся по величине кристаллы (7–8 см) встречены в жиле, расположенной в 350 м к востоку от Обуховского рудника».

К числу уникамов можно отнести и чисто геологическое явление на этом увале — жилу магнетит-гиперстеновых кварцитов. При большом скоплении эта порода является великолепной рудой, а здесь она лишь редкое минералогическое явление.

При движении на север уникальная Ильмено-Вишневогорская провинция нефелиновых миацитов превращается из возможного вытянутого массива в две параллельные узкие даечки (жилы). Это все не умаляет ее значения для путешественника-минералога, а наоборот, заставляет нас еще более тщательно и трепетно относиться к поиску минералов на этой полосе. Итак, Увильдинская щелочная полоса!

Она тянется прирывистой полосой вдоль западных очертаний берега озера Увильды, вдоль залива Садок и выходит на Собачьи горы. Затем незаметно прокрадывается мимо поселка Тайгинки, города Кыштыма и вот тут-то раскрывается мощными Потанинскими горами.

Но не будем опережать события и покинем сначала Обуховский увал. Не минуем и пары километров к северу, как окажемся на известной жиле солнечного камня. «Жила-на-канале». При строительстве канала в борту была обнажена мощная жила нефелинового пегматита. И здесь явилось минералогическое чудо! Солнечный нефелин! Крупные выделения индивидов красновато-бурого нефелина на некоторых плоскостях переливались игрой солнечного эффекта, ярких бронзово-солнечных всполохов, характерных для некоторых полевых шпатов. Ранее отмечались такие нефелины в Ильменских и Потанинских горах, но здесь это очень крупные — до 25–30 см блоки великолепного поделочного камня! Игра отраженного от мельчайших пластинок-включений гематита напоминает яркие лучи заходящего солнца! А полевые шпаты представлены светлосерым лунным камнем, в котором даже днем вы увидите отблеск лунного света. Чем не поэзия в камне! Здесь чудными четырехсантиметровыми кристаллами цирконового формы встречается циркон и очень редко содалит.

Между железной дорогой Кыштым-Пирит и заливом Садок есть несколько минеральных копей в пегматитовых жилах. Жилы гранитных пегматитов были обнаружены в начале XX столетия А. Николаевым. Тогда исследователь-геолог отметил в них редкие для Урала минералы дюмортьерит соломенно-желтыми кристалликами с шерлом и оленитом (он был определен позднее, почти через сто лет), спессартин, воробьевит и голубой альбит. Стоит зайти и на эти копи.

А на склонах Собачьих гор, немного в стороне от миацитовых полос, в полевошпатовых и карбонатитовых

▲ Амазонит.
Ильменские горы

▲ Амазонит. Ильмены.
Копь №74

жилах встречаются цирконы великолепными кристаллами до 5 см размером! Темно-коричневые с идеальной природной полировкой граней они образованы так называемой гиацинтовой формой. Любителю редкостей стоит «покопаться» в отвалах старинных канав. Кроме упомянутого циркона, здешние жилы содержат алланит кристаллами до 1 см и более редкие самарскит и колумбит.

Как попасть в Потанинские горы к истокам речки Борзовки, скорее покажут автопрофи. Преодолеть двенадцатикилометровый путь по лесовозным дорогам даже пешему путнику не везде удастся, не то что подготовленному «паркетнику». Но камни стоят этого! Без сомнений — в путь!

Проходящая в недрах уже знакомая полоса нефелиновых пород породила здесь целые поля пегматитовых жил с уникальной минералогией и даже месторождения полезных ископаемых, в том числе Борзовское корундовое

Жила с содалитом на горе Каравай ▼

Содалит. Вишневые горы ▼

и золотые россыпи. Стоит осмотреть здесь все. На Борзовском руднике отвалы богаты марундитом (порода, состоящая нацело из маргарита и корунда), диаспором, шерлом, корундом. В перемытых отвалах золотых россыпей можно найти полуокатанные цирконы, везувиан, корунды (сапфир и рубин), даже аметист и топаз ювелирного качества. Но самая изюминка — это борзовские овоиды редкометалльных минералов — бастнезит, паризит, церит, алланит. Сведующий да поймет, о чем это. На склонах горы Потаниной и Никольской корундовые жилы. Синие боченковидные кристаллы достигают веса двух килограммов! И что самое удивительное, в некоторых жилах сапфировидный

корунд встречается с розовым нефелином и канкринитом. Вот уж поистине нефелин — путеводная звезда коллекционера минералов и минералога!

Мало кому известно о целом поле полевошпатовых жил с солнечным камнем по склону холма севернее Никольской горы. Здесь камни отличались от уже упомянутых мелкой бронзовой игрой и тем, что встречались в кристаллах полевых шпатов, выросших в крупных полостях жил. Среди этих кристаллов порой попадали крупные ильмениты, пронизанные игольчатыми кристалликами зеленоватого апатита.

А как же цирконы на Борзовке, только в россыпях, задаст вопрос внимательный читатель. Откуда-то попадались же кристаллики этого минерала в рыхлые золотоносные отложения рек. Стоит поискать коренные источники. А они не заставят утомлять поисками — вот, на пригорочке, на вырубке — Гиацинтовая копь! Гиацинт — драгоценная (ювелирная) разновидность цирконов. Именно здесь встречаются чистые, прозрачные, красновато-коричневые кристаллики, очень редкие, но уж если попадет — глаз не оторвать! Крупные цирконы ауэрбахитовой формы не редкость в маломощных прожилках миаскитовых пегматитах, что на южных склонах горы Потаниной. С собой их никто унести не может, трудно добыть. Зато уж лобуется этим феноменом каждый!

В Потанинских горах стоит побывать и на карьере месторождения вермикулита. Для любителя минералов

▲ Аквамарин. Ильменские горы

карьер представляет особый интерес, так как это место можно назвать месторождением солнечного камня! При добыче довольно интересного полезного ископаемого вермикулита постоянно обнажаются мощные жилы, содержащие многочисленные кристаллы полевого шпата с эффектом солнечного камня. Самый крупный из найденных по длине превышал 25 см! При обработке кусочков в форме кабошона или шара этот камень искрится ослепительными цветными искрами, что придает изделию неповторимый колорит и особую ценность. В жилах также встречаются минералы натролит, анальцит, апатит, лепидомелан, не редок и знакомый нам циркон, достигая в хорошо образованных кристаллах размера в 2-3 см.

Северная оконечность Потанинских гор через долину речки Маук переходит в Вишневые горы. Это протяженный кряж со значительными высотами для Южного Урала, недра которого полны полезными ископаемыми и минералами. Значительное количество горных выработок, копей, карьеров, отвалов позволяет искать здесь минералы повсюду. И от опытности путешественника, его наблюдательности и знаний во многом будет зависеть, что попадет в этих серых кучах камней — уникальный кристаллик, необычная ассоциация или редкий сросток минералов. А может быть так, что ничего не будет найдено...

Знакомство с минералогией Вишневых гор лучше начать с Курочкина и Свистунова лога, которые расположены в 5 км южнее поселка Вишневогорск. Здесь один из первых добычных карьеров Вишневых гор — полевошпатовый, так и называется рудник «Шпат». После отработки остались две грандиозные выработки в виде щелей с тоннелями. Здесь в отвалах осталось множество интересных минералов. В том числе и нефелин — в виде крупных блоков и фрагментов индивидов, которые, конкурируя с выделениями полевого шпата, достигали в поперечнике

▲ Редкая полиминеральная жила в Вишневых горах Ильменские горы. Минералоги за работой ▼

одного метра! Этот нефелин серовато-розовой окраски обладает декоративно-поделочными качествами и не раз использовался как сырье для точеных камнерезных изделий — маленьких ваз, шаров. Часто нефелины пронизаны «мечевидными» кристаллами черного авгита, достигающими длины одного метра. Поражают обилием серый канкринит, голубоватый вишневит, титанит, магнетит и цирконы!

Всюду вокруг эту местность слагает миаскист. Его естественные и искусственные обнажения видны по гребням гор. А где в них видны каналы и копи — значит, вскрыты минеральные нефелинсодержащие жилы. На ближайшем хребте горы Успенской известна копь Ильменитовая, в которой добыты для музеев гигантские кристаллы этого минерала. А по логу Свистуну — известна копь Сфеновая, где лучистые кристаллы титанита (сфена) достигают длины 15 см!

Нужно отметить еще одну минералогическую достопримечательность Вишневых гор — промышленные россыпи циркона. Такие россыпи обрабатывались по склонам гор и в логах в середине XX века с целью извлечения цирконовых кристаллов, как источника циркония для нужд зарождающейся атомной промышленности. Развалины обогатительных фабрик до сих пор содержат невыбранные лотки с цирконовым концентратом, среди которого присутствует множество и других тяжелых шлиховых минералов — ильменита, чевкенита, ортита. В отличие от коренных источников, россыпи содержат редкие красивоокрашенные в коричневато-желтые тона чистые ювелирные камни, годные для огранки. Их называют жаргонами. Цирконы Вишневых гор имеют так называемую дипирамидальную (ауэрбахитовую) форму и часто по составу выделяются присутствием урана, за что называются малаконами Курочкина лога почти всегда имеют коричневатую-черную окраску.

Закончить наше минералогическое путешествие предлагаю в самом сердце Вишневых гор — на горе Каравай. Заметная и красивая обособленная возвышенность доминирует над поселком Вишневогорском. Отсюда началось освоение стратегических полезных ископаемых в далеких военных годах XX века. Рудоразборный циркон, порой гигантских размеров, добывался здесь из пегматитовых тел «жилы № 5». Многочисленные тоннели штолен, шурфы — свидетели былых грандиозных работ. Некоторые забои до сих пор не выбраны до конца и содержат многочисленные кристаллы пироклора и циркона. Цирконы здесь самые крупные в России. Их правильные кристаллы достигают веса двух килограммов! В обнажениях жил можно увидеть содалит, много нефелина и некоторые редкие минералы.

Вокруг горы Каравай многочисленные карьеры и шахты, где добывался пироклор — сырье для извлечения ниобия. Здесь минералог сможет найти десятки редких минералов — стронцианит, чевкинит, алланит, разновидности амфиболов. Ближе к озеру Булдым — отвалы уникального месторождения вермикулита. На горе Долгой благополучно идут разработки полевошпатового сырья в новом руднике «Шпат». Забои рудника часто обнажают уникальные скопления содалита, канкринита. Нередки здесь кристаллы апатита, целые друзы ильменита и титанита.

Этот неповторимый маршрут от Миасса до Вишневогорска мы «проскочили», охватив лишь малость из тех достопримечательностей, которые можно было бы «втиснуть» в журнальные странички. Остались без описания, «за бортом», такие минералогические места, как Глубостровская жила с топазом и лепидолитом, Тайгинские пегматиты с гелиодором и топазом, кварцевые жилы с рутилом, титанитом, парагонитом и актинолитом около поселка Слюдорудник, топазовая жила на Аргаях... **УС**

▲ Промывка пробы. Ильменские горы

▲ Солнечный нефелин. Собачьи горы. Жила на канале

Поиск солнечных камней на Потанинском карьере. Юные геологи

Легенды на банкнотах

Иллюстрации предоставлены автором

Деньги — неотъемлемая часть нашего бытия. Они несут на своих плечах технический прогресс и оказывают огромное влияние на развитие человеческого общества. А еще это и сокровищница неисчерпаемых знаний, величайшее собрание культурного и природного наследия человечества, доступ к которому открыт каждому любознательному человеку.

Рольф Майзингер

Рольф Майзингер родился в Казахстане. С 1994 года живет и работает в Германии. Автор книг «Секрет рисовальщика» и «Памирская жуть». Статьи и очерки на темы коллекционирования печатались в прессе Германии, Швейцарии, Австрии, США и Канады, а также и на русском языке в странах СНГ. Удивительным историям, занимательным фактам и невероятным случаям, связанным с изображениями на банкнотах мира, посвящены книги Рольфа Майзингера: «Банкноты мира. Скрытые знаки бумажных денег», «История банкнот. Тайны бумажных денег» и новая его книга «Мир банкнот. Легенды и факты».

Мавзолей великого мудреца

На оборотных сторонах всех казахстанских купюр, начиная со 100 тенге образца 1993 г. и заканчивая памятной банкнотой с номиналом в 5000 тенге 2001 г., присутствуют изображения одного и того же здания — мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане. Это пока единственный в Казахстане памятник материальной культуры, включенный в список всемирного наследия человечества ЮНЕСКО. И хотя кому-то может показаться, что там запечатлены различные исламские постройки, это не так. Просто на каждой купюре продемонстрированы отдельные фрагменты здания и виды на мавзолей с разных сторон. Например, на боне в 2000 тенге — центральный вход, заключенный под своды высокой арки.

Этот величественный портал обращен на юго-восток. Его ширина составляет почти 50 м, а пролет порталной арки чуть более 18 м. В то же время на 100 тенге 1993 г. показан вид на мавзолей сзади. Этот изысканно украшенный портал открывается на северо-запад и называется порталом Мухаммеда-Ханафии. Через него посетитель попадает прямоком в усыпальницу Ясави.

▲ Казахстан — 2000 тенге 2000 г.

Ходжа Ахмед Ясави (около 1105–1166) реальная историческая личность. В энциклопедических словарях этого человека называют философом и поэтом, проповедником суфизма и просто мистиком. Ясави, как и многие суфии до него, проповедовал тарикат («Путь истины»), смысл которого заключался в отрешении от земных

▼ Казахстан — 100 тенге 1993 г.

▲ Казахстан — 1000 тенге 2000 г.

▼ Казахстан — 5000 тенге 2001 г.

благ и регулярной медитации с единственной целью — приблизиться к Всевышнему.

Отдельные этапы жизни Ходжи Ахмеда Ясави можно проследить по дошедшим до нас письменным источникам. Но очень многое навсегда пропало в реке времени, уступив место красивым легендам...

По одной из них Ходжа Ясави долго путешествовал в поисках уединения. В конце концов он остановился в месте, которое показалось ему наиболее подходящим для этой цели. Располагаясь на отдых, он воткнул свой посох в землю. В том месте из земли забил ключ. По преданию именно там был заложен город Туркестан.

Современное здание мавзолея было построено над могилой Ходжи Ахмеда Ясави через три с лишним века после его смерти. Сделано это было по приказу Тимура Тамерлана. При этом, завоеватель, будто бы, сам рассчитал, какие размеры должно иметь строение и как оно будет выглядеть. Над входом в здание хорошо сохранилась надпись, начало которой гласит: «Это святое место сооружено по велению властелина, любимого аллахом эмира Тимура Гурагана...»

Существует предание, что тысячи людей были задействованы только для того, чтобы все необходимые для строительства материалы как можно быстрее оказывались на месте. При этом ряды рабочих, передававших их из рук в руки по цепочке, растягивались на многие километры. К примеру, город Сауран, где для мавзолея делались кирпичи, находился почти в сорока километрах от строительной площадки. Кстати, использованные

▼ Казахстан — 200 тенге 1999 г.

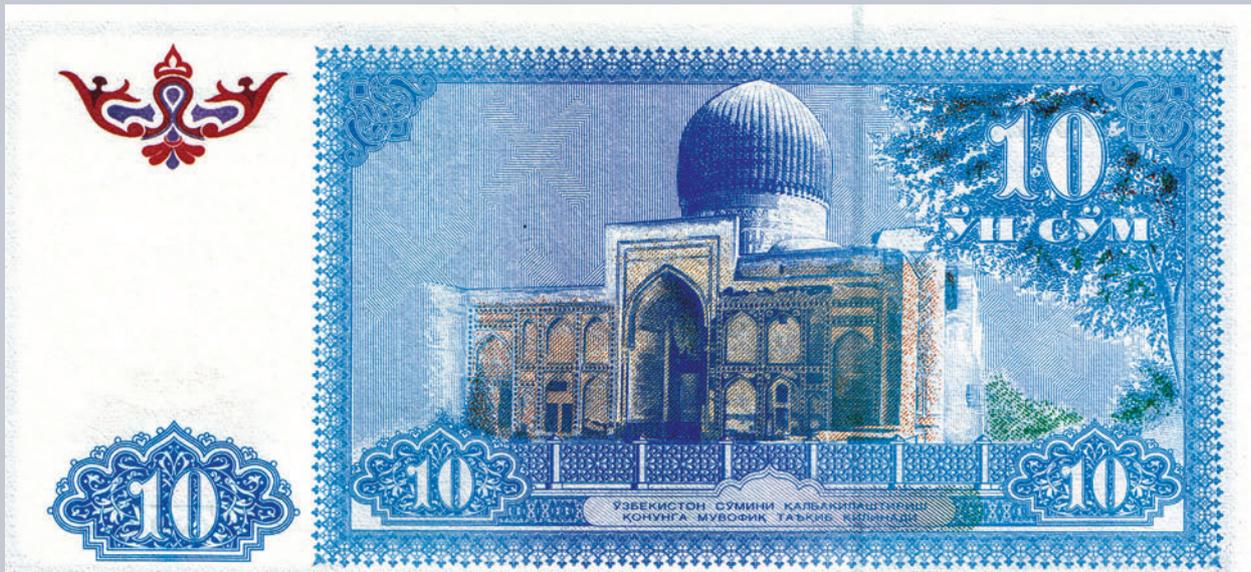

для сооружения мавзолея кирпичи будто бы делались из специально засекреченного раствора. Одним из его составляющих являлось кобылье молоко.

Благодаря парадному наружному оформлению этого погребального комплекса, создается впечатление, что здание украшено пестрыми среднеазиатскими коврами. Это так называемый эпиграфический орнамент, в основу которого заложены тексты религиозного содержания, скомпонованные в геометрические сетки-гирихи. Тексты из Корана выполнены канонизированным почерком сульс.

Размеры сооружения впечатляют — стороны прямоугольника в основании ханакки составляют соответственно 50 и 60 м. В высоту же она достигает почти 38 м. А толщина стен центрального помещения — джаматханы, достигает трех метров. Кирпичный купол, венчающий мавзолей и «подобный небесному своду», имеет в диаметре чуть больше 18 м. и считается самым крупным в Средней Азии. По размерам он превосходит даже таковой у мавзолея самого Тимура Хромой в Самарканде (Гур-Эмир).

На стенах портала мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави хорошо заметны остатки деревянных балок и не заделанные отверстия от строительных лесов. Их, кстати, можно рассмотреть и на банкотных рисунках. Например, на 500 тенге 1999 г. А внутри некоторых помещений (всего их более 35) недостает отделки. Это связано с тем, что после смерти в 1405 г. «заказчика» проекта — Тимура, работы на «объекте» были прекращены и уже больше не возобновлялись. Интересно, что такой вот несколько «недоработанный» образ сооружения словно бы иллюстрирует еще одну древнюю легенду, объясняющую отсутствие в центральном куполе комплекса нескольких кирпичей.

▲ Узбекистан — 10 сумов 1994 г.

▼ Казахстан — 500 тенге 1999 г.

Однажды, любимая жена Тимура, слывшая красавицей, решила полюбоваться на внутреннее убранство мавзолея. Когда же она вошла в него, все внутри ханаки будто бы осветилось ее неземной красотой. А выкладывавший купол мастер был настолько поражен увиденным, что от неожиданности выронил несколько кирпичей. С тех пор их там и не хватает...

личии, которые населяют волшебные миры азиатских сказок. Если верить поэту Бальмонту, став женой могущественного султана, строптивая красавица поставила ему три условия: он не должен был видеть, как она мыла свои золотые волосы; подглядывать за ней, когда она прогуливалась по саду дворца; обнимать ее за талию

во время сна. Но Санджар не смог удержаться от любопытства и нарушил свое обещание. Он узнал, что во время мытья волос пари снимала свою голову с плеч, во время прогулок перемещалась по воздуху, не касаясь земли, а ночью превращалась в змею.

Убедившись в том, что три ее тайны раскрыты, красавица-пари навсегда покинула супруга, лишив покоя его разрывающееся от любви сердце. От свалившегося на него горя Санджар не находил себе места. И вот некоторое время спустя к нему во сне пришла его прекрасная супруга. Она сжалась над неутешным султаном и сказала, что если он построит необыкновенной красоты мазар и оставит в куполе небольшое отверстие, то несколько раз в год, в дни самых торжественных праздников, сможет видеть там ее лицо. Легенда утверждает, что Санжар исполнил волю навсегда потерянной любимой.

▼ Туркменистан — 100 манатов 1993 г.

Красавица-пари

На голубовато-сером фоне денежного знака Туркменистана номиналом в 100 манатов 1993 г. изображен построенный в Мерве в 1140 г. мавзолей султана Санджара. Несмотря на то, что его богатого декоративного убранства на боне не увидеть, древнее строение все равно впечатляет. Но еще больше впечатляет легенда, связанная с именем этого сельджукского монарха.

Она повествует о трагической любви правителя Мерва к своей супруге — красавице-пари. Пари называют горных духов в женском об-

Шахи-Зинда и легенда о «Живом Царе»

На 25 сумах Узбекистана за 1994 г. увековечен фрагмент знаменитой улицы мавзолеев в Самарканде — Шахи-Зинда (персидское Шох и Зинда). На этот средневековый (XIV–XV вв.) архитектурный комплекс нам предлагается взглянуть с юго-западной стороны. А изображенные на купюре постройки находятся практически в самом его начале. Изящное же сооружение на переднем плане банкноты, с взметнувшимся к безоблачному небу и почти слившимся с ним по цвету куполом, это мавзолей Казы-заде-Руми — хорошо известного в XV в. астронома из Передней Азии.

Над главным входом на территорию мемориально-культурных построек Шахи-Зинды начертаны следующие слова: «Это величественное сооружение создано Абдулазизханом — сыном Улугбека-Гурагана, сына Шахруха, сына Эмира Тимура-Гурагана в 838 году» (1434/35 г.). Однако это не совсем верно. Абдулазизхан лишь продолжил дело своего отца эмира Улугбека. Впрочем, и тот не был первым. Активное строительство склепов в Шахи-Зинда велось еще при Тимуре Хромом. А во время археологических раскопок в начале XX в. выяснилось, что первые погребения на холмах древнего Афрасиаба появились еще в доисламский период.

Как и у большинства древних построек планеты, есть свои легенды и у Шахи-Зинда. И в первую очередь это замечательная история о «Живом Царе». Кстати именно так переводится название удивительного

▲ Узбекистан — 25 сумов 1994 г.

по красоте архитектурного ансамбля, где некрополи последовательно пристраивались друг к другу на протяжении двух веков, а перестраивались и обновлялись вплоть до XIX в.

Сказание, истоки которого теряются во тьме веков, повествует о Кусаме ибн Аббасе, который являлся, ни много ни мало, двоюродным братом самого пророка Мухаммеда. Древние хроники утверждают, что он был послан в Самарканд, чтобы огнем и мечом принудить согдийских идолопоклонников к исламу — тогда еще совсем молодой религии. В конце концов его миссия была выполнена, и население вокруг Самарканда приняло ислам.

Однако язычники не простили Кусаму крови своих братьев и сестер, и в 676 г. положили конец присутствию чужеземцев на своей родине. Однажды, когда мусульмане были заняты совершением намаза, те вероломно напали на них и перебили всех до одного. Самой распространенной легендой у мусульман является та, где бедному Кусаму отрубают голову, а он хватается за нее под мышку и прыгает

в колодезь Шаабан, где, испив живой воды, становится бессмертным. Отсюда и название «Живой Царь».

Тема колодца с живой водой, или святого источника часто встречается в мифологии народов земли. И волей-неволей отражается в банкнотных изображениях. Как на 3 сумах 1994 г. Узбекистана с рисунком мазара Чашма-Алюб (Бухара), возведенного во времена Тимуридов. Его название переводится как «источник Иова». Внутри мазара в самом деле сохранился родник с чистой холодной водой. Народная молва связывает его появление с библейским пророком Иовом, который в незапамятные времена, когда города Бухары еще и в помине не было, будто бы посетил те края. В стране тогда царил засуха, и все живое умирало от жажды. Узнав о появлении святого человека, народ обратился к нему с мольбами сотворить чудо. Пожалел несчастных Иов, стукнул своим посохом оземь, и забил в том месте живительный родник **УС**

▼ Узбекистан — 3 сума 1994 г.

Город Хлынов и спасская башня Кремля

Иллюстрации предоставлены автором, рисунки Хлынова художницы Татьяны Дедовой

Была в граде Хлынове (нынешний Киров) Троицкая церковь. На паперти ее с незапамятных времен стоял неведомо кем, неведомо когда и откуда принесенный образ древней живописи, изображавший Нерукотворный Лик Спасителя.

Так и пребывать бы ему там, как вдруг 12 июля 1645 года (здесь и далее даты по старому стилю. — А.Р.) житель города Хлынова Петр Палкин, придя в церковь Святой Живоначальной Троицы и с верою помолвившись там перед Образом Нерукотворного Спаса, был внезапно исцелен от слепоты, продолжавшейся три года. «И ознаменовал Господь, в первый раз, благодатную силу чудотворений от этой иконы».

Молва о чуде разошлась по Хлынову, и икона была перенесена с паперти в храм, где ее поставили на самое почетное место.

Необыкновенное происшествие, случившееся в городе Хлынове, не могло остаться в тайне. Скоро весть достигла и Москвы. Царь Алексей Михайлович принял это событие, совершившееся перед началом его царствования, за знамение Господне о благополучном продолжении его. И пожелал лично узреть эту Святыню и поклониться ей.

С благословения патриарха послал государь за иконой в город Хлынов игумена Богоявленского монастыря Пафнутия.

Александр Рашковский

Кировский краевед Александр Львович Рашковский — со дня основания в 1973 году участник, а с 1987 года руководитель известного в России клуба «Вятские книголюб», основанного писателем и краеведом Е. Д. Петряевым. Один из инициаторов проведения в Кирове Петряевских чтений, получивших статус всероссийских. Скрупулезно изучает вятские архивы. На их основе выпустил брошюру «Деятели науки, культуры и техники Вятского края». Активно публикует свои архивные находки в Интернете.

Уральский следопыт, март 2012

14 января 1647 года икона была доставлена в Москву. Государь встретил Нерукотворный образ Всемилоственного Спаса, прошел с ним через Фроловские ворота Кремля и поставил его в главном московском храме Успения Богоматери. В Успенском соборе Кремля икона оставалась восемь месяцев. Когда же был готов к освящению вновь построенный Преображенский собор в московском Новоспасском монастыре, то в день освящения, 19 сентября 1647 года, икона была поставлена на приготовленное для нее место. В прохождении Святой Иконы от Успенского до Преображенского собора участвовал сам царь Алексей Михайлович. Здесь следует отметить, что в Новоспасском монастыре была расположена усыпальница рода Романовых.

Кремлевские Фроловские ворота, построенные архитектором из Милана Петром Солари до 1493 года, через которые был внесен образ, было велено впредь именовать Спасскими. Кроме того, последовал царский указ о том, чтобы все при проходе и проезде через ворота мужчины снимали шапки. А за хождение через них в шапках виновные должны были класть публично 50 земных поклонов или подвергались наказанию батогами в Стрелецком приказе. Старым подьячим запрещено было, как прежде, въезжать в Кремль на лошадях. Они должны были оставлять своих лошадей у Спасских ворот и пешком входить в Кремль. Это сообщает нам И. К. Кондратьев в книге «Седая старина Москвы», изданной до революции и переизданной с комментариями в 1997 году.

Впрочем, вот полный текст царского Указа о переименовании Фроловских и других ворот Кремля: «На Москве и Кремле и в Белом городе ворота писать и называть: в Кремле, которые ворота назывались Фроловские ворота, и те ворота Спасские; которые назывались Курятными, те Троицкие; которые назывались Боровицкими, те Предтеченские. В Белом городе, которые назывались Трехсвятскими, те Всесвятские, которые назывались Чертольскими, те Пречистенские и улица Пречистенская же; которые назывались Арбатскими, те Смоленские и улица Смоленская же; которые назывались Мясницкими, те Фроловские» («Полное собрание законов Российской Империи», 1830. Т. 1. С. 450–451).

Поэтому странно было читать сообщение от 28 августа 2010 года на официальном сайте Московского патриархата о том, что Указ

царя Алексея Михайловича закрепил название Спасских ворот по образу Спаса Смоленского, а также церкви Спасителя, существовавшей у Москворецких ворот до конца XVIII века.

Не желая лишить жителей города Хлынова предмета божественного поклонения, государь дал приказание списать с подлинника точную копию и обложить ее серебряным под золотом окладом. Новый образ с подобающей честью был поставлен на первое время в Успенском соборе Кремля. А 10 сентября 1648 года «отпущен» в город Хлынов на прежнее богоизбранное место с игуменом Варлаамом и причтом церковным. Святую икону с крестным ходом провожали сам государь и патриарх. 17 декабря 1648 года образ прибыл в город Хлынов.

В дальнейшем святая икона не раз помогала москвичам и всей России.

Так, в 1670 году с Нерукотворным образом полк воеводы Ю. А. Долгорукова ходил против Степана Разина. Бунт был подавлен, и по царскому повелению образ был украшен позлащенной ризой, усыпанной бриллиантами, яхонтами и крупным жемчугом. 13 августа 1834 года в Москве произошел страшный пожар. По просьбе жителей из Новоспасского монастыря был принесен чудотворный образ Спасителя, который стали обносить вокруг пожарища. На глазах у всех огонь как бы невидимой силой удерживался от распространения за черту, где пронесли икону. Вскоре ветер утих и пожар прекратился. С тех пор образ стали выносить для служения молебнов на дому. Во время холеры, свирепствовавшей в Москве в 1848 году, многие больные получили от иконы чудесную помощь. В 1839 году икона была украшена серебряной вызол-

ченной ризой с драгоценными камнями взамен похищенной французами в 1812 году.

В летнее время образ находилась в Спасо-Преображенском соборе, а зимой переносился в Покровский храм; в Никольском и Екатерининском храмах монастыря имелись точные копии с чудотворного образа. Вплоть до 1917 года икона находилась в монастыре. В настоящее время ее местонахождение неизвестно. Однако в Новоспасском монастыре находится сохранившийся список с чудотворного образа. Он пребывает в местном ряду иконостаса Спасо-Преображенского собора — там, где прежде помещалась сама чудотворная икона.

В рукописной книге, хранившейся в Вятском Спасском соборе, записано от древней чудотворной иконы, что в Москве 104 чудотворения, а от ее списка — 20 случаев. Книга эта принадлежала иерею Вятского Воскресенского собора Иоанну Лукичу Юфереву, которому она досталась от отца, а тот купил ее у канцеляриста Попова. От Иоанна Лукича книга какими-то путями перешла к протоиерею сарапульского Воскресенского собора Петру Анисимову, который в декабре 1831 года и подарил ее вятскому Спасскому собору. Книга долгое время хранилась в его библиотеке.

▲ Спас Нерукотворный (Хлыновский). Икона. 1693. Дерево, левкас, темпера 157,0x119,5. Государственный Исторический музей. По изданию Евсеевой Л. М., Лидова А. М., Чугреевой Н. Н. «Спас Нерукотворный в русской иконе»

После революции начинается почти детективная история копии Нерукотворного образа.

В описи имущества, принадлежащего вятскому Спасскому собору, от 1 октября 1925 года упоминается

«Образ Спасителя в серебряной ризе 12x10 вершков, пожертвованный 31 июля 1924 года Екатериной Петровной Юферевой, проживающей по улице Энгельса в доме Швецова» (ГАКО. Ф. Р-1258. Оп. 1. Д. 118. Л. 21).

С давних лет из вятского Спасского собора совершался крестный ход по Вятской губернии с чудотворным образом Спасителя и другими иконами. Он проходил через 85 населенных пунктов губернии (См. там же. Л. 10). Видимо, последний крестный ход, разрешенный при советской власти, вышел из Вятки 19 августа 1924 года и возвратился в Спасский собор 18 ноября. Из письма Вятского губернского исполкома в секретариат ВЦИК от апреля 1929 года (копия письма была передана А. Китовской): «Успенский собор города Яранска передан группе тихоновцев (сторонников патриарха Тихона. — А. Р.). В соборе имеется чудотворная икона Спасителя, которая, при крестных ходах, дает большой доход тихоновцам» (Там же. Д. 1772. Л. 44).

Известно, что в Яранске была своя чудотворная икона Нерукотворного Спаса. Поэтому именно там и легче всего было спрятать икону Спасителя из вятского Спасского собора. В 1924 году у вятских священников уже не было иллюзий относительно намерений большевистских властей.

Было ясно, что церковные реликвии и раритеты надо прятать, и в первую очередь Нерукотворный образ Спасителя.

Значит, имеет право на существование версия, что во время крестного хода 1924 года икона была оставлена в городе Яранске под присмотром монахов местного монастыря. А в вятском Спасском соборе на ее место была поставлена икона, пожертвованная Е. П. Юферевой. Какое отношение к этой загадочной истории имела Антонина Федоровна Китовская-Каминская, родственница знаменитого вятского почтмейстера и гомеопата Дмитрия Яковлевича Далматова, еще предстоит выяснить. Ясно одно, список Нерукотворного образа Спасителя, подаренный городу Хлынову государем Алексеем Михайловичем, или его следы надо искать в Яранске. Чудотворные иконы, как известно, не пропадают.

Когда слободской краевед Сергей Александрович Пленкин высказал недоумение по поводу сообщений СМИ, мы и договорились провести параллельно историческое расследование.

Знакомясь с литературой, я понял, почему духовный образ, запечатленный в иконе, так заинтересовал академика Бориса Викторовича Раушенбаха. Этот замечательный ученый долгое время работал в фирме Сергея Павловича Королева. Возглавляемый им отдел занимался вопросами автоматического управления космическими объектами. Однажды отделу нужно было решить одну сложную задачу управления. И Борису Викторовичу внезапно пришла в голову мысль, что тут может помочь икона, которая, являясь плоским изображением, тем не менее, передает изображение пространственное. Раушенбах углубился в изучение иконографии и уже не смог выйти из этой темы. Академик стал признанным специалистом не только в иконографии, но даже в богословии, написал несколько книг по этим темам. Именно Раушенбах стал автором статьи о тысячелетии крещения Руси, которая была опубликована в журнале «Коммунист». Это был единственный случай, когда весь тираж журнала был раскуплен во всей стране в течение одного дня, а в Москве вообще за два часа.

Меня не могла не заинтересовать физика процессов чудодейственного воздействия. Тем более, что проблемами энергетического воздействия интересуюсь достаточно давно. Кратко выскажу свою версию. В период земного существования Спасителя и долгое

▲ Б.В. Раушенбах

время после его ухода фотоаппараты, как известно, отсутствовали. Многие люди того времени восприняли это рисованием. Думаю, что в свое время, учитывая публичность Иисуса Христа, существовало немало его рисунков и портретов. Многие из них, несомненно, дошли и до Византии, откуда пришли на Русь первые иконы. Большинство таких рисунков и портретов, учитывая исторические реалии в виде пожаров, войн и революций, конечно, были утрачены.

На иконы же, каким-то удивительным образом, попадали именно те изображения Спасителя, которые принимали на себя энергию молящихся. Отсюда и выражение «намоленная икона» и существование чудотворных икон — тех, которые, благодаря мастерству и гениальности иконописцев, имеют очень мощную энергетику. Существует определенное число людей (наверно, никто не сможет назвать процент), которые могут устанавливать с такими иконами обратную связь. В процессе их молитв организм приходит в состояние энергетического резонанса. И тогда происходит, выражаясь современным языком, «перезагрузка» организма человека и его исцеление. Познать все эти процессы, наверно, будет очень трудно, поскольку мы сегодня не знаем даже всех видов энергетических полей. Кроме того, учитывая достаточно большую инерционность человеческого организма, мы не знаем, как долго молились перед иконой исцеленные. Фиксировался ведь только результат.

Хочу отметить, что именно этот способ энергетического резонанса используют врачи-гомеопаты. Это, видимо, интуитивно чувствовал и замечательный пропагандист гомеопатии,

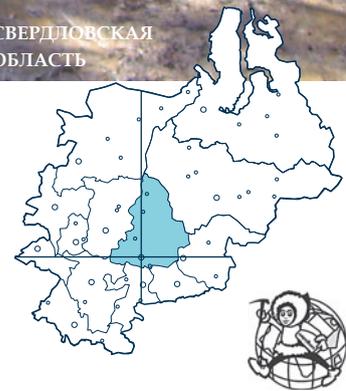
▲ Д.Я. Далматов

вятский почтмейстер Дмитрий Яковлевич Далматов. Именно он добился того, что гомеопатию начали изучать в Вятской духовной семинарии. После окончания семинарии выпускники получали в подарок гомеопатический лечебник и гомеопатическую аптечку. Так священники, учитывая отсутствие медиков в большинстве населенных пунктов того времени, могли помогать больным не только молитвой. Более того, известно, что, например, в Алтайском крае выпускники нашей Вятской семинарии успешно конкурировали с буддийскими монахами, признанными там специалистами по лечению.

Вернемся, однако, еще раз к публикациям СМИ о Спасской башне Московского Кремля. На сайте того же Московского патриархата написано: «Через Спасские ворота нельзя было проезжать верхом, а проходящие через них мужчины должны были снимать головные уборы перед образом Спасителя, помещенным на внешней стороне башни и освещаемым неугасимой лампадой». Это тоже, мягко говоря, не совсем так. На рисунках и других дореволюционных изображениях Спасской башни, часть которых принадлежит Виктору Михайловичу Васнецову, ясно видна висящая над Спасскими воротами, со стороны Красной площади, икона с лампадой, а не настенное изображение. Это же написано во многих воспоминаниях, в том числе, кстати, и в воспоминаниях Л. Д. Троцкого. Отмечу также, что на сайте Новоспасского монастыря города Москвы описана именно рассказанная нами история иконы Спаса Нерукотворного из города Хлынова. А кому, как не монахам этого монастыря, лучше знать эту историю? **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Не зарастет травой забвения

Иллюстрации предоставлены автором

Поисково-пешеходную экспедицию по маршруту протяженностью около 10 километров провели участники Рефтинского историко-родословного общества.

От остановки электрички по старым лесным тропам и грунтовым дорогам поисковая группа шла в течение двух часов. Маршрут проходил по сосновому лесу. Земля по обеим сторонам дороги сохранила следы активных горных работ на протяжении почти полутора веков. Видны отвалы пустой породы, поднятой из-под земли, старые обвалившиеся шурфы и разведочные каналы уже более позднего периода — скорее всего 40-х

годов XX века. Это исторические вехи промышленного освоения района, рукотворные следы работы наших дедов и прадедов, которые киркой и лопатой, оборванные и полуголые добывали для страны драгоценный металл.

Первая остановка поисковой группы — у бетонного фундамента старой обогатительной фабрики. Старинное промышленное сооружение находится в глубине леса, рядом с развилкой

Александр Копырин

Работает маркшейдером на комбинате «Ураласбест». Краевед. Член Уральского историко-родословного общества. Написал краеведческую книгу о городе Асбесте (еще не издана).

▲ В верхней части снимка виден пояс бетонной подливки

дорог. Оно представляет из себя два полужасыпанных бетонных помещения пустотелой кубической формы размером примерно 3х3 метра, расположенных друг от друга на расстоянии около восьми метров. Блоки ориентированы по линии запад – восток.

Внутри блоков – помещение с остатками механизмов, покрытых слоем ржавчины. Здесь, на выходе проходного вала, находился меха-

низм передачи вращения на бегуны, которые дробили горную породу.

Рядом с бетонным сооружением в северном направлении, примерно в 10–15 метрах от фундаментов, среди травы просматриваются шесть бетонных оснований фундаментов под локомотив (или паровик, как называли его раньше).

По словам старожилов, в 20–50-х годах XX века в ста метрах восточнее

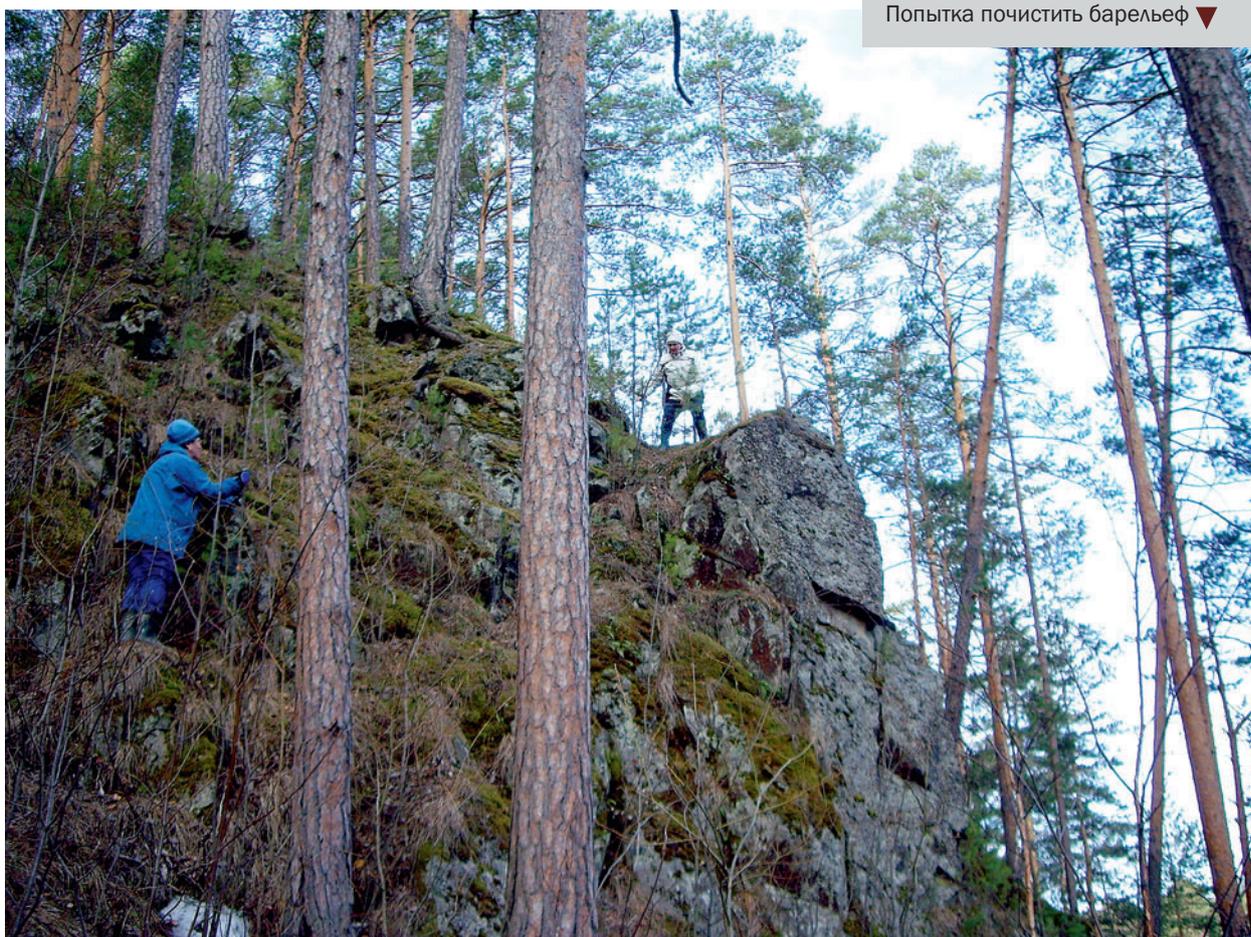
фабрики располагались три шахты, в которых добывали горную породу. Поисковики обнаружили три полуобвалившихся шахтных ствола. Сечение стволов 1,5х1,5 метра, стены выложены деревянной крепью квадратного сечения. Видимая часть ствола – около 2–3 метров, дальше идут завалы горной породы. Один ствол сухой, два других заполнены водой.

▼ Остатки шахтного ствола

▲ Предполагаемое местоположение барельефа
Попытка почистить барельеф ▼

Осмотрели сливную канаву, прекрасно сохранившуюся на протяжении более полукилометра.

Дальше группа по лесной дороге прошла на заросшую площадку, где в довоенный период располагался дом отдыха горняков. Он был переоборудован из «барского дома».

Здесь, на высоком восточном берегу Рефта, на краю обрыва, сохранились фундаменты беседки, построенной для отдыха и обозрения окрестностей. Открывался живописный вид на излучину реки Рефт, протекавшей внизу красивым зигзагом.

С этого места в южном направлении видна скала высотой более 25 метров, нависшая темной серой глыбой над поворотом реки. Она состоит из двух частей. Первая — выход скальных пород у самой воды, на высоту до 8–10 метров. Выше и правее (немного юго-западнее) на заросшем склоне — второй скальный выступ. Его верхняя часть ровной поверхностью обращена на юг, в сторону русла реки. Размер около 4–5 метров по высоте и 2–3 метров по ширине. На грани этой скалы, по информации старожилов, в 1924–1927 годах был высечен барельеф В.И. Ленина. Видна искусственная неровность в форме круга диаметром около метра. Имя человека, проделавшего

▼ Современный поселок Золото

▲ Современный карьер

такую большую и сложную работу, установить пока не удалось.

После очистки изображения от многолетнего мха и лесного мусора будет проведена оценка состояния барельефа и фотосъемка, определена целесообразность проведения реставрационных или каких-либо других работ.

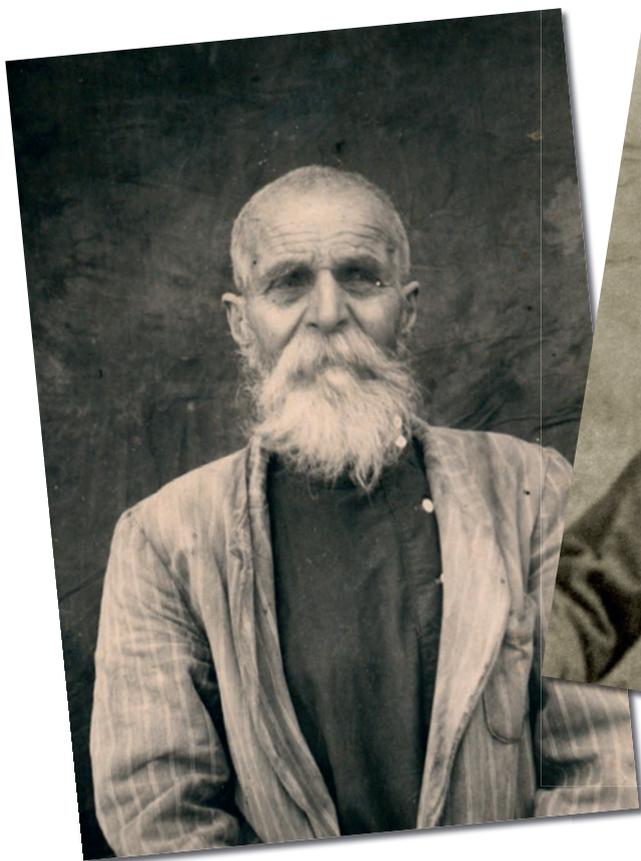
На обратном пути было осмотрено кладбище поселка и проведен визуальный поиск некоторых, заранее намеченных, захоронений. Кладбище состоит из 112 видимых захоронений, самое раннее датировано 1957 годом.

Это объясняется тем, что с начала существования поселка Рефтинского захоронения производились на кладбище «24 квартала».

Далее поисковики посетили действующий карьер Икрянского месторождения, находящийся юго-восточнее речки Икрянки. В северо-восточной части карьера виден зумпф — яма для откачки воды. По словам рабочих, это ствол старой шахты. Он выложен почерневшими деревянными плахами.

Другой ствол старой шахты обнаружен на дневной поверхности в лесу, северо-восточнее карьера среди навалов старой породы. Ствол прямоугольной формы, состоит из двух отделений, сечением 2х4 метра, затоплен.

Севернее карьера располагается небольшое рукотворное озеро вытянутой формы, размером 50х200 метров, — сюда сбрасывается откачанная из карьера вода. **УС**

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мирские и двоедане казачьей станицы

Иллюстрации предоставлены автором

В начале 1990-х годов, когда наш журнал инициировал павленковское движение — за сохранение сельской книжной культуры, библиотеки начали поиск своих исторических корней. А осознав свою причастность к деяниям издателя и мецената Ф. Павленкова, стали активно продолжать краеведческую работу, превратившись по сути дела в сельские библиотеки-музеи. С тех пор этот павленковский ресурс отличает провинциальные библиотеки, отмеченные именем русского просветителя.

Юлия Демченко

Заведующая Еманжелинской павленковской библиотекой Еткульского муниципального района Челябинской области. Окончила Челябинский пединститут, академию культуры и искусств (ЧГАКИ), заочно учится в аспирантуре. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари, прошла областная школа на тему «От краеведения к краелолию», а также презентация подготовленной Ю. Демченко энциклопедии села Еманжелинки.

Неуемный характер был у местных казаков. В годы еще дореволюционные ходила среди селянских станичников песня-дразнилка про соседей.

*Два стаканчика медненькие,
(все строки повторяются)
В Кораблево лоды бедненькие,
В Шеломенцево богаты мужики,
В Калачево половина нищеты,
В Сухоруково попеть, погулять,
Не умеют коров обдирать,
Белуосовцы – плотнички,
А копытовцы – разбойнички,
А Устьянцево –
в логу, в логу, в логу,
По две девки в пологу да в пологу,
Стоит Еткуль на горе да на горе,
По две девки во дворе да во дворе,
Если с обыском пойти,
То по пяти можно найти.*

Говорят, пели «Два стаканчика» не просто так, а с умыслом. Будто бы перечислялись в них на память места старинной контрабандистской тропы. Ведь основной торговый путь проходил чуть западнее, как раз через Еманжелинку. Но если бы вздумали господу контрабандисты везти товары через нашу станицу, непременно

Вид на «двоеданский» край,
ныне ул. К.Маркса ▼

досочинили бы что-нибудь про драчунов да задир. Такая уж слава идет про селение с незапамятных времен.

Ходила молодежь еманжелинская стенка на стенку, улица на улицу и край на край – и по праздникам, и по будним дням. Старики вроде не слишком и препятствовали: сами парнями не прочь были подражаться. А где есть желание, там повод найдется. Вот и было так, рассказывают: то мирские кержаков бьют, то двоедане отдариваются.

С самого основания, с 1769 года, жили в Еманжелинке казаки православные и казаки-староверы. Вместе служили, вместе воевали, однако обычаи не смешивали, жениться да замуж выходить чаще предпочитали за своих и селились порознь. Та часть станицы, что сейчас называется Старой, считалась мирской. Мирскими у нас прозвали православных, признавших церковные реформы патриарха Никона. В миру, мол, живут, крепости веры не соблюдают. Николиане тоже не скупилась на обидные прозвища для земляков-староверов: двоедане, кержаки, черноподолки. Чем не повод для кулачков?

С Керженца ли, притока Волги, пришли в Еткульский станичный юрт раскольники или, как утверждал местный краевед В.С. Белоносов, они были из Ярославской губернии, но и сейчас Древнеправославная церковь, действующая и в Челябинске, именуется поморской, т.е. без русского Севера дело не обошлось.

Об устоях и быте старообрядцев многое можно узнать из диалогии Мельникова-Печерского. Но казачья судьба не купеческая. В Оренбург-

ском войске служивым людям приходилось прислушиваться не только к священникам, но и к командирам. Устав есть устав: и уходя на воинскую службу, казаки брили бороду, надевали форму. В семейных архивах еманжелинцев сохранились любопытные фотографии: на одной молодой бравый казак с лихо закрученными усами, на другой он же, но уже в годах и с отпущенной почти до пояса окладистой бородой. Это значит, что служба закончилась, и мужик вернулся к дедовским заветам.

Властями, ни церковными, ни светскими, раскольников не поощрялось. Однако от преследования (в России живем!) можно было откупиться. Так, 20 января 1845 года станичное правление 9-го Оренбургского казачьего полка станицы Еманжелинской доносило вышестоящему начальству, что никаких старообрядцев в Еманжелинке нет. Но в поименных списках жителей значатся фамилии исконно кержацких семей: Дороховы, Турковские, Хлызовы. А в списках за 1786 год в станице числится 61 раскольник. На самом деле крепкая староверческая община сохранялась в селе до 50–60-х годов прошлого века, а потомки кержаков-староверов и сейчас называют себя еманжелинцами.

Еще лет сто назад достаточно было одного взгляда, чтобы отличить кержака от мирского. Отличия начинались уже с одежды, особенно у женщин. Здесь долго сохранялись сарафаны-косоклинники, рубахи-рукава, домотканые опояски – все приметы века XVIII-го. Показаться простоволосой у последовательниц

▲ Берег реки Еманжелинки, где в 1769 г. была построена казачья крепость

старой веры считалось большим грехом. На голову надевали особую шапочку, чем-то напоминающую берет с тесемкой по нижнему краю. Из-под нее не должен был выбиваться ни один волос. В Еманжелинке она называлась «шашмура». У мирских казачек шашмуру носили только на закрученных в узел косах и часто без платка. Староверки, выходя на улицу, набрасывали сверху шаль. Ее концы не завязывали, а закалыва-

ли особой заколкой. По заколке можно было даже определить поселок или станицу, где жила хозяйка, потому что в каждой местности заколки имели свои отличия. Когда старые традиции стали уходить, шашмуру сменил тонкий платок, сарафан — кофта с длинными рукавами и юбка.

Разница в «мирских» и староверческих обычаях касалась не только

одежды. Требование не пить спиртного и не курить строго соблюдалось в семьях кержаков. Очень ценилась «книжность», т.е. способность разбираться в духовных книгах, которые были буквально в каждом доме. Церковной грамоте учили по старинке, на дому, в основном, конечно, мальчиков, но и среди девочек умение читать на церковно-славянском редкостью не было. Мужчины и женщины старались подчеркнуть свою набожность. У каждого была лестовка — старообрядческие четки. Шились они обычно из кожи и представляли собой ленту с закрепленными на ней палочками или узелками разных размеров по числу молитв. Заканчивалась лестовка двумя треугольниками из ткани. На них также часто вышивали слова из молитвы. Носили лестовку за поясом, чтобы быстро достать в случае необходимости.

Духовный центр местного старообрядчества находился в Миассе. Туда ездили по крупным церковным праздникам и за новыми книгами. Впрочем, в основном праздники отмечали дома. Например, на Пасху старообрядцы отстаивали всенощную, собираясь дома у одного из на-

Дом коренных жителей Еманжелинки казаков Дударевых в «мирской» части села ▼

ставников. А утром молодежь ждала первого луча солнца и шла к соседям, даже если они были мирские. Юноши и девушки стучали в окна и говорили: «Христос воскрес», — дожидаясь ответных слов: «Воистину воскрес». Этот обычай заменял раскольникам колокольный звон, поскольку колокола в Еманжелинке были только на церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери, т.е. на официальном храме.

Мирские праздновали с большим размахом. Об этом рассказывала Мария Ивановна Воробьева (Винокурова) 1906 года рождения. Рождество, Масленица, Пасха, престольный праздник с детских лет запомнились ей как яркие и шумные торжества. В эти дни все веселились. На Рождество гуляли неделю. Молодежь собиралась в чьей-нибудь избе, там танцевали под гармошку, пели. Ребятишки ходили с колядками. У нас это называлось «славить». Встречали их в домах торжественно. Под порог клали подушку, на нее сырчики (лакомство из сладкого замороженного творога), пирожки, конфеты, если были. Славильщики, пропев поздравления, брали с подушки подарки.

На Масленицу катались с гор, ездили на телегах с песнями. Иногда устраивали штурм снежного город-

ка. Его строили на центральной площади из снега и льда, взятого с реки. Это была не столь забава, сколько проверка выучки казачат. Мальчишек делили на две команды: одна защищала городок, другая нападала. Сабли и пики, конечно, делали из дерева, но коней брали тех, с которыми в будущем рассчитывали служить. Твердые снежки и льдинки были достаточно опасными снарядами, но казачат с детства приучали мужественно переносить боль. Молодые парни собирались на серьезную забаву — кулачные бои. Двоеданский край сталкивался с мирским на середине речки, которая их и разделяла. Гости из ближайших поселков становились зрителями и даже участниками жестоких игр. Может, тот, кому особенно не повезло в драке, и ослабил еманжелинцев забияками и буянами?

А может, в дело вмешалась любовь? Редко, но бывало, когда молодые исповедовали разную веру. Обычно такие браки родные ни с той, ни с другой стороны не благословляли. Федосья Автономовна Мохирева, внучка казачьего атамана из соседней станицы, вспоминала со смехом, как чуть сама не вышла замуж «убегом», так ей понравился один мирской. Да дед с бабкой срочно приняли меры: 16 лет от роду просватали ее за своего

и отправили в Еманжелинку. А ведь происходили эти события уже после революции.

Архивы также косвенно подтверждают сложности со смешанными семьями. В 1800 году священник Богородицкой церкви Еманжелинской крепости Комаров венчал православного крестьянина Козьму Чистякова из деревни Синеглазово и челябинскую жительницу, девушку Елену Толстых, состоящую «в старообрядстве». Старинная запись не слишком привлекает внимание, если не знать, что от Синеглазова и Челябы до Еманжелинки путь длинный. И, видимо, был у жениха с невестой повод уехать так далеко.

Время шло. Советская власть с нетерпимостью к религии вообще заставила и православных, и двоедан скрывать свою веру. С уходом стариков заблудилось не только разделение станицы на два края, сам факт, что Еманжелинка когда-то была казачьим поселением. Кержаки, староверы, мирские, казаки, атаман, станица — эти слова требуют пояснений даже для внуков и правнуков коренных жителей, не говоря о приезжих. И стычки вроде бы остались в прошлом... А беспокойный характер никуда не делся. Плохо ли хорошо, но и сейчас тихим местом Еманжелинку не назовешь. Гены, наверное. **УС**

Здание бывшего казачьего штаба ▼

▲ Николай Зарубин. Фото Валерия Амотника

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Смеющийся монах (Фрагменты очерка)

Иллюстрации предоставлены автором

Бывают у меня такие минуты, когда глаз сам ищет зеленый живописный квадрат на стене, который отделен от светлых обоев сероватой рамкой — картину «Спас для Кунтура». Это подарок от покойного друга художника Николая Зарубина. Написана она за четыре месяца до его смерти. Конечно, картина не способна заменить ушедшего, но может сама стать другом. Не знаю, может быть, не будь у меня этой картины, ее скрытой поддержки в кризисные и депрессивные периоды, меня и в живых-то уже не было бы...

Мой взгляд блуждает по ее тонким березовым веткам, треугольникам листьев, сквозь которые ярко-белым бликующим крестом пробивается свет. Из этой игры света и листьев вдруг проступает лик Спасителя, каким он проявился на знаменитой Туринской плащанице.

Конечно, любая настоящая картина вбирает в себя частицы личности, энергии, души и опыта своего создателя, как ребенок от родителей, но когда творец ее был твоим другом, это проступает удесятенно. Это просто невозможно... В июне прошлого года время отсчитало тринадцать лет, как Николай ушел. А 13 февраля ему исполнилось бы 63 года. Мало... как мало выпало... 50 лет... Когда мы провозжали его в 1998 году в Центральном Выставочном зале (ЦВЗ), вокруг на улицах шел День Перми, праздник города, который Николай пытался понять до самых корней, постичь его душу и проявить ее на холстах.

В финале похорон, когда мы уже возвращались по своим домам после Северного кладбища, над головами нашими вдруг вспыхнул праздничный салют, как в той средневековой китайской притче про трех смеющихся монахов...

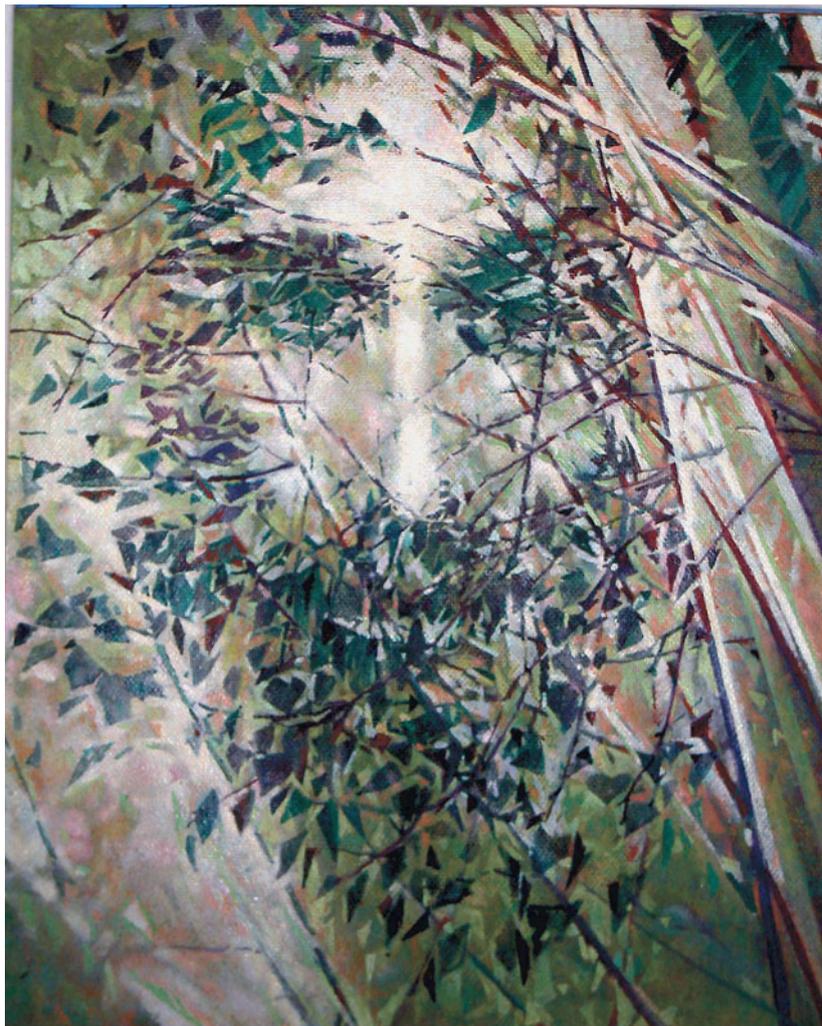
Ян Кунтур

Литератор, краевед, журналист. Родился и живет в Перми. Окончил Пермский Государственный университет. Работает литературным редактором журнала «Автограф 59».

...Они бродили по всему Китаю, всей Поднебесной, никогда нигде особо долго не задерживаясь и не прерывая своего смеха. Смех был основой их жизни. Смех был древнее их, он исходил от Первопричины всего. Останавливаясь на площади очередного селения, они заражали этим смехом всех, и день превращался в праздник, и люди понимали сокровенные смыслы. Миновали десятилетия, а монахи все скитались по Китаю. Их любили, ценили, ведь они несли с собою счастье... Но никто не вечен... Тело снашивается, как и одежда... Один из монахов умер. Жители селения, около которого это случилось, в глубокой скорби, с плачами медленно отправились выразить соболезнования своим кумирам. Но когда они подошли к лачуге, то остолбенели... Умерший лежал на помосте, запеленатый в яркие праздничные одежды, а вокруг него приплясывали, пели и смеялись два его друга... Они-то знали смысл и цену всему... Но этого не знали селяне. С рыданиями они подняли монаха, чтобы переодеть в подобающие погребальной церемонии одежды... И тут из складки выпала записка: «Кремируйте на главной площади, только прошу вас, не трогайте моих одежд». Так добрые жители и сделали. С плачем подняли они тело на плечи, с плачем отправились на площадь... Под веселое пение и танцы двух друзей... Плач достиг своего апогея, когда к дровам поднесли факела, и огонь побежал по нарядным тканям. И тут...

Оказывается, перед смертью монах набил все свои карманы и пазухи фейерверками, петардами, ракетами... И тут начался необыкновенный салют, перешедший во всеобщий праздник и смех. И многие тогда из присутствующих достигли своего просветления...

Николай был таким же «смеющимся монахом», увидев его, пообщавшись с ним, нельзя было тут же не стать его другом, не привязаться всей душой. Мы познакомились на его персональной выставке в тогдашнем ДК Профсоюз в 1992 году. Пришел я туда поздно, уже к самому закрытию. Посетителей не было. Только два человека собирались сворачивать аудиоаппаратуру. Первый из них — невысокий плотный седеющий мужчина с кучерявой бородой и волнистыми волосами. Эта задумчивая плавность и округлость была во всей его фигуре, манере, жестах. Было в нем что-то от Пана, Диониса и Сократа, вместе взятых. И та же мягкость и естественная деликатность была в его речи и в отношениях с людьми.

▲ Спас для Кунтура

Это деликатность земли и человека, возделывающего ее. Это деликатность воздушных овалов, овевающих ее. С ним была женщина — разительная противоположность ему — темноволосая скифская или хазарская княжна... Так я впервые увидел Николая и Людмилу. Мне благосклонно, несмотря на время, разрешили посмотреть все, даже включили музыку группы «Эльф».

Я был поражен: я вдруг увидел и почувствовал то, что сам пытался найти и проявить в слове... Здесь была высокая искренняя поэзия, настоящая пронзительная лирика, где метафоры вытекали из метафор, оживали, создавали основу, наслаивались, играли смыслами, раскрывая новые плоскости, измерения. При этом все внутренне было пронизано своей собственной философией, не привнесенной, заученной, а своей, выстраданной, а также музыкой и чем-то помимо этого, глубоким, соприкасающимся с интуицией. Причем все это было в гармонической цельности, которая не будоражила, не выбивала, не эпатировала — она насыщала, обволакивала и раскрывала, показывая обыденное с какой-то сердечной, что

ли, или, скорее, с душевной стороны... Вызывала волну дрожи...

...Сквозь золотисто-янтарное свечение — можно сказать, колорит осенней листвы, — которое ближе к линии горизонта переходит в зеленоватоголубое, проступают едва намеченные белесыми линиями силуэты двух немолодых крестьян, мужчины и женщины, отца и матери художника. И не понять, то ли проступают они, то ли, наоборот, тают в этой лучащейся земле. Они — часть ее. Мужское и женское начало ее. А может, это всего-навсего — блик-отражение на оконном стекле памяти. А за ним (в ней), вдали — едва различимые родные долишки, коровенки, деревца и облака, сливающиеся, становящиеся едиными с крестьянами, тающими в золотом. Полотно все светится теплом и нежностью золотой осени. Мужчина что-то пьет из трехлитровой банки. Внутри нее и одновременно у самого горизонта — маленькая церквушка над все теми же отражающими

мися и тающими, вечно изменчивыми облаками, фата-морганой. Мужчина словно вдыхает в себя облака, становится ими. А женщина, застыв, пристально смотрит на него. И по всей картине невидимо проступает знак «V»: он в пальцах крестьян, в изгибах их локтей, складках одежды и облаков. Это знак улетающих на юг птиц, знак прощания, знак осени. И в то же время — это знак жизни (vita — жизнь), знак зрелости... Глаза родителей совпадают с тихой линией горизонта. Как и церковка, они сливаются с ним, становятся частью его. Отец и мать уже почти полностью погружены в янтарную землю и только чуть-чуть, на какие-то маковки возвышаются над ней... («Осень. Птицы улетают. Пастух и пастушка. Портрет родителей»).

Это же повторяется и в картине «Старик», только земля здесь другая — высохшая, охристо-красная, растрескавшаяся, насыщенная калийной солью. Старик по глаза — по белую линию горизонта — в этой земле, его натруженные морщинистые руки превращаются в ее корни и складки. Он уходит в нее, становится солью от ее соли, вглядывается в нас с мудрой печалью (процлаться?). «Глаза — это тоже горизонт, горизонт человека, — как говорил Николай, — между духовным и жевательным началами». Старость же — это когда

от второго почти ничего не остается, оно уходит в землю, когда необходимо все свои физические силы преобразовать в духовные... А с левого края полотна тянется другая рука — молодой зеленый побег. Тянется для того, чтобы подхватить выпавшее... а может, сознательно оставленное, большие уже не нужное старику... яблоко.

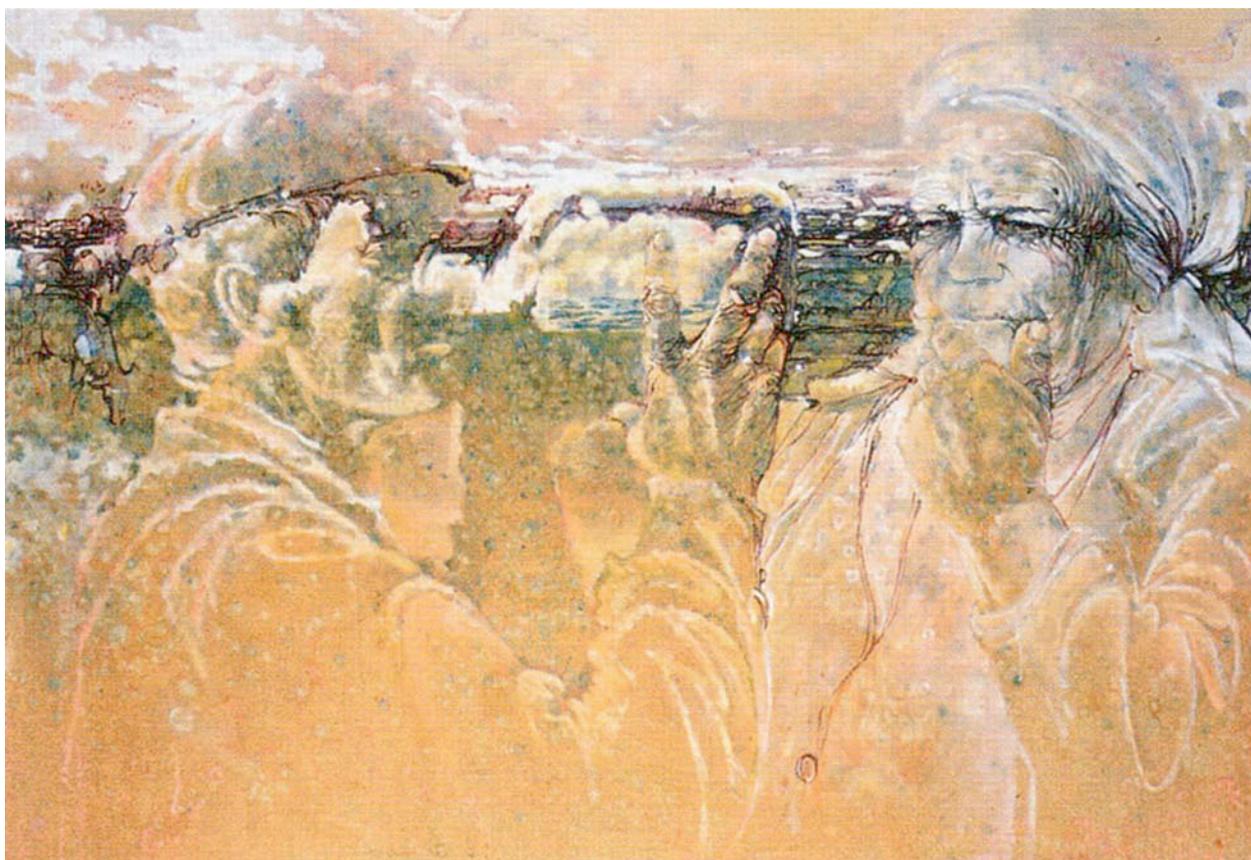
Вообще, Николай был открыт разным идеям, системам, культурам. Он много читал и умел брать из каждого источника рациональное зерно для построения своего мира. Строгие научные идеи и формулы он сближал с вечными истинами и прозрениями мистиков, создавая при этом цельное видение, и пытался воплотить его в живописи. Последняя книга, которую он читал, была предложенная мной «История суфизма» Идрис Шаха.

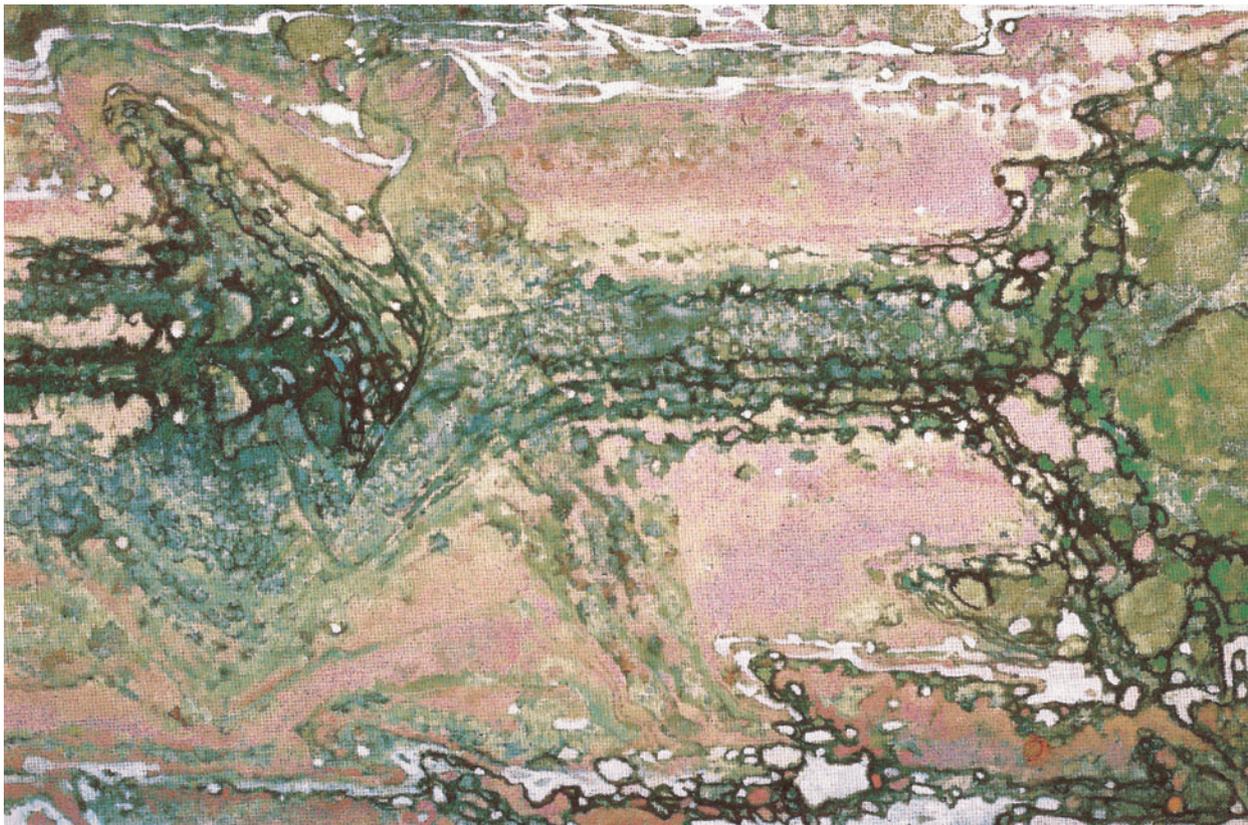
Другим источником для его живописных экспериментов было внимательное наблюдение природы, ее неожиданной и труднопознаваемой игры, так хорошо знакомой с детства, но забываемой позднее. Это когда в просвете среди листьев или на срезе камня при долгом взгляде начинают проступать неожиданные образы, причем яркие и цельные. Та же загадка кроется в силе, которая движет краску

при создании монотипии. Вроде бы игра случая, но насколько удивителен бывает результат. Это какая-то бесконечная мудрость природы, которая застывает в самоцветах. Ядрышки подобных тонких механизмов Николай и пытался вышелушить из-под внешнего и достичь упорством, через постоянное повторение форм, иллюзии той спонтанности. Он даже изобрел свой собственный метод, когда на уже готовую, вроде бы тонко прописанную картину льется растворитель, и изображение расплывается, стекает. Потом оно заново прорисовывается и опять смывается, и так несколько раз. В результате достигается эффект многослойной глубины, когда один план проступает сквозь другие. Для этой цели в 90-е годы при дефиците и дороговизне живописных составляющих Николай изобрел какие-то жуткие составы, с ядовитыми испарениями. Они тоже сильно подрывали здоровье этого крепкого с виду уроженца Алтая.

Родом Зарубин был из алтайского села Новичиха, из крестьянской семьи. Рисовал он с детства, и, вернувшись из армии, отправился в Москву, где поступил в МГПИ им. Ленина на художественное отделение. Так что Николай был не просто художник, но художник-педагог. И даром наставника он был

▼ Осень. Птицы улетают. Пастух и пастушка. Портрет родителей

▲ Утренний бег Авроры

наделен так же щедро, как и даром живописца. Там, в МГПИ, он встретил Людмилу. Этот союз — хороший пример постоянства и творческого единения. В Москве, еще в студенчестве, в семье появился первенец — Дмитрий.

После окончания института в 1976 году Зарубины были направлены в Пермь для преподавания рисунка и живописи в художественно-педагогическом училище №4. Но здесь оказалось все не так-то просто. Молодые художники, как выяснилось, были не очень-то нужны этому городу. Иногда приходилось, по словам Людмилы, бродить по улицам и подбирать мелочь. Нужно было искать свою нишу в чужом мире. Но из Перми они все-таки не уехали. Николай с первого же года стал участвовать в областных выставках. С 1980-го он постоянно преподавал в художественной школе №1. С 1983 года начал работать в ПХПМ художественного фонда РСФСР. А свои полотна он писал в милоливо выделенной Союзом каморке-мастерской, находившейся в легендарных бараках на Кисловодской, которых Пермь сегодня уже лишилась.

Последующий период его жизни можно назвать «диорамным», потому что за девять лет вместе с Людмилой они создали замечательные природные диорамы «Лунежские горы» в Добрянке, «На камском водохранилище» в Перми, «Природа Осинского края» в Осе. Последняя была внесена в ре-

спубликанский туристический маршрут как самая крупная из подобных диорам в России. А одной из наиболее оригинальных является экологическая диорама в городе Краснокамске, где в виде арт-объектов помещены творческие находки Зарубина. Например, среди крон берез можно обнаружить лик Спасителя, несущего Свет миру.

Во время создания одной из диорам художника укусил энцефалитный клещ, начала отниматься рука, что для живописца, как и для музыканта, самая большая потеря в жизни. И хотя все вроде бы обошлось, от переживания Николай резко поседел... Именно в конце этого периода и появились те картины, которые стали визитными карточками и откровением художника, такие, как «Бык и ласточки», «Сотворение мира», «Муравейник», «Ефросинья Порфирьевна», «Старик», «Пастух и пастушка» и другие, о которых можно говорить и говорить.

И вот результат работы — первая персональная выставка в 1991 году в Доме архитектора, затем участие в VII Региональной выставке художников Урала в Кургане и, наконец, та самая выставка, где мы и встретились впервые. А дальше в биографии следовали все больший рост популярности, известность, участие в городских, региональных и республиканских выставках. Это было уже на моих глазах. А вот членом Союза художников (то есть получение официального признания

и статуса) он стал только в 1995 году, и то после малоприятных, иногда унижительных мытарств. Они тоже оставили свои рубцы на его сердце, так же как и вынужденная служба в правлении Союза, для того чтобы заработать приличную мастерскую, которую Николай получил-таки, но не успел в ней толком поработать — осталось ему всего несколько месяцев.

В его мастерской на Кисловодской я частенько бывал. Некоторые картины Николая появлялись прямо у меня на глазах, под громыхание поездов близкой железной дороги. Два этих барака-мастерских были своеобразной арт-коммуналкой, собравшей тогда весь цвет сегодняшнего пермского изобразительного искусства. Это был маленький островок ярких красок, эксперимента и душевности среди серых безликих толщ города. Вход обычно был заперт из-за боязни непрошенных гостей (прецеденты были). Мне приходилось бросать камешек в окошко у плакучей березы. Это было как будто обряд вызывания джина из волшебной лампы. Потом недолгое ожидание, чирканье замка и пожатие мягкой приветливой ладони: «Заходи». Каморка была полностью заставлена большими холстами — теми картинами, которые так достойно висели на выставках

▲ Сказ о Золотой Бабе

и поражали воображение. Но здесь они толпились спина к спине, лицо к лицу, скученно, буднично, иногда получая травмы. Глядя на хранимые таким образом работы, Николай частенько сетовал: «Вдруг пожар, одна лишь искра, и все полыхнет, весь труд последних лет» (подобные случаи также бывали здесь, и не раз).

Если Николай в этот момент работал над картиной, то предлагал мне погрузиться в старенькое кресло непонятного цвета, улечься затылком в жесткое ребро его спинки, а ногами в низенькую лавку (именно в таком положении ему самому лучше всего думалось и воображалось) и наблюдать за работой, не прерывая беседы, или же почитать ему что-нибудь свое из блокнота.

Было любопытно следить за этим дирижированием кистей

по плоскости, раскрывающейся в новое измерение... Работал он упорно: проведет линию, что-то в ней не понравится, снимет тряпочкой и по новой... еще... и еще раз... до полного совершенства... Линии ложатся... Линии падают и восходят... Линия за линией... Слой по слою против слоя... Неожиданные стыки, где расцветает Нечто... параллели... Капли от напряжения на лбу... Еще один вдох, и ключик найдется... И тогда радость и наслаждение проявленным. И при этом непрекращаемый диалог... Нет — это триалог, потому что сопротивляющийся материал тоже как бы один из беседующих. Он вносит в разговор что-то свое. И за охристой краской вспыхивает ультрамарин... А за фиолетовой — светлая зелень...

А потом — чай в мастерской Людмилы. Рядом. Там звучала гитара и висели на стенах фотокарточки сыновей... Любимых сыновей... Как переживал Николай, когда Дмитрий, поскитавшись по художественным училищам, вдруг решил остаться в монастыре иконописцем, ведь он был его лучшим учеником, на него Николай надеялся как на продолжателя своих поисков. Зарубин в отчаянии даже предлагал мне отправиться вместе с ним в Подмоскowie за сыном... Хорошо, что Дима вернулся сам. Николай вообще все принимал очень близко к сердцу, переживал и раздаривал себя, думая, что его хватит на всех... Сотни людей в городе сегодня вспоминают его с доброй

улыбкой и благодарностью. Он был щедр. А если кому-то из друзей грозила опасность — неустрашим.

Он умер ночью. Накануне, как рассказывала Людмила, у него побаливало сердце, щемило в груди, этому поспособствовали и напряжение последних дней, и необычайный зной. Идя домой из мастерской мимо больницы, Люда предложила ему зайти. Коля отказался, сказав, что само как-нибудь пройдет, надо только перетерпеть. Но не прошло... Истечение коронарных сосудов...

...Всю ночь мотался по городу, как сумасшедший, не помня себя... А он лежал в морге и ждал... А может быть, и он тоже бродил этой белой ночью по Перми, правда, уже в другом виде, и прощался с ней и всеми нами... Кто-то из знакомых сказал: «Бог забирает себе самых лучших...» Другой сказал: «Николай слишком близко подошел к краю тайны, за который не каждому можно заглядывать...» Но все это не то... не то... нет, не то... В суфиз-

ме есть такое понятие «скрытый или тайный суфий», это когда человек, абсолютно не знакомый с тайной традицией и учительской линией передачи, сам, благодаря своим душевным качествам и подвижничеству, достигает Истины и состояния «вали» — возлюбленного друга Господа... Нет, и это, кажется, тоже не совсем то... Николай не успел сказать всего, что хотел. Может, так и должно было случиться...

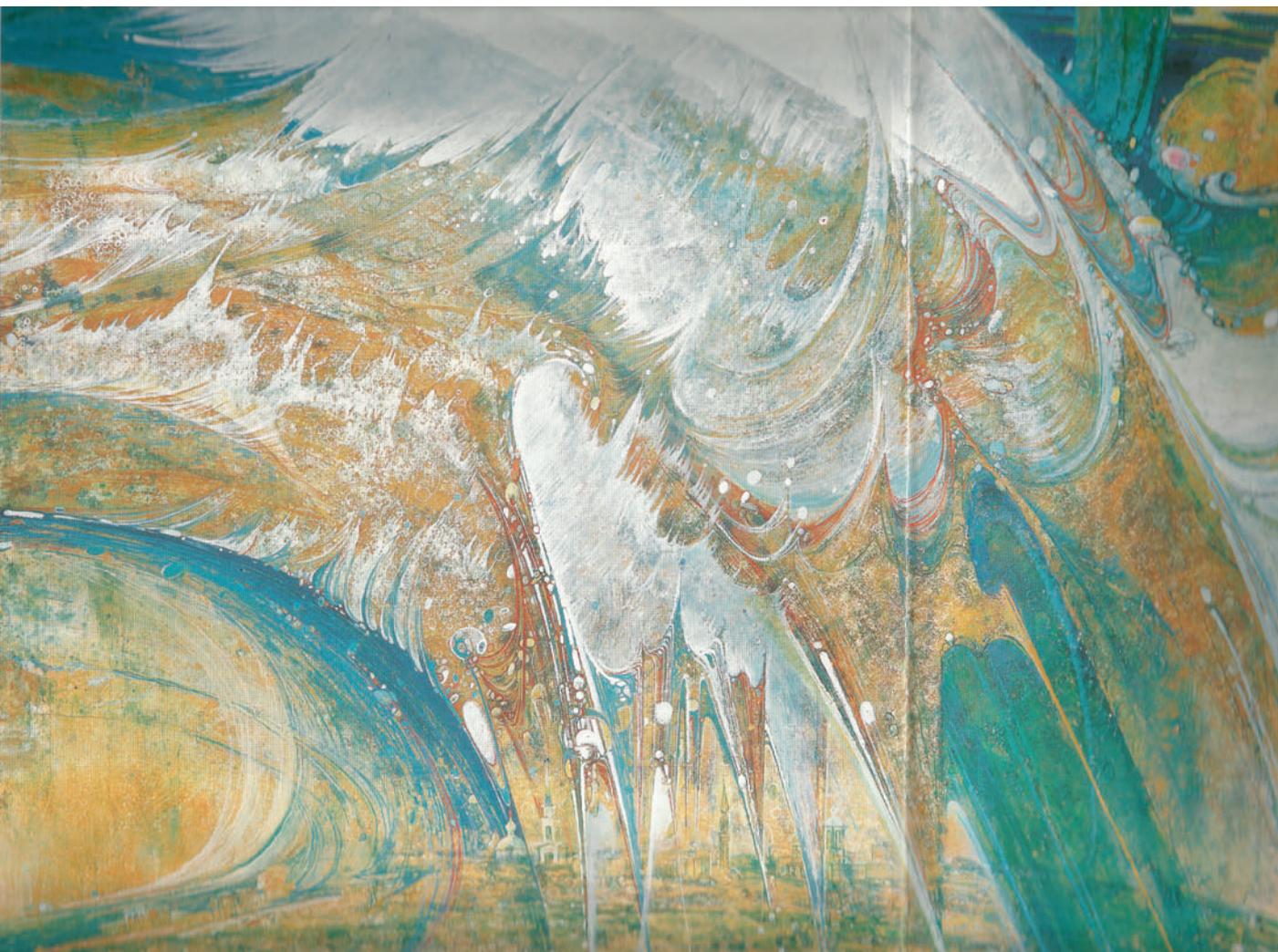
Еще в 1993 году он создал очень важную для его творчества работу, в которую вложил свои представления о мире, пути истории и человека, — «Вифлеемская звезда. Новый Завет. Апокалипсис». Трактовать ее можно очень долго, рассматривать, разгадывать, как ребус, детали, медитировать. Большая часть полотна желтовато-коричневая, с кроваво-красными прожилками, она напоминает содранную кожу, — это материальный мир, мир торжествующей самодовлеющей плоти, царство князя тьмы. Это как вал, который напирает, вытесняет, стремясь заполнить собою все пространство. Эта часть — доновозаветное время. Но оно бессильно перед прорывом Чистейшие-синего, пробиваю-

щего ее, как весенняя полынья лед; как родник пески. И в центре его — Рождественская звезда — приходящее новое. От этого рваные края Мира Плоти бессильно заворачиваются, на них можно различить синие гневные профили противостоящего.

А под этой вселенской битвой, внизу полотна — многофигурная композиция, заполненная гротескными фигурами, тут и капающая грешница и другие типажи — людские пороки и заблуждения. Они — состав земли, глины. Но чем ближе этот мир приближается к сине-голубой глади, по которой скользят белые бесплотные силуэты с нимбами, тем больше он преобразается. Перед Синим — две крупные фигуры рыбаков, тянущих невод — апостолы Петр и Андрей, в отдалении, на самом берегу, еще две просветленные фигуры... А за ними — уже предельная чистота и подлинный Свет, выжимающий слезы умиления... Глоток родниковой воды, к которой должен прийти каждый, преодолев все заблуждения и искушения.

Вот она, «Божественная комедия» от Николая Зарубина... **УС**

▼ Эгрегор Перми

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Белая Каменка (Легенда)

Иллюстрации предоставлены автором

Историю эту мне рассказали по свежим ее следам — в конце восьмидесятых.

Жил в поселке Кузино один мужичок. Близ того пруда, который речка Каменка принесла-наполнила. Третий, кажется, дом по улице. Афанасием звали, а между собой еще Афоней. Вроде и работающий, и не без царя в голове, а хозяйствовал так себе, никому не в зависть. Ну вот, мол, и Афоня.

Странность одна в нем была: с некоторых пор повадился ходить на Лысую гору.

Лысой ее обзвали, наверно, шутники какие. Как, бывает, про человека с очень буйной шевелюрой скажут: «А, вон и Лысый наш нарисовался». Потому как эта гора, что на Кирги-

шанском увале, более других заметна, с самых запяток до оголовка испокон покрыта была дремучим лесом.

В аховы годы много взяли с нее доброго леса. По ее подолу, вдоль увала, прорубили тогда лесовозную дорогу-просеку и «усы» от нее вправо и влево: влево — это на Лысую.

А как в аховы годы лес брали, Афанасий бы много порассказал, да помалкивает. О войне вон, кто ее на себе-то вынес, тоже ведь говорить не любят. А он в молодые годы на том лесоповале вдоволь пошустрил топориком. Глядеть вокруг себя совсем не умел — в молодые-то годы. Ой, не уме-ел! Что ни стоит перед ним, то и валить надо. Теперь вот видит — ель. Строгая, подтянутая, прибранная — ни дать, ни взять офицерская

Юний Горбунов

Редактор отдела истории и краеведения в журнале «Уральский следопыт». После окончания УрГУ работал в редакциях уральских газет, журнале «Урал». Был инициатором создания и первым руководителем всероссийской общественной организации «Содружество павленковских библиотек». Автор книги об издателе-просветителе Ф.Ф.Павленкове и многих научно-популярных статей о нем, серии очерков о женщинах великокняжеской Руси, нескольких книжек публицистики, составитель словаря «Писательницы России». Очерки и рассказы печатались в «Уральском следопыте», «Урале» и другой уральской периодике.

вдова. Или сосна — вся-то она теплая, сливочным боком манящая и греющая. А березка в белом своем подвечном! Никто до поры близко к ней не подойди. Или вот пихта — дерево поминальное. После любого дождя-грозы из-под нее сухой выйдешь и будто веником паренный. А лиственница — глянь! Это ли не сказка поздней осени? Светло в лесу от нее по эту пору, как в вечеряющей горнице при свече.

Так-то вот по лесу с топором идешь и не слышишь, как лесные жители при твоём приближении друг к дружке жмутся, а тебя сторонятся. А как остановишься да обмеришь глазом какое приглянувшееся дерево, да не дай бог, стукнешь по нему обушком — какой стон разом обнесет округу, какая мольба!

А весь этот разноплеменный лесной народ в ахову пору звался древесиной и мерился кубометрами. Лежали эти «кубометры», спиленные, нагишом в одном косяке, и кто какого рода-племени, кому до того было дело. Пока одну «древесину» спелят, топором освежают, трактором стрелюют да раскряжуют по нужным сортиентам, а потом выволокут к лесозовозной дороге — сколько молодых да ранних помнут-покоречат! После такого повала только непроходь и остается. Ведьмины, словом сказать, владения. Пни, сухары, завалы да проплешины.

Может, в то ахово наше время гору Лысой-то и прозвали...

Вот в эти-то лесные «сети» на Лысой и попал наш Афоня. Им же самим и расставленные. И не то сказать — попал, а сам в них шел, как на заклание, как приговоренный.

Через дебри горы Лысой ищет себе дорогу вниз невидная речка Каменка. Речки с таким названием в наших краях, если будешь считать, заблудишься, а наша вот зовется Белой Каменкой. Собирается она близ самой вершины горы из совсем незаметных глазу родничков, сочащихся из камней. Вот вроде нет ничего — ан вдруг лужица, а в нее чего только не смотрится: и неба с облаками целая бездна, и покосившихся елок верхушки, и смородины июльской спелая гроздь, и тонкой работы лист древнего папоротника, а рябиновая ветка — так та чуть этого зеркала лицом-то не касается... И все, веришь ли? — в эту малую лужицу глядится-любуется. И из нее, из пригоршни этой, убегает чуть заметная струйка. В самой же пригоршне — никакого движения. А то так и лужицы нет — просто камешки влажные и ниточка воды от них.

Сколько таких лужиц-ниточек близ вершины Лысой — кто считал? Может, кто и считал, так счет потерял и помер.

Все эти струйки сбегаются на горе в один ручей — и, глянь, уже целая речка торопится вниз по камням. Это тебе, брат, уже не ниточка и не пригоршня, а целый большой ручей —

ему уже имя подавай, а так-то и не посмотрит на тебя, не оглянется.

Вот Афанасий по этой речке Каменке на Лысую гору и наладился ходить. Уйдет по утранке, по росе, а ввечеру домой явится. В грибную пору все идут с грибами, а он порожний возвращается.

— Не попались, — говорит, — пуста нынче гора.

А ведь вот когда у других три «бычка» в ведре дерутся, Афанасий вышагивает с полной корзинкой белых да подосиновиков.

— Иди, — говорит встречному, — я твоих не брал. Да торопись, пока гора добрая.

И верно: пойдя назавтра — ничего на горе не найдешь, ни тебе валуя, ни снулой сыроежки.

И чего в такие-то поры Афанасий на горе делал? Ведь это ж по каким дебрям ходить-то надо! Визеры топографические некогда гору чертили, но позаросли с той поры — на танке только и брать высоту. А Каменка! Жарким летом ее бурундучок по камешкам перейдет и лапок не замочит. Зато весной говорливый поток несется с Лысой. Подмывает деревья, роняет их поперек себя как ни попадя и, не оглядываясь, дальше мчит. Деревья эти с вывороченными страшными корневищами порастают мхом, а иные вовсе сухие и голые стоят. В ином месте, под завалами, и воды-то не блеснет.

стоит, а переднюю к воде тянет. И белая вся как есть. Не бело-солнечный свет идет от нее, а холодный, как бы стальной. Смотрит на Афанасия белыми своими глазами.

Любому дикому зверю в глаза смотреть не надо. Так лютые враги друг на друга смотрят. Собрал силы Афанасий, сделал шаг — а не тут-то было: кто-то держит сзади. А медведица все глядит и глядит на него.

Совсем ошалел мужик, дернулся, что было мочи, затрещал на спине его пиджачишко, отлетел Афанасий и упал на валежину. А сзади будто бы хохочет кто тихим ехидным хохотом. И только он с глаз медведицу потерял, как белое все пропало, и мир вокруг вернул свои краски.

Сам не свой пришел Афанасий. И задумываться стал. Идет, бывало, по дороге, смотрит под ноги и вдруг как вскинется весь, озираясь, стоит столбом вкопанным. А по горе все ходил, не знал покоя. Но русла Каменки теперь избегал, по визирам шарился. И тянуло его на Лысую пуще прежнего.

Но скоро поправляться стал, оклемался. На грибы везло, на смородину черную с малиной. Не скупилась Лысая.

Добежав до подола горы, замолкает Каменка. Куролесит втихую. То широкую заводь для мальков соберет — пусть резвятся, то под берегом где-то притаится и ждет, когда неосторожный грибник на травяную кромку ступит и окажется в ледяной воде... Вот уж будет потеха Каменке!

А уж к кузинскому пруду в весеннюю пору река подходит неспешно и державно. Шевелит ивняк по берегам, едва ли не все небо в себе отражает. Вечерами вдруг бухнет кто-то в ее глуби — то ли матерая щука заплыла из пруда, то ли сам водяной поселился...

Такая она, наша Каменка. Вот по ней-то и ходил Афанасий не по одному году. Истоки речки искал да метил. Пенсионер был, свое отмытарил. Что с него взять?

Однажды пробирался по руслу, глядя, как обычно, под ноги, задумался, а как голову поднял — батюшки, перед ним медведица на задних лапах

Как-то раз и сам не заметил, как на русло вышел. Бездумно так идет по краю воды, а она то бульчит, камешками играет, а то вдруг станет целым озерцом, и мальки в ней стрелками мечутся. То ли тень, то ли топляк лежит через все озерцо. Облачко по нему, как и по небу, бежит. Выходит, и там, в Каменке, своя сиюминутная жизнь. А задень воду веточкой — ан уже совсем другая...

«Не так ли и у нас, у людей?», — думает Афанасий.

Только сделал шаг, а с берега как вскинется кто-то, как шумнет травой да валежником. «Никак лосиху поднял с лежки», — успел сообразить Афанасий. А она уже стоит перед ним — рога в небо вперились, ноздри трепещут. И белая вся. Что тебе статуя оловянная. А смотрит живым белым глазом. Не отпускает. Дернулся Афанасий, ногой оступился, и минуло все, как и не было. Торчит выворотень перед ним да в озерце безоблачно.

Совсем заморочила Каменка голову мужику. Ночью среди сна вскинется и больше глаз смежить не может. Уйдет на берег пруда и сидит пеньком до рассвета. А без Лысой горы таки не может.

Вот уже и лето машет желтенькой березовой ладошкой. Утрами

подмораживает крепко. Афанасий после белой лосихи на Каменку — ни ногой. За версту обходит. Бродит посуху, опять на Лысой по пенькам добывает. Они в эту предзимнюю пору звонкие, опята, хоть бусы лесные из них собирай. А Лысая свой норов держит: бывает, бродит мужик с утра до самой макушки дня и пустой возвращается. Улица над ним посмеивается: у Афони, мол, на горе-то, девка завелась, какие ему опята.

Но мужик тоже себе на уме: упрямо ждет на Лысой своей удачи. И, бывает, дождется: полнехонькую полтораведерную корзину за пару часов молодых опять нагребет с шапкой, а поверхто — белых, белых выставит, да таких ядреных — один к одному боровички. Тогда уж на его улице праздник!

Время, оно все на свете лечит. Боровички эти, будь они неладны, опять Афанасия на Каменку вывели. Он ведь, белый гриб, в одиночку по лесу не ходит. Один углядел — востри глаза рядом, раздвигай травушку да сбоку-то на гриб не наступи. Афанасий и не заметил, что уже по самому берегу боровички пошли, режет себе, травку просеивает. А как спину-то разогнул, умаившись: господи, твоя воля! Огромный паучище дорогу ему загородил и лапами-то, лапами по гигантский паутине пере-

бирает. Белый весь, и паутина белая, и глаза. А светлее не стало, наоборот, будто сумерки пали. Вокруг Афанасия то ли смех, то ли шорох стоит. Да и он-то сам уж не пауком ли стал? Руки-ноги спешат, к паутине липнут, а сам — ни с места.

Сколько они стояли так — глаза в глаза, только корзина у Афанасия возьми да выпади из рук, прямо на речные камушки, на струйку посыпались грибы. А как увидел это Афанасий, так и белого паука не стало, и шорох затих. Только старый выворотень замер над ним. И опять с боровичками речной водичке радуются. И желто вокруг от берез, и красно от осин да рябин...

Такая вот история. За что купил, за то и продаю. Кто и как про те Афонины белые встречи узнал, мне неведомо. Только стала наша речка называться Белой Каменкой.

А Афанасий... Он, говорят, сгинул на Лысой горе. Ушел однажды поутру, и след его простыл.

Жена пождала-пождала, продала домишко и уехала к внукам.

Теперь в доме дачники живут. Черные бревенчатые стены покрыли светлым пластиком, окна сделали глазастыми на городской манер...

Ничегошеньки не знают. **VC**

Регулярно занимайтесь спортом! Победите свою лень и болезни! Ваше тело станет сильным, красивым и здоровым!

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

ул.Кирова, 71 тел.:(343)242-54-12(13)
www.vizsport.ru

БАССЕЙНЫ (В Т.Ч. ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТ 1 ГОДА), ФИТНЕС-КЛУБ, СПОРТЗАЛЫ, САЛОН КРАСОТЫ, КАФЕ, СПОРТИВНЫЕ СЕКЦИИ

XIV межрегиональная специализированная выставка

ОБРАЗОВАНИЕ от А до Я. КАРЬЕРА

27-29 марта 2012
КОСК «Россия»

При поддержке:

Министерства общего и профессионального образования Свердловской области
Управления образования Администрации г.Екатеринбурга
Форума женщин УрФО

Соорганизаторы:

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей (СОСПП)
Фонд «Екатеринбургский центр развития предпринимательства»

Образовательные учреждения

- ☞ Учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования
- ☞ Учреждения общего и дополнительного образования
- ☞ Центры обучения за рубежом
- ☞ Центры бизнес-образования

Карьера

- ☞ Центры повышения квалификации и профподготовки на предприятиях
- ☞ Курсы переподготовки на базе учреждений СПО

Обеспечение учебного процесса

- ☞ Научно – методическое, правовое и кадровое обеспечение образования
- ☞ Информационные технологии в образовании
- ☞ Учебное оборудование и оргтехника
- ☞ Мебель для учебного процесса
- ☞ Одежда для учащихся
- ☞ Учебная, методическая, справочная, деловая литература, пособия; Канцтовары

Ярмарка вакансий

В программе выставки:

ROBOFEST junior

II Уральский робототехнический фестиваль

Конференции, семинары, консультации, мастер-классы, «круглые столы», презентации, деловые встречи

Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14
(343) 348-25-55, 347-45-05 market@kosk.ru www.kosk-abk.ru

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

март 2012

Аэлита

50

Законы Вселенной

АЛЕКСЕЙ ЛОГИНОВ
Охота на гуки

50

82

Повод для улыбки

ДЭН ШОРИН
Дикие лебеди

82

55

Координаты чудес

ЭЛЯ ЛАТЫПОВА
Алпамыша

55

ОЛЕГ ДЮКОВ
След ушедшего в сон

69

Охота на гуки

— Эй, парень, иди сюда, — капитан Рик махнул рукой Максиму.

Максим прошел через весь бар. Капитана Рика он знал, впрочем, как и всех капитанов. Вот уже год как он болтался в баре единственного космопорта Тантая, пытаясь найти хоть какую-то работу в космосе. Его устроила бы любая посуда способная подняться выше стратосферы. Да хоть палубы драить лишь бы выйти в открытый космос. Максим подошел к столику.

— Присаживайся, — кивнул Рик и пододвинул стул. Капитан был навеселе. Может, удачно взял на абордаж набитого транспортника. А может, получил премию от транспортной компании за сопровождение каравана. Жителями этой колонии были бывшие военные, участники последней межзвездной заварухи, столкнувшей между собой десяток планет двадцать лет назад. Война была их единственным ремеслом. Они либо разбойничали на гиперсферных трассах, либо охраняли транспорты от своих же собратьев.

— А ты, я смотрю, охотник, — сказал капитан, глядя на целое ожерелье из когтей, висевшее на шее у Максима.

Максим охотился с раннего детства. Уже с десяти лет он уходил один в джунгли Тантая и никогда не возвращался без добычи. Сначала он добывал мясо, а со временем начал приносить зубы и клыки речного дракона, которые использовали для изготовления ювелирных изделий. Клыки на ожерелье светились изнутри приятным голубоватым светом. Здесь было небольшое состояние. Максим носил их

Алексей Логинов

Родился 5 сентября 1975 года в Свердловске. Окончил юридический факультет Уральского института экономики управления и права. Работал юрисконсультom, затем начальником юридического отдела в различных предприятиях и компаниях Екатеринбургa. В настоящее время занимается самостоятельной судебной практикой в Коллегии адвокатов «СОГА». Писать начал в 2004 году. Ранее не публиковался. Увлечения: мотоциклы (байк), рыбалка.

для продажи. Бывшее развлечение сейчас приносило ему хорошие деньги. Но он мечтал о космосе, о далеких неведомых мирах, о схватках и приключениях. Забравшись далеко в лес, у берега Тихой реки он мог всю ночь сидеть у костра и смотреть на далекие звезды, которые ему кокетливо мигали, будто приглашая к себе. В свои двадцать лет он оставался мальчишкой.

— Хреновые у тебя дела, парень, — сказал капитан, протягивая ему кружку дешевого пива. — Тебя не возьмут ни на одно корыто, даже на камбуз картошку чистить. Что ты умеешь?

— Я неплохой стрелок, на тренажере у меня категория «А», могу управлять любой посудиною от клипера до крейсера. Любой курс проложу: межзвездный или внутрисистемный. Гравикорректором могу управлять вручную, на виртуалке — я пилот класса «М».

— Неплохо! Как тебя...

— Максим.

— Так вот, Максим, нам нужны либо тупые ублюдки, которым по хрену куда палить. Они по приказу собственные яйца отстрелят. Либо умники вроде тебя, но только чтобы мозги были «разогнаны». Ты бы с ним справился, — Рик махнул в сторону громилы, сидевшего за соседним столиком.

Это был пират по прозвищу Воркута, прославившийся тем, что таскал на широком ремне через плечо стационарный лучевик, снятый с патрульного катера. Лучевик легко сметал внутренние переборки как яичную скорлупу.

Максим покачал головой.

— А башка быстрая? — спросил капитан.

— Двадцать единиц.

— А нужно 150 минимум.

Мощные компьютерные системы управления стояли только на военных крейсерах и других больших военных кораблях. Один такой компьютер стоил в разы больше, чем весь пиратский флот планеты. Впрочем, для навигации и прыжков между звездными системами хватало и тех ветхих электронных систем, что имелись на местных кораблях. А вот для управления оружием в боевых условиях их было недостаточно. Для этого пираты использовали самый совершенный вычислительный прибор — человеческий мозг, который нужно было тренировать на специальных нейровиртуальных программах десять, а то и более лет. Не каждый человек мог «разогнать» свой мозг. У кого это получалось — становились капитанами. Этих людей можно было пересчитать по пальцам.

— Тебе сегодня повезло, Макс.

Рик панибратски одной рукой обнял и похлопал Максима по плечу и тихо сказал прямо в ухо:

— Есть на Тантае зверушка одна, гуки называется, она поможет тебе «разогнать» башку.

Капитан отхлебнул пива и положил на стол кристаллодиск.

— Здесь дневник одного умника, который изучал гуки в первые годы колонизации Тантая. Вот тебе инъектор, — он положил рядом с кристаллодиском небольшую черную коробочку. — И учти, об этом должны знать только ты и я.

Рик посмотрел тяжелым взглядом. Максиму показала, что на него смотрит сама смерть.

Он знал пиратские законы — и будет держать язык за зубами.

Капитан вовсе не был таким щедрым и благородным парнем, скорее наоборот. Просто он захотел проверить случайно попавшую к нему информацию и испытать новый способ «разгона», который в случае успеха мог дать ему преимущество в бою и очень хорошие деньги.

К столику капитана Рика подошла парочка подвыпивших парней из его команды

— Удачи тебе, парень, — сказал Рик и махнул рукой Максиму.

Молодой охотник сунул подарки капитана в карман и вышел из бара.

Максим зашел в заваленное хламом бунгало. Пнув в стороны старые ботинки, прошел в другую комнату.

— Джерри! — крикнул он.

Через пару минут со второго этажа спустился заspanный паренек. Из-за своего маленького роста он получил прозвище в честь легендарного мышонка.

— Джерри, я собираюсь на большую охоту.

— Я с тобой, Макс.

— Выступаем завтра утром.

Солнце еще не взошло, а два закадычных друга уже вышли за границы поселка.

— Есть, как раз две, — крикнул Джерри и начал разгребать песок руками.

Максим помог другу откопать неровную пластину песочного цвета в форме неровного с обломленными краями эллипса. Джерри прикрепил под край роговой пластины инфракрасный фонарик с десятью лампочками, расположенными на одной линии, и взял в руки маленький джойстик. Щетки — как их называли колонисты — были любимым развлечением и бесплатным транспортом в джунглях планеты. Управлять ими было проще простого. Под грибообразный панцирь животного крепился инфракрасный фонарик. Щетки чувствовали излучение и начинали двигаться, перемещая тысячи мелких ножек. Для поворота вправо зажигалась лампочка, расположенная правее, и наоборот. Для остановки лампочка гасла. Щетки были примитивными животными и принимали слабое излучение инфракрасного фонарика за песчаных червей, свое любимое лакомство. Это походило на морковку, подвешенную перед мордой осла. Щетки могли двигаться со скоростью до сорока километров в час.

К вечеру они преодолели почти триста километров и остановились возле небольшой горы. Джерри стал разводиться костер, чтобы разогреть нехитрую еду. Макс прилег отдохнуть, расстелив спальник из шкуры бухра. Щетки зарылись в песок.

Небольшое мутное пятнышко выплыло из-за соседней горы и направилось к охотникам.

Джерри почувствовал неладное и обернулся.

— Макс, осы!

Максим соскочил, и, пока соображал что к чему, его натренированные до автоматизма руки выхватили из кобуры электромагнитный пистолет.

Осы уже остановились и стали раскручиваться спиралью. Это были самые опасные твари на планете. Небольшие, не более десяти миллиметров, вытянутые костяные зернышки, они раскручивались, создавая мощное магнитное поле, и выстреливали одним из своих собратьев в выбранную жертву. И легко прошивали насквозь даже бухра, походившего на покрытую толстым густым мехом свинью.

Максим выстрелил, электромагнитный импульс разогнал крутящихся волчком ос, и дезориентированное облачко медленно скрылось из виду.

— Спасибо, Макс, еще немного и меня бы во второй раз продырявили, — сказал Джерри, почесав старую рану на плече.

На следующий день, настреляв парочку кроликов, завезенных с Земли еще первыми колонистами, они, наконец, вышли к Тихой. Река почти не имела течения, за что и получила свое название. Шириной местами она достигала полкилометра.

— Давай сделаем привал возле того дерева, — указал Макс на большой, свисавший над водой секвор.

Возле корней дерева лежала туша бухра с выеденным брюхом. Она была облеплена со всех сторон осами. Сейчас эти твари были безопасны. Это зрелище дополнял противный запах.

Пришлось устроить привал двумя милями ниже по течению. Впрочем, новое место оказалось удачным — за два дня в речные силки попались три дракона.

— Завтра я уйду на тот берег, — сказал Максим. — А тебе стоит вернуться.

Джерри не удивился, для Макса бродить по джунглям в одиночку было в порядке вещей.

— Через пару недель привези припасы, — попросил Максим и высыпал в руку Джерри все клыки пойманных драконов. — Спрячешь вот здесь, — указал он на небольшое дупло секвора, под которым они устроили привал.

Максим мотался по джунглям уже второй месяц. Он исхудал, зарос щетиной и изрядно потрепал свой комбинезон. В двухстах километрах вверх по течению реки от лагеря он заметил заветную норку на склоне обрывистого берега. Он засел за километр на противоположном берегу с подветренной стороны. Четыре часа он лежал неподвижно, держа палец на спусковом крючке винтовки.

Экзобиолог первой экспедиции на Тантай, чей дневник двухсотлетней давности попал в руки Максима, описывал гуки как очень скрытное существо. Он был единственным зверьком, кто мог уворачиваться от ос, более того, осы являлись его любимым лакомством. В ходе эволюции у гуки появилась железа, которая вырабатывала особый гормон, позволяющий мозгу работать быстрее и качественно влиять на реакцию.

Экзобиолог провел ряд исследований и выяснил, что введенный в спинной мозг человека гормон таким же образом влияет и на человека.

Наконец, через электронный прицел Максим увидел, как из норки показалась маленькая головка. Зверек, размером не более кошки, напоминавший бесшерстого ленивца, наполовину высунулся из норки. Максим нажал на спуск. Тоненький,

почти незаметный луч блеснул на мгновение. На том берегу возле норки на землю упало обмякшее тельце. Нужно было спешить, через час гормон разложится.

Подобрав тушку, Максим разжег костер. Охотничьим ножом достал железу желтого цвета. Разделявать тушки животных было для него обычным делом.

Он достал черную коробочку иньектора, положил в маленький выдвинувшийся контейнер добытую железу. Индикатор замигал, растворяя в спецрастворе нужные вещества.

Вот он, счастливый билет, открывающий ему дорогу к звездам.

Максим прикрепил черную коробочку эластичными ремешками сзади шеи и лег на траву. Автоматический иньектор с легким жужжанием воткнул между позвонками тонкую иглу и ввел раствор.

Его слегка замутило. Какое-то время он сидел у костра в легком трансе.

Мир вокруг стал восприниматься острее и четче. Посыпав приправой тушку гуки, он стал жарить ее на углях. Выбрасывать добытое мясо было плохой приметой. А это мясо, если верить старому дневнику, являлось редким деликатесом.

Перед носом сновали мухи, стараясь отхватить свой кусочек. Максиму захотелось поймать назойливое насекомое. Мир вокруг стал вязким как кисель, муха медленно проплывала перед носом. Макс легко схватил ее за длинный вертящийся хвостик. Со стороны движение руки Макса не было видно, так быстро она двигалась. Раствор начал действовать.

Бары при космопортах разных планет похожи друг на друга.

Здесь, на Мараканде, все было, как и везде. Капитан Рик с несколькими товарищами просаживали очередной гонорар, который получили за сопровождение транспортника.

В бар зашли восемь военных во главе со старшим офицером, в форме ВКС Мараканды.

Военные подошли к столику Рика и окружили его.

— Капитан Риккардо Неру, Именем республики Мараканда Вы арестованы. Вам вменяется нападение и похищение крейсера республики.

По бару пробежался ропот. Никто из пиратов не решился бы на такое дерзкое нападение.

Рик повернулся к своему помощнику.

— Если со мной что-нибудь... На Тантае в баре найди охотника по имени Максим, проверь, если он стал «быстрым», он будет вашим капита...

Не успев договорить, капитан как пуля выпрыгнул из-за стола и выхватил пиратский тесак, лезвие которого светилось мутно-белым плазменным цветом и способно было прорубить легкую броню, не говоря о скафандре. Рик «разгонял» свой мозг более тридцати лет, и это давало ему преимущество не только в космическом бою. Невероятная реакция могла помочь ему и сегодня. Куски тел и брызги крови разлетались по всему бару. Мenee чем за минуту он порубил всех своих врагов. Но удача сегодня отвернулась от него, один из военных был киборгом. Разрубленный пополам, он успел выстрелить, и разряд плазмы сжег Рику башку, швырнув на пол безголовое тело с обугленной шеей.

Помощник погибшего капитана Рика по прозвищу Буки и Максим поднимались на борт «Раптера». «Невероятно, двести единиц!!! Никогда не слышал ничего подобного» — думал Буки.

Они вошли в рубку.

— Представляю вам нового капитана, господа. Прошу любить и жаловать — капитан Макс, — сказал Буки. — Волю Рика вы все знаете.

Через мониторы интеркома экипаж увидел лицо нового капитана

— Спасибо, Буки. Экипаж, старт через семь минут. Стартуем в боевом режиме. Всем занять места согласно расписанию.

«Вот сопляк, с места — сразу в галоп», — улыбнулся Буки.

Максим надел шлем капитана со вшитой нейроконтрактной пластиной.

Он стал кораблем. Камеры служили ему глазами. Он чувствовал внешними приборами.

«Раптер» прострелил плотный слой облаков и вышел на низкую орбиту. Внешние датчики уловили мощный порыв космических частиц. Максим почувствовал солнечный ветер как морской бриз. Звезды стали совсем близкими и протягивали ему руки. Он всегда был рыбой, выброшенной на берег, а сейчас волей судьбы вернулся обратно в море.

Завтра миры узнают о новом пирате, легенде по имени капитан Макс, который пересечет серые облака и побывает в соседней галактике. Об адмирале объединенных колоний Максе, который выиграет самое грандиозное сражение в истории.

А сейчас они принимались друг к другу: новоиспеченный капитан и безбрежный океан космоса...

Алпамыша

— Эти, мин кильдем!

Дверь калитки распахнулась настежь, и во двор вошел, волоча в руках большой недетский старый портфель, русоволосый мальчик лет шести с ясными светлыми раскосыми глазами. Он шагал, сильно накренившись вбок, толкая ногой портфель впереди себя, а противоположную руку он вытянул высоко в сторону для противовеса. Голые худые ноги были воткнуты в резиновые сапоги. Из-под легкой стеганой курточки виднелся белый воротничок. Сыпал холодный нескончаемый дождь. Коротко стриженная голова насквозь промокла. Он то и дело вытирал рукавом воду с кончика носа.

Не доходя до крыльца, один сапог увяз в жиже из грязи и навоза. Нога выскользнула, и мальчишка голый ступней влетел в месиво, еле устояв на ногах, но портфель удержать не удалось. Он с досадой и обидой поднялся, повернулся к засевшему сапогу и, плюнув в его сторону, негромко выругался:

— Сука! Пилять! — потом повернулся, крикнул во двор: — Отец! Ты где?

Мальчишку звали Закир. Целую неделю он уже ходил в первый класс. Ему не исполнилось семи, но его мать, Хасна, очень хотела, чтобы он поскорее начал учиться.

Возле крыльца он поставил свой портфель, снял второй сапог, достал из жижи первый и придвинул свои пожитки ближе к отцовским галошам.

— Отец, я пришел! Ты где?

Эля Латыпова

Родилась в г. Магнитогорске в 1970 г. Училась в Свердловской школе № 13. Вместе с родителями переехала в Уфу, где получила филологическое образование на факультете журналистики. Первые стихи печатались еще в комсомольской газете «Ленинец». Работала на телевидении редактором нескольких программ, выпускающим редактором в журнале. Несколько лет посвятила воспитанию двух дочерей. Писала всегда, а вот доставать из-под стола начала недавно.

Он вышел босиком на середину двора и оглядел его. Большой широкий двор был пустым и унылым. Вместе с домом он достался им от родителей матери. Когда-то в нем было веселее и по двору шастало много всякой живности. Подсобные строения, окружающие двор, давно стали серыми и гнилыми. В них только ветер и солома. Строить новые или ремонтировать — никто не собирался. Только в одном из них, самом низеньком и почерневшем сарае, похожем на глухую, древнюю и слепую старуху, слышно было, как птицы беспокойно вскрикивают и хлопают крыльями. Мальчишка направился туда, перескакивая через скользкие лужи.

Сухая трава под ногами, разбросанная у входа, казалась теплой для его озябших ступней. Он топтался на месте, оглядываясь вокруг. В углу лежащим лицом к бревенчатой стене он нашел отца. На нем был надет выходной черный костюм. Закир подошел и потряс его за плечо:

— Вставай, отец, вставай!

Голова его свалилась в выемку в земляном полу, наполненную размытым от дождя навозом. Мальчишка быстро подскочил к насесту, вытянул пригоршню соломы и, аккуратно приподняв голову отцу, подложил сухую подстилку. Затем уселся рядом, скрестив и поджав под себя ноги, и, тихонько раскачиваясь вперед и назад, глядя на него, возбужденным и радостным шепотом сообщил:

— Я рассказал сказку. Учительнице понравилось, и она поставила мне пять. — Отец молчал, а он продолжал: — В нашем классе это первая пятёрка.

Мужчина зашевелился, откинулся навзничь, не открывая глаз, едва ворочая языком, произнес: «Сука... Пилять...». Мальчишка на мгновение замер, он покраснел, радости и след простыл. Он оглядел сарай и пошел. Перешагнув через лужу у порога, бесшумно прикрыв за собой щербатую скрипучую дверь.

Закир знал, что мать в это время в коровнике на работе, и в доме — никого. Поэтому он не стал заходить, а сразу направился в огород через внутреннюю калитку. Там в старом разбитом эмалированном тазу, наполненном холодной дождевой водой, он вымыл испачканные до колен ноги и всунул их одну за другой в прихваченные с собой галоши отца. Неожиданно Закир выпрямился и застыл, приятно удивившись, заметив в самом дальнем углу огорода копошащуюся в земле с картошкой мать. Он окликнул ее. Женщина остановилась, но потом продолжила свое занятие, не оборачиваясь. Тогда он громко позвал ее еще раз и сильно закашлялся:

— Маам!

Мать, продолжая швырять очищенные от земли клубни в ведро, сурово ответила:

— Нэрсэ синэ? (Чего тебе)?

— Я пришел.

— Ну и что? Тогда помоги мне!

Обходя торчащие из земляных комьев оголившиеся стволы картофельных кустов, Закир подобрал прут и стал хлестать им воздух вокруг себя. Он приблизился и остановился в полутора метрах от матери. Продолжая играть с видимым увлечением, мальчишка внимательно следил за всеми ее движениями.

— Хватит играть, помоги мне, Закир! — сказала она. Он заправил куртку в резинку штанов, подтянул рукава и, нагнувшись, стал собирать рассыпанный по земле картофель. Женщина выпрямилась и добавила:

— Не надо, это я сделаю сама. Ты возьми лопату и выкопай следующий куст.

Это была молодая светловолосая красивая женщина двадцати пяти лет. Лицо у нее было круглое и приятное, с пухлыми губами, глаза большие, темные и внимательные, особенно были выразительны за счет белого оттенка кожи.

Когда она выпрямилась и раскрыла свое лицо, Закир увидел размазанную по ее щекам грязь, а на одной — большой и неприятный синяк с кровоподтеком. Не произнося ни слова, он в несколько рывков вытянул воткнутую лопату из земли и начал сначала быстро, затем неистово орудовать ею, разбрасывая комья во все стороны.

— Остановись! Хватит, Закир! — прикрикнула на него мать. — Закир, сынок... — мальчишка остановился. — Закир! — под ее взглядом он выпрямился, у него покатались слезы. Жгучие и безостановочные слезы маленького мужчины, чувствующего свою беспомощность. Он уже давно стыдился их, они подкатывали всегда незаметно, а сейчас он их просто ненавидел. Молодая женщина подошла и присела рядом. Закир обнял ее своими ручонками с сжатými кулаками, а она стала целовать его мокрое лицо.

— Я убью его!

— Не говори так, сынок.

В самом центре глубокого небесного карьера, взрытого внутри бескрайних дождевых туч, что-то происходило. Словно сгусток света и тепла пытался прорваться сквозь натянутые ограждения воздушных масс. Неожиданно ему это удалось. И он шлепнулся на Землю, прямо в то место, где мать и сын высушивали друг другу слезы. Сначала он принял облик обычного сентябрьского зноя и солнечного пятна. Но ему показалось, что это мало кого впечатлило. И тогда он влетел в тело небесной птахи, которая на лету чиркнула своим крылом о мягкие волосы Закира. От внезапности оба, мать и сын, вскинули растерянные лица, но тут же зажмурились, так как птичий силуэт влетел и растворился в сиянии солнечного зева. Оба улыбнулись.

— Ты видел? — спросила мать легко и весело. — Видел?!

Словно на лице и не было следов физической расправы.

— Знаешь, кто это?! Это Бог Солнца приветствует тебя!

Он любил свою мать такой. Даже в самой непролазной тьме жестокой действительности она умудрялась увидеть чудо. Ему тоже захотелось ее порадовать.

— Марье Ивановне понравилась сказка, которую ты мне читала, и она поставила мне пять, — выпалил он скороговоркой, — не веришь? Показать дневник? — он широко улыбался, бескорыстно являя отсутствие двух передних зубов.

— Верю, сынок. Верю, дорогой. Сейчас пойдем домой, сварим картошку, поедим, и ты мне покажешь. Проголодался, наверное?

— Даа. Очень.

На круглом деревянном столе, стоявшем около окна посреди небольшой комнатки, на старой испещренной царапинами разделочной доске, расположилась кастрюля, укутанная полинявшим кухонным полотенцем. Рядом с ней стояли нарезанный на тарелке белый хлеб, чашка с каймаком, молоко в пиале, еще две уже были наполнены горячим чаем, а к ним и печенья с карамельными конфетами. Мать доставала половником из выдыхающей пар кастрюли куски вареной картошки, обсыпанной свежим укропом. Другим полотенцем Закир прогонял мух в форточку над цветущей геранью маленького окна, на котором была отодвинута белая накрахмаленная занавеска с выбитым на ней шитьем. Лицо свое Хасна уже умыла, волосы прибрала.

— Готово, — позвала она.

Мальчишка бросил свое бесполезное занятие, поскорее уселся за стол и потянулся к горке нарезанного хлеба, пахнущего кислыми свежими дрожжами. Стараясь не разрушить хлебную башню, он стал искать в ней горбушку. Она оказалась снизу. Мать улыбнулась и сказала:

— Сейчас помогу. Держи, вот твоя корка. Еще? Тогда сам намажь себе сметаны.

В доме было тепло. В ногах у Закира терлась полосатая кошка.

Вдруг дверь с силой распахнулась, ударившись о стену. Затрещали петли. На пороге, шатаясь, стоял отец, наклонившись сильно вперед, упираясь обеими руками о косяк. Его лицо раздулось. Тяжелые глаза провалились за набухшие веки. На нем висел скрученный и весь измазанный костюм, подчеркивающий его щуплость и низкорослость. Рубашка клоунами вывернулась из-под штанов и свисала. Темные волосы, облепленные соломой, торчали в разные стороны. Холодный сквозняк проник в дом и опутал ноги Хасны и Закира страхом.

— Пилять! Сюка! Эта ти миня лисом — в навос! — еле выговаривал он на ломаном русском языке. На весь дом действительно завоняло навозом. Мать медленно взяла со стола полотенце, вытерла руки и шагнула к окошку. Нагнувшись, она выглянула, и только хотела прикрыть его, как заметила сельского бродягу старика Ахмадуллу. Он проходил рядом с их домом в этот момент и смотрел прямо на нее. Хасна опустила глаза и поспешно задернула занавеску, она что-то обдумывала.

— Ты, сюка, ты будис мне отвесять?! Отвесяй! — муж пытался поднять ногу. Он с трудом фокусировал расплывающуюся в разные стороны окружающую его действительность.

— Закир, там идет дедушка Ахмадулла. Пойди, дай ему хлеба. На, вот эту половинку неразрезанную. Закир, слышишь?

Только сейчас мать заметила, что сын сидит под столом, спрятав голову руками. Он что-то буркнул.

— Закир! — крикнула на него мать.

— Не пойду! Не хочу! — произнес он, не поворачивая и не поднимая головы.

— Быстро иди! Я кому сказала! — затем, осадив гнев в своем голосе, склонившись над напуганным ребенком, она тихо произнесла: — В прошлый раз он спрашивал про тебя и хотел тебе что-то показать, сынок.

В прошлый раз они с матерью всю ночь провели в курятнике. Отец вернулся с работы пьяный. Он долго уговаривал, потом заставлял мать выпить. Она отказывалась, тогда он полез драться, и она заперла его в доме. Лишь позже спохватилась, что сами они остались без еды и постели во дворе. Идти по соседям? Этого мать не любила. Нашла какое-то старое тряпье, выложила из него постель на соломе в сарае. Утром он слышал, как она с кем-то тихо переговари-

вается. Солнечные лучи прорезали себе меж бревен щели и подглядывали сквозь них за спящим Закиром. Когда голоса утихли, мальчишка вышел во двор. Всюду ослепительно полыхало солнце. Мать уже что-то хлопотала во дворе, гремя тазами. Она на ходу поцеловала сына и сообщила, что к ним заходил Ахмадулла. Он выспрашивал у нее про Закира, как учится, помогает ли, и что отец, занимается ли его воспитанием. Она соврала, что у них все благополучно. Хороший человек старик Ахмадулла, на войне воевал. Но странно, что он всегда говорит по-русски, хотя сам татарин, как и они. Наверное, поэтому многие в деревне его сторонятся.

— Пилять! Ты зачем в навоз.. мина...? — на сей раз ему удалось перенести ногу через высокий порог. Он сразу же потянулся к жене с зажатым кулаком, но, как только он уперся на переброшенную и неустойчивую ногу, тут же рухнул как подбитый на заборе воробей и притих, словно только и мечтал об этом.

— Бегом! Закир, я кому сказала?! Быстро!

Мальчишка выполз из-под стола, мать всучила ему полбуханки. Обойдя распластанное тело отца, не сводя с него глаз, он нырнул в распахнутую дверь. Женщина присела на табурет, вспугнув спрятавшуюся под ней кошку, и выглянула в окно. В руках она нервно теребила полотенце. Погруженная в терзающее ее душу состояние, Хасна не замечала, как рвала полотно на мелкие кусочки. Она видела, как сын выскочил из калитки, как он хотел бежать, но не мог, потому что впопыхах напялил на себя тяжелые отцовские галоши. Еле волоча их за собой, застегивая курточку, он семенил в сторону удаляющегося к лесу старика. Хасна улыбнулась, глядя на своего сына, и тут неожиданно ощутила резкую боль в затылке. Окно. В нем запечатлелось проясняющееся на закате небо, улица, Закир. Оно затекло чем-то темным и теплым.

— Дедушка Ахмадулла! Дедушка Ахмадулла!

Старик, неспешно передвигая ногами, обернулся. Вдруг Закир, зацепившись о какую-то корягу, стремительно полетел вперед с вытянутыми руками. В них он держал хлеб. Сильно ударившись, мальчик застоялся. Ахмадулла быстро подскочил, помог подняться.

— Больно, — сжав зубы, произнес Закир, — очень больно, — он не плакал, он терпел.

— Вставай. Дай я тебе помогу. Давно я тебя не видел, сынок. Быстро растешь. Большим человеком будешь. Что это у тебя? Хлеб?

Закир молча кивнул.

— Эх, внучек, внучек! Что ж такое? Что же это делается-то на свете?! — Старик взял его на руки и обеспокоенно посмотрел в сторону дома, в окне которого только что видел лицо Хасны.

— Идти можешь? — обратился он к Закиру. — Нет? — Мальчишка сильно вскрикнул, как только старик попытался поставить его на ноги.

— Тогда посиди, — он прислонил его к лежащему неподалеку бревну, — а я быстро сбегая и сейчас вернусь. — Ахмадулла снял и постелил под него свою фуфайку.

— Скажи, пусть мама придет, — крикнул вслед ему Закир. Он видел, как удаляется Ахмадулла и думал, что со спины он похож на крепкого солдата, но не на старика. Только вся голова и борода седые.

Когда Ахмадулла вернулся, мальчишка был в бреду и звал отца.

На лицо что-то посыпалось. Закир поднялся на локоть и, стряхнув с лица песок и землю, открыл глаза. Комната пахла корнями и сосной, он лежал на небольшой возвышенности, устланной ветками и покрытой брезентом, укрыт пахнущим овчиной

тулупом. На табурете, который стоял в центре, светила керосинка, а за ней, где-то в углу, пробивался дневной яркий свет. Прохладно, но спокойно. На короткое время свет что-то заслонило, и он увидел, как в комнату вошел, пригнувшись, Ахмадулла.

— Доброе утро, батыр! Как себя чувствуешь? — голос его был бодрым и веселым. Закир улыбнулся.

— Хорошо, — слабо пролепетал он.

— Давай помогу тебе сесть.

— Я сам, — отрезал Закир.

— Сам?

— Да, сам. Я же сказал.

Он приподнялся на руках, но, когда попытался спустить на пол ноги, невольно вскрикнул. Потом все же сделал это самостоятельно. Левая нога была туго перевязана.

— Да!.. говорю же, большой человек из тебя вырастет, — старик начал греметь посудой в темном углу комнатки. Потом он забрал лампу к себе и заслонил ее, стало темно. — Ты, пока тут болел, какую-то сказку мне рассказывал.

— А где мама?

— Мама? Мама, сынок, в больнице, ее не скоро выпишут, она — в коме, без сознания, — помедлив, ответил Ахмадулла, не поворачиваясь к Закиру.

— А почему она в больнице? — голос Закира задрожал, тут же подкатили эти предательские слезы.

— Ну, слава Богу! Раз плачешь, значит живой и выздоравливаешь. Настоящий солдат должен уметь плакать... Ударилась она сильно, очень сильно. Пришлось вызвать скорую.

— А отец?

— Отца милиция забрала... Хотел я скрыть от тебя, да, думаю, не стоит.

Закир заплакал. Дед не стал подходить к нему, он отложил миску с едой и вышел из землянки.

— Она не ударилась, это он ее, — тихо произнес Закир, отвернувшись к стене.

— Зато — живая, — мысленно ответил старик, стоя снаружи у входа в землянку.

Скоро Закир крепко заснул. Проснулся он там же. Ахмадулла не спал, он ждал, когда Закир проснется, чтобы накормить его.

— Вставай, сынок, поешь, — он подал ему железную миску, в которой лежало что-то перетертое, похожее на смесь трав, и дал запить каким-то густым соком. — Съешь. Быстро поправишься. — Зеленая смесь была горькой и кислой. Во рту быстро набилась оскомины. — Сейчас картошку принесу. Я ее в костре для тебя приготовил. Пока старик бегал туда-сюда, мальчишка разглядывал землянку.

— Ты здесь живешь?

— Да, сынок.

— А почему у тебя нет дома, жены?

— Были когда-то. После войны поехал в Магнитогорск. Сначала учился, потом работал. Был инженером, строил самолеты. Женился. У меня двое сыновей. Они уже деды. Я, получается, уже прадед. Правда, правнуков своих не видел. Не пускают меня к ним. Один сын — директор завода, второй бизнесом занимается. Жена замуж вышла тоже за какого-то хорошего человека, — совсем тихо произнес Ахмадулла.

— А почему ты к сыну не поедешь? Зимой ведь здесь холодно.

— С зимним холодом можно договориться, а если в душе холод, с ним, сынок, не договоришься. Здесь мне нравится, у меня много друзей.

— А где они?

— А они? Так вот сразу тут стоят, как выйдешь. Одного зовут Дуб, другую — Береза.

Мальчишка расхохотался.

— О чем же с ними можно говорить?

— Обо всем. Но советую, прежде всего, научиться их слушать и слышать. И тогда они тебе расскажут и покажут много удивительного

Закир сел, потом сам встал на одну ногу. На вторую опереться еще побаивался. Ахмадулла, увидев это, воскликнул:

— Какой герой, отважный герой наш батыр. Я тебе вот костыль смастерил, чтобы ты мог пока опираться на него. На-ка, попоубуй!

С палкой и в самом деле стало удобнее. Мальчишка направился к выходу. Ахмадулла накинул на него тулуп, обул резиновые сапоги Закира, которые он прихватил с собой, когда для Хасны скорую вызывал. Глаза его вскоре привыкли к белому блеску дня, и вместе с Ахмадуллой они выползли на поверхность. Землянка оказалась внутри небольшого пригорка. Вокруг шумел еще не осыпавшийся, но уже посветлевший желтый лес. Они присели на деревянную скамейку возле берез, которую дед также смастерил когда-то. Отсюда, оказывается, хорошо была видна их деревня, которую Закир сразу же узнал.

— Вон моя школа! — обрадовался он, потом немного помолчав, добавил: — Я за сказку пятерку получил.

— Сказка? Какая? Твоя сказка? Как называется?

— Нет, не моя. Гадкий утенок. Мне мама ее читала.

— Гадкий утенок, говоришь? — Ахмадулла внимательно посмотрел на него, почесал свою длинную седую бороду. — Нет, не для тебя эта сказка, батыр. Я знаю сказку получше. Вот она точно тебе подойдет. Один в один, — говорил он, прищуриваясь, словно примеривая на Закира объем будущей истории.

— Как это «подойдет»?

— Да, вот так, подойдет, и все! Как галоши, в которых ты бежал за мной. Если они не твои, ты их хоть

как напаяливай, — они и не твои! Все равно будешь спотыкаться и падать. Или как близкие люди. Вроде и живут в одной семье, а не понимают друг друга. А есть те, которые берут себе чужую жизнь. И живут не так, как им хотелось бы, а как их хотят заставить другие. Понимаешь?

— Наверно, понимаю, — ответил задумчиво Закир. — А ты мне ее расскажешь?

— Сказку-то? Конечно, рассказать могу, давно хотел, вот прямо сейчас и расскажу. И если это твоя сказка, ты ее поймешь лучше всех.

Высоко над ними ветер шумел в ветвях березы. Тихо сыпались листья.

— В одном ауле жил добрый человек, — начал рассказывать Ахмадулла.

— А как его звали?

— Звали его Ильшат. Он любил людям помогать. Была у него красавица жена и маленький сынок.

— А как их звали?

— Сына звали Алим, а жену Рашида. Не перебивай. Трудился этот человек, любил семью и заботился о ней. Короче, был счастлив. Но однажды в аул, в котором они жили, пожаловала страшная колдунья старуха. Все, кого она касалась, тут же чернели и начинали медленно сохнуть. Они сохли, пока не умирали или не превращались в зверей. Человек был шофером. Ему нравилось помогать людям. Однажды друзья позвали его в гости. Среди гостей была та самая старуха. Когда гости стали расходиться, старуха попросила довести ее до дома. Человек согласился, хотя она ему сразу не понравилась, но он был добрый. Когда он довез ее, она предложила ему остаться с ней. Человек отказался. Он сказал, что дома его ждут жена и сын. Разгневанная старая ведьма взяла его руку в свою и произнесла страшное заклинание. С тех пор он не только стал чернеть и сохнуть, как

другие, которых она просто касалась, но начал ненавидеть свою жену и сына. А чтобы заглушить свою совесть, которая у него все же была, он стал пить вино. С тех пор он больше не заботился и не защищал ни сына, ни жену.

Маленький Алим очень любил своего отца. Он хотел ему помочь. Злая старуха знала, что чистая душа ребенка способна это сделать. Но чтобы этого не произошло, она решила заколдовать сына. Только ее прикосновения на него не действовали. Поэтому старуха стала приходить к мальчику по ночам после того, как заколдованный пьяный отец бил его и его мать. Она приходила к нему, гладила ласково по голове и шептала на ухо, что, чтобы помочь отцу, он должен его убить.

Однажды сын не выдержал, взял нож и пошел убивать отца. Он знал, по какой дороге отец возвращался обычно с работы. Он сел под деревом и стал ждать. Неожиданно ему захотелось спать, и он уснул, а пьяный отец прошел мимо. То же самое произошло и во второй, и в третий раз. Мальчик понял, что ему не следовало останавливаться возле того самого дерева. Но и другие деревья усыпляли его, и трава, и облака, — все они хотели помешать ему сделать это.

— Почему? — тихо спросил Закир. Старик очень внимательно посмотрел на него. Он увидел взгляд взрослого человека с тенью умысла. Закир опустил глаза.

— А об этом надо спросить у них, у деревьев. Я же говорил, что следует научиться слушать то, о чем они говорят нам. Дело в том, что они не только мешали ему совершить убийство, но они все время рассказывали, как победить старуху, потому что та начала уже заколдовывать мать мальчика, которая лежала при смерти больная. Но мальчик не слышал их... Вот ты, например, видишь вон тот холм, на котором береза

одинокая стоит, ровная, стройная такая? — Ахмадулла указал на дерево, росшее метрах в пятидесяти от них.

— Вижу.

— А теперь видишь под деревом, как мать — мышка прилизывает и своего маленького мышонка?

— Нет. Где?

— Да вот же! Смотри лучше. Прямо перед твоим носом.

Мальчик долго вглядывался в березу, стоявшую на указанном холме, но не видел мышей.

— Ну, тогда ты и Алпамышу не увидишь! Да, кстати, я забыл сказать, что хорошо бы не только уметь слышать и видеть то, чего многие не замечают, но еще и иметь ум и смекалку.

Что-то было в этом слове «Алпамыша», от чего сердце Закира сначала сжалось, а потом начало биться так сильно. Ахмадулла стал прохаживать вокруг скамьи.

— А кто это — Алпамыш?

— Алпамыша — это Великан двадцати метров, он лежит как раз в этих холмах уже много лет.

— Он умер? Его закопали?

— Нет, не умер. Он спит.

— А зачем спит он так долго? Он заболел?

— Он ждет.

— Чего?

Старик помолчал, достал с пояса флягу и, хлебнув из нее, протянул Закиру.

— Хочешь?

Закир помотал головой, ему не терпелось узнать больше о Великане Алпамыше.

— Чего он ждет?

— А вот чего! — произнес Ахмадулла, понизив голос, глядя прямо в глаза мальчишки, которые к тому времени уже вновь приобрели свое детское ясное

выражение. — Ждет он, когда родится его истинный потомок на этой Земле. Потомок Великанов. И он сможет передать ему свою силу, силу настоящего батыра, с помощью которой тот будет совершать подвиги во имя добра.

— А кто его потомок? А как его зовут? Я знаю его? Он живет здесь? — шепотом затараторил Закир.

— Э-э-э... Тормози, командир, так много сразу вопросов. Возможно, что ты его знаешь. Ему сейчас должно быть, — старик смаковал, — должно быть где-то около шести лет, если предсказатели не врут, у него светлые, как у тебя, глаза и волосы.

Мальчик сильно заволновался. Ему ведь тоже недавно исполнилось шесть. Волнение охватило его так крепко, что не в силах его унять он прижался плотнее к Ахмадулле, затем крепко обнял его.

— Ты, может быть, знаешь такого?

Закир уткнулся лицом в плечо старика и помотал отрицательно головой.

— Точно не знаешь?

— Я же сказал — нет! — проговорил он, не отнимая лица. Оба замолчали.

— А ты... хотел бы быть потомком Великана батыра Алпамыши? — вдруг старик задал Закиру вопрос.

— Да! — тут же шепотом выпалил он, подняв свое смущенное раскрасневшееся лицо.

Ахмадулла смотрел в чистые детские глаза Закира.

— Много лет тому назад на этой земле жили Великаны. Они жили очень достойно и очень честно. Самому молодому из них было 400 лет. Они очень любили свою землю и делали все, чтобы она становилась лучше. Кто-то растил деревья, сады, заботился о лесе. В благодарность деревья раскрывали ему свои секреты. Кто-то выращивал горы и скалы, чтобы можно было добывать в них полезные ископаемые. Он свободно говорил с камнями, так как понимал,

о чем они шепчутся непрерывно. Да, камни постоянно шепчутся. — Он нагнулся и поднял с земли булыжник средних размеров. Стал рассматривать его и вертеть в руках. — Если нам раньше казалось, что это самые молчаливые создания, то это обманчивое представление. Никогда нельзя сообщать своих секретов при камнях. Если найдется кто-то, кто их понимает, твоя тайна станет известна всем. — Старик отнес его подальше и, аккуратно положив под дерево, вернулся к Закиру. — Кто-то наводил порядок среди планет, как композитор наводит порядок в нотах, когда сочиняет новую мелодию. А кто-то, короче, ... всего не перечислишь. И чем больше любили они свое занятие, чем искуснее в нем становились, тем выше вырастали и дольше жили. Больше всех над собой они почитали Солнце. И за это оно наполняло их трудолюбием и радостью. Все они были мудры и счастливы, жили мирно.

Но однажды неведомая и страшная тень надолго скрыла от них Сияние их Божества. Великаны не знали, чем могут помочь, они не знали, как им жить без Солнца. Тогда они решили, что уснут вместе с Ним. И будут спать столько, сколько это необходимо, пока Солнце вновь не воссияет и лучами своими не изгонит тень с нашей земли.

— И они все уснули? А когда они проснутся?

— Они восстанут, когда на Земле в этом Мире родится тот, кто является их потомком, с кем они связаны родственной связью.

Закир надолго замолчал. Старик тоже, словно он терпеливо ждал, пока тот что-то решит для себя.

— Я не могу быть потомком Алпамыши, дедушка Ахмадулла, — неожиданно проговорил, выдыхая набранный воздух, Закир.

— Почему? — растерялся старик. — Не можешь или не хочешь?

— Не могу.

— Если я потомок, родня, значит, и отец мой — им тоже родня. — Закир сильно напрягся и покраснел, словно собирался сказать что-то, от чего зависела его жизнь. Наконец, он решился и закричал: — Но я знаю, что он — не батыр, он бьет маму. А я — родня своему отцу. Когда он не пьет, он любит нас с мамой. Но сейчас он пьет каждый день, и каждый день бьет маму! — голос Закира сорвался на фальцет. Он больше не сдерживал себя. Он соскочил было с места, но тут же сел обратно. Резкая боль пронзила его ступню. — И я не могу защитить ее! — его прорвало, он заревел. — И не смогу, пока не вырасту! А когда я вырасту, я все равно убью его!

Он был похож на маленького злобного волчонка, со слабыми лапами, но острыми, как иглы, зубами.

Ахмадулла ожидал что-то подобное. Лицо его побледнело, он как-то весь собрался и присел перед мальчишкой на корточках.

— Посмотри на себя, Закир. Только что ты напоминал мне Большого человека с большой душой, а теперь ты похож на маленького кровожадного зверя. Но ты не зверь... — Старик смотрел прямо на него. — Ты не Зверь, сынок! Запомни это! Ты человек!

Закир отвернулся, вытирая рукавом влагу на лице. Он бы убежал, да нога разнылась.

— Отец твой когда-то был добрым человеком. Иначе не родился бы у него такой отважный сын. Сейчас отец твой бродит по темному лесу. — После каждого предложения Ахмадулла молчал, давая возможность мальчишке переварить сказанное. — Если ты станешь гнать его и охотиться за ним, чтобы прикончить, — ты сам заблудишься. И на тебе скоро начнет расти шерсть, потом ты перестанешь понимать человеческий язык. А в тот момент, когда ты вонзишься ему в глотку и перегрызешь ему шею, ты

навсегда останешься з в е р е м! — Закир перестал реветь, он слушал.

— А еще ты сам же убьешь и свою мать, т ы, а не отец! Потому что она тоже войдет в этот темный лес, чтобы найти тебя. Но ей это не удастся. Так как ты будешь охвачен желанием отомстить. И не услышишь ее криков о помощи, когда она увязнет в каком-нибудь болоте и будет захлебываться. — Ахмадулла сказал ему, что хотел, тон его голоса стал ровным и доброжелательным, как обычно. — Я говорю о другой родственной связи. Родные души. Слышал такое? Великаны ищут родную им душу. И если это не ты, то это может быть кто-то другой. Ну, что ж... А теперь мне пора идти.

— Я знаю, ты идешь к Нему. Можно и я с тобой, посмотреть?

— Куда? На Алпамышу? Но ведь ты даже мышки не увидел у себя перед носом, — хитро прищурившись, произнес Ахмадулла.

— Ты сказал, что она вон под той березой, а она, смотри, как далеко.

— Нет, сынок. Учись слушать и слышать! Я же не говорил, под какой именно березой.

И тут только Закир заметил, что в метре от них стоит высокая крепкая береза, очень высокая. Настолько близко, что проще было ее не заметить. Под ней — небольшое углубление, прикрытое листьями, похожее на норку.

— А какой она высоты? — спросил Закир, запрокинув голову.

— Метров двадцать — двадцать пять, а что?

— Да так, ничего. Просто хочу посмотреть, какой он.

Ахмадулла отвел мальчика в землянку, помог снять сапоги, накормил оставшейся картошкой, дал кой-какие указания, а сам ушел.

Уже начало смеркаться. Закир лежал у подножия того самого холма с одинокой и стройной березой, на которую указал старик. Он прикладывал то и дело ухо к месту, расчищенному им предварительно от травы и колючей соломы. Он уже давно здесь находился, почти сразу, как старик ушел. Сам быстро поднялся, сам оделся, сам пришел с костылем. Он немного устал, ожидая чего-то. Чего? Может, после того, как он выговорился, душа его очистилась и освободилось в ней место. А мальчишке, как любому нормальному ребенку, не терпелось заполнить его чудом, чем-то неведомым. Тем более, что чудо это было так близко. Приложив в очередной раз ухо к земле, он больше не стал поднимать голову, чтобы оглядеться, не идет ли старик. Он просто подложил под нее рукав, перевернулся и лег на спину.

Размывы перистых облаков образовали причудливую форму над холмом. Закир занялся ее разглядыванием. Остальная половина неба была сумеречно-розовой, там село Солнце. И чем темнее становились сумерки, тем ярче сияло место заката. Оранжевый горизонт оттенял румянцем облачную роспись, под которой лежал далеко внизу мальчишка. Он долго пытался вспомнить, что же ему напоминают облака на небе, как внезапно, сразу после того, как он распознал в них огромное распростертое крыло, это крыло сделало взмах. Закир вскочил на ноги, забыв о больной ступне, и протер глаза. Потом он вновь закинул голову, присев коленями на тулуп, и стал всматриваться. Он видел, как небесный ветер шевелил оперенья крыла. Казалось, что второе простерлось где-то за куполом земного небосвода, в другом неведомом мире. Словно чудесная птица соединила своими крыльями параллельные миры, нечаянно проникнув одним из них в наше пространство. Маль-

чик продолжал смотреть. Птица вновь взмахнула. После этого сумерки стали темно-синими, без какой-либо примеси пурпура. Белизну облаков посеребрил божественный свет Луны. Облако-крыло растаяло, уступив дорогу приблизившимся звездам.

Утром Закир проснулся в землянке. Он был снова укрыт тулупом. Когда Закир приподнялся, то увидел, что старик, постелив себе что-то, спит на полу. Он вспомнил, какой необыкновенный вчера был день. Взмах огромного крыла и ветер от этого взмаха Закир чувствовал на своих щеках до сих пор.

Он еле дождался, пока проснется Ахмадулла, чтобы поскорее задать ему вопрос. Как только тот заворочался, Закир тут же спросил:

— Что это за птица гигантская?

Старик резко повернулся к нему:

— Где, какая птица?

— Вчера на небе я видел крыло гигантской птицы, но может, это случайно так получилось? Просто облака?

— Если ты хочешь стать настоящим батыром, — проговаривал старик, зевая и подтягиваясь, он был явно доволен чем-то, — то должен запомнить, что ничего случайно не происходит. А на счет птицы, — произнес Ахмадулла, раскинув руки на весь пол землянки, — ты меня приятно удивил. Неужели же видел? — тут он резко присел и обернулся на Закира.

— Да. Вернее, видел одно крыло. Видел, как оно мне помаhalo.

— Знаешь, а я думаю, что мы не будем тянуть кота за хвост и прямо сегодня пойдем повидаться со старым дружищей Алпамышой.

Закир от неожиданности ничего не мог выговорить. То он говорит, что Алпамыша — Великан двадцати метров, то он сообщает, что это его старый друг.

Ахмадулла, глядя на физиономию мальчишки, не выдержал и громко расхохотался. Закир сильно смутился. И когда старик успокоился, он его спросил:

— А ты его знаешь?

— Встречался пару раз. Да ты не переживай, я не храбрее тебя. В первый раз чуть в штаны не наделал, хотел бежать, да не смог от страха, — Ахмадулла замолчал и, немного подумав, спросил: — Ты сам-то готов с ним встретиться?

Закир смотрел на него, не мигая, потом, то ли тихо, то ли хрипло так ответил:

— Да.

— Ну, ты крепок, сынок! Я же говорил, что Большой человек из тебя растет. Зря я за тебя волновался. Считаю, что мышку с мышонком ты все же заметил.

Ахмадулла уже был возле выхода, как Закир вновь спросил его:

— Ты не сказал, что это за птица.

— Птица, как птица. Много у них такого, о чем мы и не знаем. Она всегда рядом с ним. Появляется чуть раньше, будто разведывая обстановку. Да, кстати, вчера я ездил в районную больницу, навестил твою мать. Она очнулась. Беспокоилась, где ты. Я сказал ей, что ты со мной, с тобой все в порядке.

До чего ж Закир обрадовался этому известию! Мама! Она поправляется. В радости встреча с Великаном становилась еще более желанной.

— Вечером все и произойдет, — добавил старик, глядя на его счастливую улыбку, выходя из землянки.

День был хороший, теплый, солнечный. Старик постелил на землю брезент, и Закир лег. Горы, заросшие лесными шевелюрами и бородами, были разукрашены во все оттенки желтого, красного, зеленого. Разноцветная листва щедро горстями была

рассыпана по всем кронам деревьев. Облака старались не уступать по живописности и тоже лепились в белоснежные стога. Река, не зная, чем удивить и обрадовать округу, решила отразить в себе все это великолепие, пряча за отражением свою задумчивость и глубину. Закир был охвачен ожиданием предстоящего. Но скоро его веки потяжелели и он уснул.

Проснулся он от того, что Ахмадулла тряс его за плечо. День и ночь встретились и смешались. Мир затопило в сумерках. Закир сообщил старику, что ему необходимо быстро оправиться по маленькому, и он, прихватив костыль, пошел в сторону темного леса. Выходя из кустов, поправляя штаны, он взглянул на небо. И тут он увидел, что чьи-то глаза из облаков внимательно наблюдают за всеми его движениями. Один глаз ему подмигнул. В облаках так же четко угадывался силуэт человеческой фигуры. Фигура эта стояла, твердо упираясь в небеса, закинув голову, разглядывая землю, расположившуюся под ним, и маленького мальчишку Закира, который в это время стоял как истукан и не шевелился. На мгновение ему показалось, что это он висит вниз головой, а тот, что напротив, сейчас протянет руку и снимет его как грушу или яблоко. Не сказать, что долго продолжались смотрины, шея сильно устала. Наверное, у обоих. Возможно, что облачный человек отозвался на мысли Закира. Внезапно он приблизил к земле свою голову, уперся ею и руками подтверже и, перекинув свои длиннющие ноги с небес на землю, сел рядом, поджав их под себя и тихонько раскачиваясь вперед и назад.

Они продолжали смотреть друг на друга. Теперь он не был выложен из облачных кудрей. Он выглядел четче, даже кожа его приобрела телесный оттенок, просто сохранила легкую сквозность и сияние. Рубашка и штаны на нем — тоже

прозрачные. После долгого молчания небесный человек неожиданно поднял руки и очень по-человечески зачесал, а затем и прибрал свои спадающие на лицо волосы. Закир увидел лицо юноши. Он улыбался ему. Закир немного расслабился и оглянулся по сторонам. Ахмадуллы нигде не было. Мальчишка сразу понял, кто перед ним, но не знал, что делать дальше.

— Для начала просто познакомимся. — Этот голос он услышал внутри себя. Великан смотрел прямо на него, не раскрывая рта. Несмотря на то, что он говорил по-русски, как и дедушка Ахмадулла, Закир отлично его понимал. — Как тебя звать?

— Закир, — выкрикнул мальчишка. Иначе он не знал, как еще можно разговаривать, не произнося слова ртом. К тому же боялся, что в силу своего малого роста обладает слабым голосом и Великан может его не расслышать.

— Меня зовут Алпамыша. Можешь не кричать, я слышу тебя хорошо. — Закир вновь почувствовал, как в голове отозвались мысли Великана.

— Я тебя знаю, — крикнул было мальчишка, но потом, вспомнив, о чем только что подумал Великан, громко зашептал: — мне дедушка Ахмадулла про тебя рассказывал.

— Ахмадулла? Знаю Ахмадуллу. Добрый Батыр. — Какое-то время Великан продолжал изучающе рассматривать Закира. Потом подумал: — Я давно не видел Землю. Хочу, чтоб мы вместе с тобой посмотрели на нее. Согласен?

Закир ненадолго задумался и посмотрел на небо. В последнее время это стало его любимым занятием. Там были звезды, очень близко, а над ними — то самое крыло.

— Да, — как-то неожиданно для себя тоже подумал в ответ Закир, крыло отозвалось взмахом

и ветром, поднявшим ворох листьев, а Алпамыша, также, не произнося ни слова, ответил ему:

— Отлично.

Вдруг Великан протянул к нему свои ладони.

— Залезай.

Закир залез к Великану в Ладонь, которую тот сразу же слегка загнул в виде лодочки. Там поместились бы еще пять таких мальчишек, как он. Сначала Закир потерял из виду Землю, но, выглянув за край своего «судна», увидел, что деревня осталась далеко внизу. Великан поднялся на ноги и перешагнул реку. Деревню перешагивать Великан не стал, аккуратно обошел ее, следом — горные вершины. Резко все перевернулось, это Алпамыша шагнул по ним в небо и стал идти по нему. Странное дело, находясь здесь в тумане розовых облаков, для Закира не казалось противоестественным то, что по небу можно ходить. Он чувствовал, что и сам способен это сделать. Земля висела над ними, а они шагали, разглядывая ее, и показывая пальцем. Во-он старик Ахмадулла. Он стоял возле своей землянки и махал им рукой. Закир тоже помахал.

— Надеюсь, что не заблужусь, — подумал Алпамыша и направился прямо к горизонту, туда, где намечалось рождение Солнца.

Вместе с Алпамышой они поднимались на самые высокие горы планеты. Оттуда Земля выглядела огромным, но беспомощным существом. Там, где невозможно было шагать, они летели. Да! Великан умел летать. Раз уж он умел ходить по небу, то летать, — раз плюнуть! Он даже пытался научить этому Закира. Это было легко. Нужно было всего лишь сделать глубокий вдох и подождать, пока воздух равномерно распределится по всему телу. Правда, этот процесс мог занять пару часов, во время которых запрещалось делать следующий вдох. И как

только легкость проникала во все клеточки, тело становилось послушным, и ты летел. Закиру удавалось подняться только на пару сантиметров, потом он обязательно падал.

— Тяжеловат, немного, — делал заключение двадцатиметровый Великан. Но, возможно, это случилось потому, что Закир все же дышал, не дожидаясь равномерного распределения воздуха по всем клеткам.

Передвигаясь различными способами, Алпамыша с Закиром пересекли много стран. Иногда они останавливались. И тогда Алпамыша спал, а Закир купался, ел фрукты с деревьев, набирал с собой в дорогу, если это была теплая страна, или прогуливался вокруг спящего Великана и разглядывал разных диких зверей, там, где климат был прохладнее. Он их не боялся и они его не трогали, так как видели, кто рядом с ним.

Путешественники наблюдали за разными людьми, мирно вершащими свои земные дела. Однажды они увидели, как люди убивали друг друга. Война, хоть она и происходила далеко, где-то там внизу, произвела на обоих сильное впечатление. Алпамыша ринулся, чтобы помочь какому-то солдату. Не успел он долететь до земли, как кусок разорвавшегося снаряда задел его ногу. Алпамыша резко схватился за нее. Они начали падать стремительно вниз. Великан быстро перевернулся и встал на другую, нераненую, чтобы доковылять по небу до ближайшего леса. Для воюющих людей на земле Алпамыша и мальчик представлялись в виде причудливых облаков. Но когда они кубарем покатались с небес, на какое-то время военные действия приостановились, так как все стали свидетелями того, как с неба падал Великан, который бережно держал в руках испуганного ребенка. Очень быстро видение исчезло, но сражение тут же прекрати-

лось. Обе стороны восприняли это явление как знак свыше. Несколько дней Великан и Закир прятались, ждали, пока заживет рана. А когда снова взлетели, то, чуть завидев издали признаки боев, уже обходили те места.

Закиру очень запомнилось море и океан. Алпамыша летел почти над самой поверхностью воды, когда стаи веселых дельфинов неслись рядом. Брызги от их прыжков в воду сыпались на путешественников со всех сторон. Казалось, что и они ныряют вместе с дельфинами. Однажды после сильного шторма прямо под ними голодная акула настигла старого тюленя. Большое кровавое пятно расплзлось по поверхности океана. Она разрывала его на куски. Тогда Закир понял, о чем еще не договорил старик. Став зверем, Закир никогда не смог бы найти своего лучшего друга — Великана Алпамышу, узнать Землю. Ему пришлось бы прятаться в самых темных глубинах и углах бездонного океана и нескончаемого леса. А главное, он был бы совсем один. Один-одинешенек. Всегда. Потому что все боялись бы его.

Мама. Как здорово, если б она была сейчас рядом с ним. Ему не терпелось поскорее увидеть ее и все рассказать. Он часто стал скучать и вспоминать о ней. Наверное, Алпамыша услышал его мысли и очень скоро Закир узнал приближающиеся родные Уральские горы. На них уже лежал снег.

Они как раз пролетали над домом Закира, когда подъехала машина фельдшера и из нее вышла Хасна. Мальчишка не в состоянии был терпеть и завопил:

— Мама! Мамочка!

Женщина подняла свое бледное лицо и взглянула на небо, сильный порывистый ветер растрепал ей волосы из-под платка.

— Закир?

Но ничего, кроме проплывающих мимо облаков, она не увидела.

Женщина вошла во двор, потом в дом. Тут же в доме загорелся свет. Через несколько минут неподалеку над пустым прозрачным лесом, притаившись в облаках, Алпамыша и Закир прощались друг с другом.

— Я соскучился по маме.

— Да, я знаю.

— Ты придешь ко мне еще?

— Всегда. Всегда буду рядом, ведь ты мне родная душа.

Тут Закир неожиданно что-то вспомнил и огляделся по сторонам. Вокруг них по горизонту стояли Великаны. Мужчины, женщины, их дети и их родители, в белых длинных сияющих одеждах. Их было много, все они улыбались Закиру.

— Они пробудились?

— Сам видишь. Я тоже по своим соскучился. Столько веков не видеться! — помолчав, добавил: — Мы всегда рядом. Самое главное, ты ничего не бойся!

С этими словами Алпамыша стал переворачиваться, чтобы спуститься на землю. Он раскрыл ладони и выпустил Закира, а сам вновь поднялся и направился в глубь небес. Закир наблюдал, как Великан становится для него невидимым. Лишь некоторые линии вверху повторяли либо черты его лица, либо силуэт его тела, но от ветра вскоре и они все смешались.

Когда отец вернулся, Закиру исполнилось десять лет. Напившись, он вновь полез на мать с кулаками. Закир больше не прятался. Неизвестно, что он ему сказал, мальчишка говорил тихо, но отец их больше не беспокоил. **УС**

След ушедшего в сон

После недели блуждания по непролазным лесам и топям я почувствовал, что снова могу видеть людей. Вымотав себя до изнеможения, скормив свою кровь комарам и гнусу, выкричав вонючим болотам и больным деревьям свою боль, смог смотреть вокруг, не шурясь и не гримасничая.

Осторожно и с опаской вышел на околицу ближайшей деревни определить, насколько надежно зарубцевались «уколы, укусы и ушибы», обретенные в общении с миром.

Первым, кого я встретил, оказался флегматичный крестьянин, ведший под уздцы лошаденку, везущую сена воз. Коса, вилы, высокие резиновые сапоги, шляпа. На мое приветствие и просьбу о ночлеге он ответил просьбой закурить. Затянувшись и осмотрев меня с головы до ног, покачал головой.

— Эка тебя!

Я действительно выглядел плохо.

— Турист?

В его голосе было сомнение.

— Турист! — подтвердил я.

Помолчали.

— От жизни бегаешь?

Как было не согласиться?

— Иногда бывает.

— Горожанин?

Я кивнул.

— Все вы там головой вниз ходите. И не по земле, а по асфальту.

Мы снова помолчали, глубоко затягиваясь и отгоняя комаров. Я не ощущал ни тревоги, ни обычного в последние месяцы раздражения. Я мог спокойно

Олег Дюков

Родился 18 марта 1960 года в городе Доброполье Сталинской (Донецкой) области в семье шахтера. По окончании Харьковского государственного университета работал геологом в Якутии. Позже работал мастером по изоляции газопроводов (Сургут, Винница). Ныне живет и работает в Харьковской области. Зам. начальника геологической службы газопромислового управления «Шебелинкагаздобыча». Увлечения: альпинизм (Кавказ, Памир, Крым), горный туризм, дайвинг.

Впервые опубликовался в 2007 году в журнале «Порог».

без суеты и беспокойства стоять на проселочной дороге и беседовать с незнакомцем. И не думать ни о работе, ни о семье, ни о политике. Я мог слушать, говорить, спрашивать и отвечать. Это так хорошо.

Мой собеседник вышел из задумчивости, бросил в грязь окурок и глянул на меня опять.

— К нам в деревню тебе не нужно. Ваши городские опять придумали какую-то эпизоотию. В деревне карантин. Скотину бьют, людей колот. Ступай в ту сторону по дороге, через версту на перехрестье сверни направо. Через восемь верст будет хутор старой Иевы. У нее можно будет остановиться.

Мужчина, не прощаясь, обернулся, потянул лошадь и зашагал прочь, под чавканье сапог и скрип колес.

Спустя пару часов лес стал суше, лиственные породы сменились ельником. Глина под ногами сменилась песком. Потом пошли сосны. Стало светлее. Едва заметная дорога походила на звериную тропу.

Хутор обнаружился на большом открытом пространстве. Вернее, это были руины хутора. Около пяти далеко разбросанных друг от друга останков дворов. Печи, стены, погреба в густых зарослях бузины, ежевики, лебеды. Только один двор был жилым. Небольшая хатка, сарай, огород. Забора не было. Посреди просторного выкошенного двора вкопан бетонный столб без признаков электрической проводки.

Я заглянул в окно, постучал. Обошел дом и столкнулся с хозяйкой.

— О! — радостно воскликнула она. — Мужчина!

Она рассмеялась, а я потерял дар речи. Женщина была явно преклонных лет. Но ее синие глаза не позволяли оторвать взгляда. Я все же постарался вынырнуть из этих омутов и осмотреть ее. Черный в красные цветы платок, повязанный под подбородком. Из-под старой выцветшей телогрейки серая юбка с передником и вырезанные из валенок войлочные ботинки. В ее руках были странного вида горелые тряпки. И пахло горелым.

— Знала бы, что придешь — нарядилась бы. Что смотришь? Испугался?

Не испугался. Но был несколько удивлен человеку, так отреагировавшему на неожиданное появление незнакомца.

— Да ты не бойся! Я обыкновенная ведьма.

Она улыбнулась, блеснув ровными белыми зубами.

— Спички есть?

Я, наконец, опомнился.

— Есть.

— Пошли, поможешь. Бросай свой баул. Тут его никто не украдет.

Я снял рюкзак и пошел следом.

— Вы Иева?

— Она самая! А кто тебя ко мне направил?

Мы прошли ухоженные огороды и начали подниматься по склону. Прошли кладбище и остановились у странного каменного сооружения. Две толстые бетонные плиты представляли собой стены высотой два с половиной метра. На них крышей лежала такая же плита. Порог перед этой постройкой сложен из камня, а внутри посередине мнимого помещения отверстие в полу. Первый момент я подумал, что это туалет. Тем более что запах был соответствующий.

Иева обошла отверстие в полу и присела над ним.

— Доставай спички. Зажигай.

Я почувствовал себя участником спектакля в доме сумасшедших.

— И что будет? — спросил я.

— Должно гореть.

Я чиркнул спичкой, полыхнуло, раздался хлопок. Я подскочил. Иева рассмеялась.

— Не бойся. Это горючий газ скопился. Еще разок.

Уже с опаской я зажег вторую спичку и поднес к отверстию. Загорелось. Мы выпрямились. Пламя трепетало, меняясь в размерах. Несколько раз пыхнуло, начало гаснуть, но разгорелось снова.

Иева вздохнула и сказала:

— Вот и «вечный огонь» догорает. Ничто не вечно.

Мы пошли обратно к избушке.

Иева была расстроена, да и я лишний раз не хотел открывать рта.

В избе было тепло, сухо и пахло травами.

— Чего пришел-то? — спросила хозяйка, усадив меня на скамью и усевшись напротив.

— Переночевать.

— А! Так ночуй! Вот твоя скамья. Вот коврик укрыться. Простыней нет.

— Спасибо.

Я описал мужчину, который меня направил сюда.

— Николас!

Женщина улыбнулась.

— Змей старый. Всю жизнь козни строит.

Она достала хлеб, кринку с молоком.

— Позже сварю картоху, а сейчас перекуси.

— Он сказал, что у них в деревне эпизоотия, — произнес я с набитым ртом.

Иева рассмеялась.

— Грамотный! «Эпизоотия». Как же, в университете учился. Хм! «Эпизоотия». Это ты ему не понравился.

— Чем?

— Да чем? Внешним видом. Встречают-то по одежке. Ты будто неделю в болоте спал.

— Так оно и есть.

— А чего ж ты?

— Да бывает у меня. Как жизнь сильно придавит, как станет все... Хоть кричи... Ухожу по лесу побродить. Чтоб глупостей не наделать. Людей не обидеть.

— Мудро! — согласилась Иева. — Природа отвлекает. Одиночество успокаивает. А время лечит.

— А что за «вечный огонь» у вас? Как в Москве.

Иева достала чугунок и начала чистить картошку.

— Это в Москве, как у меня. У меня Вечный Огонь раньше ихнего появился.

— Что вы говорите?

Я воскликнул не для поддержания эмоционального контакта. Я действительно поверил. Кладбище, древние плиты, вросшие в землю. Глубинка, в которую еще не провели электричество.

Иева посветила на меня синим взглядом.

— Поверил?

Она ловко орудовала ножом.

— И я тебе верю. У тебя взгляд без мусора. Такой взгляд бывает у людей, прошедших через боль.

— Когда русские погнали немцев, я осталась совсем одна. Мне было шестнадцать годков. Отца убили немцы за помощь партизанам, сестры и брат умерли от голода и болезни, мать подорвалась на mine в лесу.

Их могилы и могилы жителей хутора, расстрелянных русскими энкаведистами, ты видел. Тогда я и осталась одна. Кругом лес, трупы.

И забрел ко мне Он. Худой, как ты, и с глазами, как у тебя, опаленными болью. Максимкой звать. И возрастом с тебя.

Форма военная, знаки отличия сорваны. Я его накормила, позволила в углу спать и ничего не спрашивала. Может, дезертир, может, из плена бежал. Что то, что другое — одинаково «враг народа». Чего спрашивать?

Пожил он месяц-другой. Глазки раскрыл. Начал окружающим интересоваться. Любопытствовать.

— Что ты, — говорит, — костер круглые сутки у кладбища не гасишь?

— В память об умерших, — говорю, — боль свою сжигаю.

Походил он молча еще недельку по окрестностям и затеял такое, что я и горевать вроде перестала.

Иева развела огонь в печи и, позвеневав кольцами, поставила котелок с картошкой.

— Там слева от могил шагов двести был немецкий бункер. Глубокий. Русские его первым делом взорвали. Получилась огромная ямища. Вот с нее Максимка и начал. Три месяца, рук не покладая, трудился. Утром поест каши из опилок, затянет ремень и за работу. Натаскал сто повозок глины, закидал яму падалью и навозом. Навоз возил от ферм, а мертвых коров, коз и лошадей после прохождения фронта было вокруг видимо-невидимо. Их морозом прихватило, и лежат не пахнут. Волки уж тогда от пуза наелись. Да и не только конины.

Заодно Максимка мой и людей собирал и на моем кладбище хоронил. Я поначалу взбунтовалась. Ни красные, ни фашисты мне здесь не нужны. Убийцам не место около жертв. Но Максимка меня тогда сильно одернул.

— Все они люди. Всех их война погубила. И у тех дома матери плачут, и у других.

Не сразу, но смирилась я.

Закидал он навоз в яму, песком засыпал, порошком каким-то, на dust похожим, глиной пересыпал, трубы из немецкого бункера приспособил и протянул их к могилам.

Иева достала масло, посолила картошку.

— А вскоре загорелся огонь над могилами. Негасимый Огонь.

— И что? Вот это он горит уже пятьдесят лет?

Чудо-чудное. Кому сказать, не поверят. Искусственное газовое месторождение.

— Пятьдесят или чуть больше. Да видишь, гаснуть начал. Хожу с горячей ветошью, разжигаю. Сегодня, если б не ты, наверное, не зажгла бы.

— У вас спичек нет?

— Откуда? И зачем? У меня жизнь спокойная, дров вокруг много, угли в печи не гаснут.

Отужинав картошечкой с маслом и грибами, я упал на лавку, подстелил под голову свернутую шапку и уснул. По сравнению с предыдущими ночами, проведенными под комариный звон и уханье сов, это был комфортный «люкс».

Утром я проснулся полный сил и любопытства. Позвонев умывальником и наскоро умывшись, вышел на улицу. Поздоровался с Иевой. Женщина полола и окучивала картофель.

— Можно я рассмотрю ваш «вечный огонь»?

— Можно даже починить его, — не прекращая работы, ответила она.

Я постоял, размышляя, не предложить ли ей помочь по хозяйству.

— Ступай, ступай. Прополка не мужское дело. Я с нею семьдесят лет управляюсь сама.

— Вы правда ведьма? Мысли читаете.

— Нет. Это я пошутила. А мысли читать и ты с возрастом научишься. Особенно незамысловатые мысли.

Она рассмеялась своему каламбуру.

Я внимательно рассмотрел кладбище, мегалитическую постройку с «негасимым огнем», прошел шагов двести на юг и отыскал ржавое железное «колесо» простенькой полметра высотой запорной арматуры. Ржавый водяной полутораддоймовый вентиль не трогали, наверное, с самой войны. Вся конструкция выглядела будто оплавленная и отшелушивалась при прикосновении толстыми кусками. Будто кора дерева. Сильно пахло сероводородом. Я прошел обратно от скважины к факелу, пытаюсь определить, где здесь пролегает труба шлейфа, и отмечая местами тот же неприятный запах.

Трубу придется выкапывать и латать. Работы много, но у меня отпуск и я не тороплюсь.

За завтраком я сказал Иеве о своих соображениях и спросил, можно ли остаться у нее дольше.

— Конечно, оставайся. Хоть насовсем. А трубу мы попробуем рассмотреть не выкапывая. Тебе же нужно узнать, где в ней дырки?

После завтрака Иева разгромила свой чулан в сенцах и вынесла позеленевший медный таз. Она вручила его мне, сама взяла ведро, и мы отправились на источник в низине за домом. Проходя мимо пасущейся пестрой коровы, Иева нежно погладила ей бок.

— Говоришь, Николас уже сено заготавливает? — обратилась она ко мне. — После праздника и я займусь.

Вода в источнике была чистая и холодная. Она выбивалась между покрытых мхом каменных глыб и собиралась в большой каменной ванне.

— Славный у вас родничок.

Иева зачерпнула воды и дала мне нести ведро.

— Это Максим сделал. Вода здесь глубоко. Немцы для снабжения бункера делали скважину и насос спускали. Отец мой, тот колодец копал. Вон его остатки. А Максим походил с тазиком по окрестностям и выбрал это место. Потом принес и сложил камни, и пошла вода.

Я зацепился, было, за фразу «походил с тазиком», но нут же забыл ее.

— Как это «сложил камни»? В них же не меньше тонны в каждом.

Женщина вздохнула, задумчиво глядя в даль. Кивнула своим мыслям.

— А в тех плитах над Огнем Памяти и того больше. А ведь он сам их принес от бункера и поставил.

— Как?

Я невольно представил легендарного богатыря Максимку, несущего на спине трехтонный блок.

— Не знаю.

Иева посмотрела мне в глаза.

— Правда, не знаю. Он их таскал ночами.

— Здоровяк?

— Где там! Он ниже тебя ростом. И худой, что скелет. Но он был умный.

Мы снова прошли мимо коровы и направились к скважине. Здесь Иева взяла у меня и отставила ведро с водой. Потом она взяла таз и велела мне держать его перед собой. Таз как таз. Тяжеловат, но держать удобно. Только снизу на днище зачем-то напаяны переплетающиеся медные трубки от бензопровода.

Иева аккуратно налила в таз воду и снова отставила ведро.

— Теперь нужно подождать. Мне его Максимка смастерил, чтобы я на мину в лесу не наступила. Знаешь, сколько мин немцы в лесу наставили? Вокруг бункера особенно. Не по дрова, не по грибы,

не по ягоды пойти. Мама пошла и взорвалась. Но собирать с тазом в руках дрова — морока. После ухода Максима я неделю потратила — отыскала все мины и пометила вешками. А потом вызвала красноармейцев из деревни, и они их обезвредили.

Иева подняла синие глаза к небу.

— Один из них так ухаживал за мною... Василий. Все на сеновал тащил. Да зачем он мне после Максимки?

«Хоть глазком бы взглянуть на этого супергероя Максимку», — подумал я, но вежливо промолчал.

И тут вода в тазу забурлила. Я от неожиданности подпрыгнул и едва не выронил таз. Потом бурление прекратилось, и я увидел проходящую под землей трубу газопровода. Это было восхитительно. Сильно корродированная водопроводная труба была заполнена наполовину жидкостью. Из больших и малых отверстий в песок уходил газ и по проложенным годами ходам поднимался на поверхность. Я понимал, что под землей темно и видеть трубу даже с помощью чуда я не должен. Тем более, видеть одновременно и изнутри, и снаружи. Я немного опустил таз и увидел более глубокие прослой глины, корни деревьев, включения каких-то минералов. Опустил ниже...

— Я тебе подарю этот таз, — сказала Иева, — у тебя будет время наиграться.

Вся труба от скважины до факела оказалась изъеденной коррозией. Латать бесполезно. Нужно менять.

Вечером Иева дала мне оставшиеся после Максима чертежи строительства газовой залежи и скважины. Я рассматривал рисунки карандашом на пожелтевшем и ломком листочке из тетради, пытался расшифровать сокращения и понять принцип работы. Я не мог поверить тому, что гниение десяти коров и нескольких тонн навоза пятьдесят лет продолжало давать метан. Какое-то время это возможно. Но пятьдесят лет... Этим

местам свойственны скопления болотных газов. Может, это они мигрируют и накапливаются в сделанной Максимом искусственной ловушке?

— У вашего Максима фамилия случайно не Эдисон? — спросил я взбивающую тесто Иеву.

— Я его знала под другой фамилией, — ответила запыхавшаяся женщина. — А как оно на самом деле? Кто знает.

Моего юмора она не оценила.

Утром я отправился в деревню, а оттуда на попутке добрался в райцентр. Здесь в магазине я нашел нужные мне трубы, газовые вентиля и фитинги для ремонта скважины. Запасся я и инструментом для резки пластиковых труб, нарезки и уплотнения резьбы. Купил сахара, соли, спичек, туалетной бумаги и прочей хозяйственной мелочи. Водитель грузовика почти даром доставил меня и мои покупки к дому Иевы. Были сумерки, когда я выгрузился и вошел в дом.

На следующий день моросил дождь. Я накрылся целлофановой накидкой и приступил к работе. Копать траншею в песке вроде не трудно. Но сто пятьдесят метров длиной и в метр глубиной, это и в песке много. Ко второй половине дня я прокопал лишь треть и почувствовал, что больше не могу. Комары загрызли, водянки на руках полопались, я обессилел. Нарушая все требования безопасности, я сидел возле скважины и курил, когда увидел знакомого крестьянина в повозке, погоняющего гнедую лошадку. Николас — вспомнил я. Он подъехал к избе, обнялся с Иевой, поговорил о чем-то с ней и начал выгружать мешки, сумки, бочки и ведра. Потом они разнесли, что в избу, что в погреб. Я был без сил и помогать им не пошел.

Николас, закончив с выгрузкой, пошел ко мне.

— Здорово, турист! — протянул он руку. — Дай закуришь.

Он осмотрел меня и мою траншею. Прошелся к скважине и «вечному огню».

— Дай-ка лопату, горожанин! И ступай в избу — не мешай!

В избе я ополоснул горящие ладони, упал на скамью и унул.

Разбудило меня насмешливое бурчание Николаса.

— Прижился у тебя турист, Иева. Гляди, и свадебку сыграете.

— Не болтай! — ответила женщина. — Типун на языке выскочит.

— Все, все! Забыл, что с ведьмой дело имею. Поеду я. Поздно уже. Третьего дня привезу остальное и посмотрю, как дело движется.

Он встал.

— Эй, турист! Бывай! Не нарушай правила безопасности в газовой промышленности.

И уже с порога, подмигнув:

— Предохраняйтесь!

Брошенный Иевой войлочный ботинок ударил в закрытую дверь.

Оказалось, что Николас докопал траншею, значительно облегчив мою задачу и ускорив ремонт.

Два дня я монтировал трубы газопровода. Поднял и заменил трубы и фильтры, находящиеся в скважине. Заменил запорную арматуру. Газом надыхался до одури. Но на третий день запустил систему и зажег огонь памяти. Он горел ровно и мощно. Так, видимо, и задумал Максим.

Иева расцеловала меня и ввела в краску, сказав:

— Какой ты молодец! Если б у меня было что, я б тебе дала.

Рассмеялась над моим смущением и пошла доить корову.

Вторую половину дня я бродил по лесу с тазом в руках и саперной лопаткой на поясе, разыскивая

и откапывая разный военный хлам. Гранаты, пистолет, немецкий крест, эссовский значок. Своими находками я захотел похвастаться Иеве.

Возле избы стояла запряженная в бричку знакомая лошадка. Во дворе выставлено несколько привезенных столов и лавок.

Я переступил порог и увидел рассевшегося на моей спальной скамье Николаса.

— Здравствуйте!

В ответ на мое приветствие старик заворчал.

— Настоящий горожанин. Без головы. Ну, кто, кроме горожанина, притащит в избу эту мерзость? Ты что, взорвать нас хочешь?

— Замолчи! — заступилась за меня Иева, и ко мне: — Клади на стол, посмотрим, что ты там нашел.

— У-у! — поднялся Николас. — Далекое у вас зашло!

И на гневный взгляд Иевы:

— Ну-ну! Поеду я. До завтра.

Иева коротко рассказала мне о каждой принесенной вещи.

— Это немецкая граната. Видишь, чека отвалилась? Может взорваться. Это советский пистолет. Но не армейский. Такими вооружали специальные отряды НКВД. Ты где его нашел?

Я объяснил.

— Понятно. Там их отряд на минах подорвался. Двое погибли, одного покалечило. Трое уцелевших унесли раненого. Максим убитых похоронил. Там есть могила со звездочкой. Документов при них не было, поэтому безымянные солдаты. Их имена мы узнали позже.

— Это железный крест. Такой здесь носил только один немец. Он приходил к моей сестре. Высокий, крепкий. А однажды, когда он был у нас, к хутору вышли несколько партизан. Наш отец начал им подавать знак, что бы уходили. Немцы это заметили, и наш «зятек» зарубил папу саблей.

Мы помолчали. Настроение было скверное.

— Возьми все это и осторожно вынеси прочь. Там возле дороги брошенный двор. Скинь все в погреб. И возвращайся скорее! Есть серьезное занятие.

Когда я вернулся, то обнаружил, что Иева протирает от пыли старую бутылку.

— Максимка мне лампу сделал. Говорил, будет светить вечно. Как «тот огонь» у могил. И свет этот, говорил, будет очень полезным для здоровья. Может, и правда полезный? Мне уж под восемьдесят, а топор и косу держу крепко. Почти не болею. Да вот беда: лет двадцать тому назад приехали в деревню умники из города и ко мне забрели. Студенты. С гитарой. И один сильно моим светильником заинтересовался. Расспрашивал, расспрашивал. Не поверил, начал землю у избы рыть. Кабель подземный искал. Да что-то и перерубил. Какую-то Максимкину деталь. С тех пор не светит. И лампу увез, говорит, в институте покажу. Хорошо, что мне Максим запасную сделал. Разберись, будь добр. Завтра праздник. Люди съедутся. Хорошо бы со светом быть.

— Что за праздник? — спросил я, рассматривая «лампу». Бутылка белого стекла. Не знаю из-под чего. Видно, что старая. Внутри будто молоком заполнена. Но легкая. Из залитой воском пробки выглядывают три контакта, сделанные из медных трубок (Похоже, много подбитой техники выпотрошил Максим для своих поделок). Одна трубка круглого сечения, вторая склепана квадратом, третья — треугольником.

— Праздник поминовения. Из сел люди приедут к Вечному Огню.

— И куда это подсоединяется? — я уже думал о своем.

— Пошли, покажу.

Во дворе стоял двухметровый бетонный столб. До сих пор я не понимал его назначения.

— Вон видишь на столбе гнездо под лампу?

Я забрался на привезенную Николасом лавку и вставил лампу в гнездо. Ничего не случилось.

— Что в ней внутри? — спросил я, передавая лампу Иеве и спрыгивая со скамейки.

— Максимка туда дым какой-то напустил.

Я потряс головой. Ну и Максимка!

Принес таз, уже привычно наполнил его водой и, когда появилась видимость, начал рассматривать сквозь землю идущие от столба провода. Первый вывел меня со двора в пойму источника и, нырнув в глубину, оказался прикрученным к глубоко закопанному крупнокалиберному миномету.

Я вернулся и пошел за вторым. Этот оказался перерубленным. Я отметил место нарушения и прошел дальше. Он уходил за огороды и нырял к закопанной металлической пластине. Трудно определить «тазо-метром», но, по-моему, она была свинцовой.

Я не стал тратить время и идти за третьим проводом, уходящим к песчаному склону. Раскопал место порыва, соединил медной трубкой из Максова хозяйства. Трубку заклепал молотком.

Забрался на скамью, взял лампу-бутылку, потер контакты и вставил в гнездо. Лампа ярко засветилась. Меня заела непонятность и ненаучность происходящего. Я снова выдернул лампу, отдал ее довольной, сверкающей синими глазками Иеве и решительно коснулся тыльной стороной указательного пальца одного, второго и третьего контактов гнезда. Потом всех трех одновременно. Тока в них не было. Точнее, это был не электрический ток.

Счастливая Иева достала из запасов, привезенных Николасом, бутылку самогона, принесла огурцы, капусту, варенную днем картошку и разложила все это на столе под лампой.

Пели птицы, гудели комары, вокруг лампы вились бабочки. А мы ужинали.

Наш ужин затянулся допоздна. Выпив самогона, я разговорился и рассказал Иеве о своей работе, семье и мечтах. Потом начал приставать к ней с вопросами. Почему не вышла замуж? Есть ли где родственники?

Иева охотно отвечала.

— Во-первых, выйти замуж после войны — редкая удача. Женщин много — мужчин мало.

Во-вторых, мне и незачем было замуж.

— Ну, как незачем? — пьяно умничал я. — А одиночество? Ты же живой человек. Женщина.

Я замолчал, встретив внимательный синий взгляд.

— А расскажу я тебе все, — решила Иева. — Ты на него похож. Будто он. Да и умирать мне скоро. Чего стыдиться на краю могилы?

Я насторожился и протрезвел. Сейчас эта женщина спяну что-нибудь выболтает, а завтра будет готова меня убить.

— У тебя был фонарик. Неси его!

Я сходил в избу за фонариком. Заодно умылся.

— Пошли. Знаешь, ведь народ вокруг ничего обо мне не знает. Никто не знает о моей жизни с Максимом. И вообще, Максима ни для кого не было. Но люди заезжают, забредают, видят Негасимый Огонь в каменных стенах, Каменную Ванну у источника, Вечный Светильник. И это там, где электричества сроду не было. Кто-то слышал, как я показала солдатам все мины в лесу. Об этом помнят и говорят. Видят, что я в преклонных годах остаюсь при своих зубах и глазах. И называют меня ведьмой. Но...

Иева остановилась.

— О чем это я? Тьфу! Напилась старуха. Ага. Ты вот сказал об одиночестве и человеческих потребностях. Одиночества я не чувствую. Правда! Вон, в какой я компании.

Она махнула рукой в сторону кладбища.

— Там и мама, и папа, и Ганс, который зарубил папу, и советский солдат, убивший Ганса. И сестра, любившая Ганса и умершая после того, как он убил отца... Ты мне скажи, какое тут может быть одиночество? Я в лес ухожу от них подальше, когда хочу одиночества.

Иева остановилась, взяла у меня фонарь, осветила.

— Заплутали... Вон туда надо.

Мы прошли по молодому ельнику и остановились у непонятого сооружения из камня, накрытого полиэтиленовой пленкой. Кресло? Иева сорвала полиэтилен. Точно. Высокое каменное кресло с подлокотниками.

— Знаешь, когда Максимка ко мне забрел, мне было шестнадцать лет. Здоровая, молодая. Любви хочется! Пожил он у меня два месяца, и начала я к нему приставать. То в сено, то в кровать тащу. А он слабеньким оказался. Может, вообще такой, может, после пережитого на войне. Только два раза мы попробовали и ничего не получилось. Ну, я надежды-то не теряю, пристаю. На третий раз он освободился от меня и ушел в ночной лес. А наутро зовет. Иди, говорит, что покажу. Приводит сюда. А здесь кресло каменное. Это, говорит, Трон Счастья. С тех самых пор я каждый день сажусь на этот трон и испытываю счастье. И когда приходили ко мне мужики и предлагали утолить мое женское желание, я им отказывала. Они-то все прооханные, на руках ношенные, удивлялись: почему? Но не расскажу же я им о Троне Счастья. Может, я не от лампы, а от Трона здоровье черпаю? Лампа, вон, двадцать лет не светила. И ничего. О, смотри! Отсюда Негасимый Огонь хорошо видно, лампу у дома и небо над лесом. Когда придет время умирать, я хочу умереть на Троне Счастья.

— Интересно... — ничего не понимая, пробормотал я.

— Нужно сесть удобно. Откинуться. (Зимой надо хорошо одеваться). Ладони положить на эти шарик.

Только сейчас я рассмотрел два блестящих медных шарика на краю подлокотников. Такие шарик я видел

на бильярах старых кроватей. Иева села в кресло, откинулась в нем и уверенно положила ладони на шарик.

— Класть нужно вот этими местами.

Указывая, она прижала к ладоням средний и безымянный пальцы.

— И о чем бы ты ни думал и как бы себя ни чувствовал, через десять минут испытываешь счастье.

— Какое счастье? — недопонял я.

— Да ну тебя! — выругалась Иева. — Ты как ребенок. Кончишь через десять минут!

Утром я проснулся от треска мотоциклетного двигателя. Выглянул в окошко. Народ начал съезжаться на праздник. Первыми приехали мужчина и женщина. «Урал» с коляской въехал в заросли лебеды. Приезжие доставали сумки и громко обсуждали с Иевой зловредную погоду, не дающую высушить сено. Следом подъехали старые оранжевые «Жигули». Потом Николас на своей повозке. Серый «Фольксваген», еще два мотоцикла, зеленый «Москвич», мотороллер...

Люди говорили громко, иногда сдержанно смеялись, здоровались. Ко мне подошли поздороваться все по очереди. Благодарили за починку Вечного Огня, представлялись. Удивлялись моему мастерству. Спрашивали, не ученик ли я Иевы. Я не понимал — ученик в чем? Но не отрицал и не подтверждал. Вежливо улыбался. Естественно, я не запомнил имена всех представившихся. Около тридцати человек. Запомнил Густава. Мужчина лет сорока. Немец. Обратил внимание на Василия Наумовича. Около шестидесяти лет. Худощавый, улыбчивый. Приехал из Красноярского края.

Николас организовывал приехавших носить из погреба и избы продукты. Женщины накрыли белыми скатертями привезенные Николасом столы и расстав-

ляли на них одноразовую посуду, бутылки с самогонном, котелки и кастрюли. Двое мужчин рассматривали светящуюся на столбе лампу-бутылку и что-то обсуждали. Я приблизился.

— Три контакта... Интересно бы померить напряжение.

— А Иева не признается, как она ее сделала?

— Отмалчивается. А ты печь ее видел?

— Нет. А что в ней такого?

— Пошли в избу, покажу. КПД невероятный. Иевин хлеб на всю округу славится.

Я не пошел следом за ними. Постеснялся дальше подслушивать. Но я уже догадывался о том, кто сложил эту печь. Конечно, Максим.

Мимо прошла Иева. Она несла огромный, похоже, горячий, закрытый казан. Я обогнал ее и помог установить казан, освободив пространство на столе.

Она встретилась со мною сверкающим взглядом и радостно улыбнулась.

— Через полчаса все пойдут к могилам, тогда и спросишь. Только не забудь, что хотел спросить.

— Все готово! — наконец провозгласил Николай, и те, кто еще не был за столом, начали забираться за него, перекидывая ноги через скамейки. Гомон стих, и все обернулись к сидящей во главе стола Иеве.

Она поднялась.

— У всех налито? Тогда послушайте. С этого мгновения никаких разговоров между приезжими. Говорить можно только со мною и теми, кого вы поощаете. Давайте выпьем.

Все выпили и начали закусывать. Я оказался на другом конце стола напротив Иевы. Когда я выпил и прилепил неустойчивый пластиковый стаканчик между тарелками, то осознал факт моего расположения за столом. Удивился. В этом месте ничего не бывает «просто так».

— Налейте еще! — сказала Иева. — И слушайте дальше. Я знаю, что все вы хорошо понимаете, о чем хотите узнать и что сообщить. Знаю и о том, что, направляясь сюда, как и в прежние разы, вы мысленно или вслух проговорили свои вопросы. Однако напоминаю о том, что ВСТРЕЧА — всегда очень волнующее событие. И, находясь в волнении, человеку свойственно забывать, путаться, сбиваться. И единственное, что поможет вам не допустить ошибки, это правильное настроение. Поэтому сейчас подумайте о том, что вы ИХ любите. Я всех вас знаю давно. И знаю о том, что вы ИХ любите. Просто вспомните об этом. И давайте выпьем.

Я вчера уже пил этот ядреный прозрачный самогон и помню то ощущение нереальности, которое он вызывает. Утром, пока съезжались гости, я сходил на опушку в ельник и убедился в том, что Трон Счастья не галлюцинация. Я поправил прикрывающий его полиэтилен, но забраться на него для проверки его действительности, как и вчера, не решился.

Вторая стопка пошла легче. Похоже, собравшиеся ничуть не тяготились обетом молчания. Они внимательно следовали наставлениям Иевы и налегали на закуску.

Я пока не понимал цели действий и смысла ритуала.

— Налейте!

У кого-то улетел стаканчик, и ему тут же молча подали запасной.

— Теперь вспомните о том, что вы ИМ ровня.

И между вами только любовь и взаимоуважение. Вам нужны их любовь и помощь, ИМ — ваши.

Люди сидели, уставившись в свои стаканы. Старые и молодые. Мужчины и женщины.

— Выпьем!

Выпили.

— А теперь, — провозгласила Иева, — улыбнитесь и идите к НИМ.

Молча и с улыбками все пошли к кладбищу.
 Мы с Иевой остались сидеть друг напротив друга
 с разных торцов длинного стола.
 — Почему Вы не пошли? — спросил я Иеву.
 — Я же говорила тебе, что каждый день с НИМИ
 общаюсь. До усталости.
 Она с улыбкой подняла стаканчик с самогоном.
 — Наливай!
 Я налил. Мне было хорошо видно, как люди раз-
 бредаются среди могил и усаживаются на землю.
 Некоторые ложились.
 — Земля теплая! — ответила на мои мысли Иева. —
 Выпьем за Максимку, который нас познакомил.
 Я удивился, но смолчал и выпил.
 — Знаешь, я сильно удивлялась его мудрости.
 И спрашивала его, где он научился всему этому.
 Она начала хрустеть свежим огурцом.
 — Что он ответил? — не выдержал я.
 — «Во сне».
 Я прогнал от тарелки муху и снова посмотрел
 на Иеву.
 — А когда я его спросила, указав на сложенные
 камни, родник и огонь, как ты это делаешь. И зна-
 ешь, что он ответил?
 Иева внимательно смотрела на меня.
 — Что?
 — «Во сне».
 Мы помолчали, «давая брошенному в воду камню
 опуститься на дно».
 — А когда он уходил от меня, я спросила его: куда
 ты уходишь. Знаешь, что он ответил?
 — В сон!
 — Верно! Видишь Густава? Это внук Ганса. В про-
 шлом году Ганс посоветовал Густаву второй раз женить-
 ся и родить ребенка. Ну, чтоб жена родила ему... —
 Иева засмеялась сама себе — А Густав рассказывал Гансу

о том, как работает на полярной станции в Антарктиде.
 ОНИ очень любят слушать о нашей жизни. Сегодня
 Густав расскажет Гансу о том, что у него родился сын,
 и назвали его Гансом. И спросит у деда совета оставить
 экспедиционную работу ради близости к семье.
 — И что ответит Ганс? — спросил я.
 — Не знаю. Густав вечером расскажет. Если захо-
 чет. А вон тот мужчина в возрасте...
 — Василий Наумович!
 — Да, да. Наумович. Его отец, рядовой красноарме-
 ец Наум Алексеевич Зыков, убил гранатой офицера
 германского рейха Ганса Кальба. Сам спустя секунды
 погиб под минометным залпом. Их могилы рядом.
 — Откуда Вы это знаете, Иева? Вы будто на поле
 боя находились.
 — Максим рассказывает.
 — Максим? Рассказывает?
 Я нервно постучал ногой о ножку стола.
 — Как же он Вам рассказывает?
 Иева вопросительно посмотрела на меня и подня-
 ла брови.
 — Ты ответь, «как»?
 — Во сне! — механически произнес я.
 Иева рассмеялась.
 — А вон те рыженькие девушки...
 — Этим «девушкам» под пятьдесят...
 — А мне под восемьдесят, значит — «девушки»! Это
 двоюродные внучки Кондрата Лыкова, бойца НКВД,
 подорвавшегося на mine возле бункера. Когда Мак-
 сим нашел его тело в лесу, при нем не было докумен-
 тов... но была фотография Максима Ивакина. Вот эта.
 Я поднялся, на ватных ногах добрался до Иевы,
 взял у нее из руки желтую в пятнах и с надорванным
 углом фотографию и опустил на скамейку. Вот ты
 какой, Максимка! Офицер. Лицо простое. Крестьян-
 ское. На инопланетянина не похож.

С обратной стороны чернилами: «Ивакин М. С. г.р. 1915».

— А Кондрат Лыков не говорил, зачем он искал Максима Ивакина?

— Я с ним не разговаривала об этом. Но понятно, что он выполнял приказ командира. НКВД — организация строго государственная. И строго блюдушая. Иева, как обычно, улыбнулась своей шутке, интересы государства. Теперь Лыков вольный покойник и не служит в НКВД. У нас с ним есть более важные темы для бесед.

— Почему? — не мог угомониться я. — Вам не интересно?

— Во-первых, нам с ним интереснее в настоящем. У него сильный аналитический ум и он занят глубоким осмыслением причин и последствий изменения напряженности магнитного поля Земли. Во-вторых, он никогда и никому не раскроет секреты, которые присягал хранить. И, если по большому счету, — они тебе зачем? Допустим, ты все это узнал — оно тебе нужно?

Я растерялся.

— Вроде нет. Но... это как-то трогает.

— «Трогает», — повторила Иева, — вот, чтобы не «трогало», Максим и ушел в Сон.

— Иева! — я впервые обратился к ней по имени. — Я не понимаю, где этот «сон».

— А что ты понимаешь? — улыбнулась Иева. — Что такое солнце и почему оно светит? Почему земля притягивает, а небо отталкивает? Почему у тебя два глаза, две руки, две ноги, а писюн один?

Иева залилась веселым смехом.

— Тебе мало того, что ты живешь? Солнце нужно для того, чтобы светить и греть, а не для того, чтобы спрашивать, как оно светит. А писюн нужен для того...

Она снова залилась смехом, и я понял, что внятного ответа на свой вопрос не получу.

Но вдруг она перестала смеяться и серьезным тоном произнесла:

— Максимка умеет делать добро. Солнце светит, Земля притягивает, Максим делает добро. Это их свойства и назначение в мире. Вон те люди, — Иева кивнула в сторону кладбища, — избежали самого великого и самого неизбежного в мире несчастья — потери близких. Это лучшее Максимкино изобретение.

Она поднялась.

— Давай приберемся на столе. Иначе до вечера мухи здесь все загадят.

Вечером, когда народ возвратился к столу и было разрешено разговаривать, я спросил Николаса, как из деревни ходит транспорт.

— Хочу завтра уехать.

— Поехали ко мне. Густав будет у меня ночевать. А утром он едет в город и тебя заберет.

Далеко за полночь я сидел на козлах рядом с Николасом и смотрел в проплывающую мимо темноту. Мы уступили дорогу обогнавшим нас мотоциклам, мотороллеру, «Москвичу» и «Жигулям». Последним нас обогнал «Фольксваген». Он остановился и из окошка высунулась подсвеченная зеленым загробная физиономия Густава. Я спяну чуть не назвал его Гансом. Он уточнил у Николаса, куда в деревне ему подъехать, чтобы нас подождать. Николас объяснил, что его изба открыта и Гансу... тьфу! Густаву нужно только войти в нее, лечь на кровать и уснуть. «Фольксваген» укатил.

— Скажи, Николас, с кем ты встречался под Неугасимым Огнем? Кто-то из родных?

Николас вздохнул.

— В конце войны пришел к нам в избу как-то солдатик. Мы с матерью думали комиссованный. Это

потом через годы я догадался, что он до этого жил у Иевы. Максимом назвался. Я малой был. Энергичный. Любопытный. Пожил он у нас недолго. Сортир сделал. Поверишь, до сих пор пользуюсь. Соседи каждые три года новую яму копают — перетаскивают. А у меня с войны. И как в прорву все улетает. Ни вони, ни мух. Как-то соседские дети ведро гнилых яблок высыпали... Как в прорву! Я когда уже в городе в университете учился, как-то с матерью, Царство ей Небесное, зашел на хутор к Иеве. Увидел я ее чудеса-волшебства, там: огонь, лампу, источник — сразу сообразил, что они и наш сортир — дело рук одного мастера.

— А почему ты Иеву ведьмой называл?

— Потому, что мудрая она. Ведает смысл бытия.

— А с Максимом что было дальше?

Николас снова тяжело вздохнул.

— Говорю тебе, вредным я был. Заходили как-то к нам энкавэдисты — соколы ясные, фотографию красноармейца показывали. Интересовались, не появлялся ли? Потом они на минное поле где-то наскочили. Потеряли двоих. Третьего раненого вынесли, телегу искали в деревне.

А когда через полгода Максим к нам пришел, я в нем сразу узнал офицера с фотографии. Чего меня дернуло тогда однолетке своему Павлу, Царство ему Небесное, рассказать? Рассказал. А через несколько дней выхожу из избы, а меня за горло и в бурьяны.

— Примак, — спрашивают, — в избе?

— Да, — киваю.

— А мать в избе?

— В избе.

— Вызови мать. Только смотри, без фокусов.

И наган под нос суют.

Я вошел и из-за косяка, чтоб Максим не видел моей напуганной рожи, позвал мамку. Вышла она.

А эти, ни слова не говоря, отталкивают нас и гранаты в открытую дверь... Я думал — документы проверят, удостоверят личность, арестуют, если дезертир. Даже не убедились, он ли это? Гранатами, не глядя. Мы с матерью долго у соседней ютились.

— Почему так могло быть, Николас? Кому он мешал?

— Кто знает? Вокруг этого парня все было загадкой. Он и сам загадка из загадок.

— Инопланетянин?

— Да нет, что ты? Когда я с ним сегодня разговаривал у Вечного Огня, мне показалось, что это мы инопланетяне. А он как раз настоящий абориген Земли. С ним поговорить, как воды живой напиться. Я понижаю Иеву. После общения с таким парнем остальные кажутся призраками.

— И никаких догадок?

— Гадать можно, что угодно. Иногда я так думаю: была на Земле какая-то цивилизация — пирамиды строили, курганы насыпали, планетами управляли... На смену им пришли другие — электричество придумали. Самолеты, автомобили, ракеты строят. А тех, предыдущих, зачем-то истребляют. Вот, наш Максим из предыдущих. Забрел к нам. А может, он в НКВД работал, да сбежал от них...

Николас продолжал строить версии, а я курил и думал о том, что еще совсем недавно жизнь казалась однообразной, пустой и бессмысленной.

За деревьями появились огни деревни. Лаяли встревоженные понаехавшими гостями собаки. Всплывала убывающая луна.

Мы ехали и ехали, а я вспоминал, как, прощаясь со мною, синеглазая Иева сказала:

— Жизнь становится в тягость, когда ее перестаешь замечать!.

Дикие лебеди

Старые сказки в новой окраске

В эпоху, когда космос еще казался бескрайним, а звездолетам, чтобы пересечь галактику, приходилось лететь сотни лет, жил-был вольный разведчик, один из тех героических пилотов прошлого, о которых слагают легенды. Однажды, возвратившись из поиска, прямо у дверей космопорта встретил он милую женщину, в которую сразу влюбился. Быстро сыграли свадьбу — вольные разведчики не так много времени проводят на Земле — потом ушел он в рейд, а спустя девять месяцев на свет появилась Элиза. Одиннадцать раз возвращался пилот на землю, одиннадцать младших братьев было у девочки. А на двенадцатый раз не вернулся отец, пропал в опасной экспедиции в Крабовидной туманности. Недолго горевала мать, вышла замуж за программиста, появился у Элизы и ее братьев отчим. Нельзя сказать, что он был плохим человеком, просто не заладились у него отношения с мальчуганами — он мыслил машинным кодом, а братья Элизы мечтали о звездах. Пыталась помирить их девочка, но не способно воспитание побороть голос крови, и, когда исполнилось младшему из братьев четырнадцать, ушли они все вместе из дома, поступать в летную академию имени Юрия Алексеевича Гагарина. Пыталась отговорить их Элиза, горько плакала мать, но непреклонны были братья — поклялись они стать пилотами-разведчиками, полететь в Крабовидную туманность и отыскать отца. Не верили они в его гибель, думали, что странствует где-то в глубоком космосе криокапсула, в которой ждет их в анабиозе

Дэн Шорин (Денис Анатольевич Шорин)

Тульский писатель, потомок И. С. Тургенева. Родился в Тульской области, там же и прожил большую часть своей жизни. Писать начал еще в школе. Относится к «сетевому поколению» фантастов, вышедших из сетевых конкурсов. Публиковался во многих журналах: «Если», «Шалтай-Болтай», «Порог» и многих других, в сборнике рассказов «Фэнтези 2005/2», в пяти сборниках «Аэлита». В настоящее время работает в логистической компании.

отец. Ушли из дома мальчишки, разом осунулась и постарела мать, погрузился с головой в виртуальную реальность отчим. Целыми днями сидела у окна Элиза и думала, как вернуть братьев. Ласковые лучи солнца согревали девушку, и однажды она заснула, склонив голову на подоконник. И приснилось ей, что сидит она с братьями на берегу тихого пруда, заросшего ряской, а за спиной — высокая, в человеческий рост, крапива. И собрались братья уйти от Элизы, пошли прямо в крапиву, но вдруг выскочили обратно, все покрытые волдырями, больно кусалась крапива. Проснулась Элиза и побежала к матери, сон рассказывать. Выслушала девушку мать и сказала:

— Не просто сон тебе приснился, то было знамение, как удержать дома братьев, защитить их от пустоты космоса и гибели лютой. Практически всеильна в наше время медицина, не осталось болезней, которые не могла бы она одолеть, да только с аллер-

гией до сих пор не справилась, потому что не болезнь это, а защитная реакция организма. Рассказывал ваш отец, что с детства у него жуткая аллергия на крапиву. Стоит только дотронуться до ее листика, как по всему телу сыпь появляется, и вылечить ее не выходит, лишь со временем сама исчезает. Хотела удержать его я, подсунув в одежду пучок крапивы, да ничего поделатъ не смогла, только раз в жизни вольные разведчики проходят медкомиссию, в тот самый день, когда заканчивают академию. Однако он обмолвился, что аллергию вызывает генная аномалия, передающаяся по мужской линии, в научной литературе это именуется голландрическим признаком.

— Что же мне делать, матушка? — спросила Элиза.

— Нарви крапивы, спряди из нее нитей, сотки из этих нитей одиннадцать рубах для братьев, и в тот день, когда приедут они домой после последнего экзамена в академии, — сделай им подарок. Наденут они рубахи, пойдут после на медкомиссию, тут-то и проявится их аллергия, признают их негодными по медицинским показаниям. Только не говори никому раньше времени, а то проведает братья о твоих планах, не примут подарка, улетят к звездам и погибнут там, даже могилки их на Земле не останутся, цветы отнести будет некуда.

— Я буду молчать, куда братья не наденут рубахи, — поклялась Элиза, и с тех пор никто не слышал от нее ни единого слова.

Нарвала Элиза крапивы, попыталась пряхть нить, только не получалось у нее ничего. Первая рубаха расплзлась в клочья, вторая оказалась мала даже самой девушке, у третьей правый рукав был вдвое длиннее левого. Год минул, другой, освоила Элиза прядильные и ткацкие программы, установила дома мини-фабрику, и пошло дело на лад. Получались у девушки добротные рубахи, вот только не было

в них шарма, свойственного работам ведущих модельеров. Написала Элиза матери письмо электронное, мол, так и так, не получается у меня рубах, в которые бы братья влюбились с первого взгляда, так, чтобы сразу надеть их. Чего-то в мастерстве моем не хватает, какой-то безделицы, которая и отличает произведение искусства от работы ремесленника.

— Не грусти, — ответила мать. — Не твоя в том вина, просто крапива слабая попалась. Экология нынче не та, раньше и солнце было ярче, и небо голубее, и трава зеленее, и крапива злее, да выродился нынче мир. Знаю я, как беде твоей помочь — настоящая крапива на кладбище растет, да только в полночь рвать ее надо, дабы сила из нее не вышла.

Послушала Элиза матушку, пошла ночью на кладбище, нарвала крапивы, спряла из нее нить, соткала рубаху. Получилась вещь на загляденье, соседи, увидев рубаху, купить хотели, большие деньги сулили, да только не продала ее девушка, убрала в шкаф пластиковый, заперла на замок кодовый, миллиард вариантов содержащий, чтобы не украли подарок, брату предназначенный. Обиделись соседи на Элизу, не поверили, что она сама такую красоту сделала. Стали следить за девушкой, заметили, что та ночью на кладбище ходит, позвонили в больницу, на устройствах душевных специализирующуюся. Пошла Элиза ночью за крапивой, только нарвала, а там ее уже флаер медицинский ждет. Отвезли девушку в закрытую лечебницу с решетками на окнах и стенами мягкими, долго разные пятна показывали да спрашивали, что она там видит, но молчала девушка, памятуя клятву свою ничего не говорить, куда братья не наденут рубахи. Долго ли, коротко ли, вызвал ее к себе главный врач, вопросы каверзные задавал, но молчала Элиза, только жестами просила вернуть ей крапиву да к станку программируемому

допустить. И сдался врач, решив, что с рождения нема девушка, а трудотерапия полезна ей будет. Неделя оставалась до возвращения братьев из академии, по восемь часов в день работала Элиза, могла бы и больше, да возбранялось то уставом клиники. Закончила она десятую рубашу, взялась за одиннадцатую, но не хватило крапивы на правый рукав последней рубашки, получилась она с одним рукавом.

Вернулись братья из академии, довольные собой, в новенькой форме, на кителе у каждого красовался шеврон с летящем лебедем — лучших курсантов вольной разведки традиционно называли «Дикими лебедами» за отвагу и горящее сердце. Узнали они, что заточили их сестру в лечебницу по навету соседей, пришли к главному врачу и забрали девушку домой. Достала Элиза одиннадцать рубах, молча протянула братьям. Десять братьев, увидев такую

красоту, сразу же их надели, а одиннадцатый, младший, у рубахи которого не хватало рукава, решил, что не дело недошитую рубашку надевать, и остался в своей форме. Разверзлись уста Элизы, называла она по именам братьев и радовалась, что вызволили они ее из плена. Пошли они на следующее утро к врачам, тут-то и пошла у десяти братьев сыпь по всей коже, признали их негодными к космосу, а одиннадцатый — младший — прошел медкомиссию и стал Диким лебедем.

Долго ли, коротко ли, нашел он в Крабовидной туманности криокапсулу с отцом, привез ее в Солнечную систему. Воскресли врачи отца Элизы из анабиоза, воссоединился он с семьей. И радовались братья, что не удалось Элизе доткать последнюю рубашку, потому что самые благие женские начинания всегда выходят боком нам, мужчинам. **У**

29-Й ЕВРОПЕЙСКО-АЗИАТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ФАНТАСТИКИ «АЭЛИТА»

С 23 по 26 мая 2012 года в Екатеринбурге пройдет 29-й Европейско-Азиатский фестиваль фантастики «Аэлита».

Фестиваль «Аэлита» является одним из крупнейших культурных событий региона с интересными традициями и богатой историей. Лауреатами главной премии фестиваля в разные годы становились такие признанные писатели, как братья Аркадий и Борис Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычев, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев. Фестиваль «Аэлита», безусловно, способствует поддержанию и развитию положительного имиджа Екатеринбурга, Свердловской области и всего Уральского региона.

В настоящее время идет голосование Всероссийского жюри по главной премии — премии «Аэлита», вручаемой за выдающийся вклад в развитие русскоязычной фантастики. Среди номинантов на премию такие известные отечественные фантасты, как Роман Злотников, Андрей Белянин, Вячеслав Рыбаков, Владимир Панов, Олег Дивов и другие.

Так же на «Аэлите-2012» планируется впервые вручить новую премию — «Орден Добра и Света» имени Ивана Соколова, известного Екатеринбургского фэна, много лет оказывавшего поддержку оргкомитету и безвременно ушедшего от нас в прошлом году. ПО проекту положения премия будет вручаться за пропаганду идей добра и гуманизма в фантастических произведениях. Лауреат будет выбираться голосованием участников фестиваля. Один из первых претендентов на данную премию в 2012 году — Владислав Петрович Крапивин.